

ДЖАМБАТТИСТА
БАЗИЛЕ

Издательство Ивана Лимбаха

Джамбаттиста Базиле

**Сказка сказок, или
Забава для малых ребят**

«Издательство Ивана Лимбаха»

Базиле Д.

Сказка сказок, или Забава для малых ребят / Д. Базиле —
«Издательство Ивана Лимбаха»,

ISBN 978-5-89059-243-9

Сборник сказок неаполитанского писателя и поэта Джамбаттисты Базиле (1566–1632) – один из самых ярких памятников литературы итальянского барокко. Используя сюжетную канву народных сказок, соединяя с ними повествовательные приемы новеллино XIV–XVI вв., Базиле создает оригинальные произведения, дающие яркую картину жизни и нравов своего времени, галерею психологически достоверных образов, не теряющих свежести и четыре века спустя. Некоторые сказки Базиле послужили основой для «Сказок матушки Гусыни» Шарля Перро, а также для сказок братьев Гримм. Петр Елифанов переводил с древнегреческого памятники византийской гимнографии (Роман Сладкопевец, Иоанн Дамаскин, Козма Маюмский), с французского – философские труды Симоны Вейль, с итальянского – стихотворения Джузеппе Унгаретти, Дино Кампаны, Антонии Поцци, Витторио Серени, Пьера Паоло Пазолини.

ISBN 978-5-89059-243-9

© Базиле Д.

© Издательство Ивана Лимбаха

Содержание

Об этой книге	7
Об авторе	15
Сказка сказок	20
Вступление	21
День первый	27
Сказка про орка	28
Миртовая ветка	34
Перуонто	40
Вардьелло	47
Блоха	51
Кошка-Золушка	56
Купец и его сыновья	61
Козья морда	69
Волшебная лань	74
Ободранная старуха	79
Капéль	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Базиле Джамбаттиста
Сказка сказок,
или Забава для малых ребят

LO CUNTO DE LI CUNTI

overo

LO TRATTENEMIENTO DE PECCERILLE

DE

Gian Alessio Abbattutis

Questo libro è stato tradotto grazie ad un contributo alla traduzione assegnato dal Ministero degli Affari Esteri Italiano

Эта книга переведена при поддержке Министерства иностранных дел Италии

В оформлении книги использованы гравюры и офорты Жака Калло (1592–1635)

© Петр Епифанов, перевод, статьи, примечания, 2016

© Н. А. Теплов, дизайн обложки, 2016

© Издательство Ивана Лимбаха, 2016, 2017

* * *

Портрет Джамбаттисты Базиле. Гравюра Н. Перре по оригиналу Дж. Б. Карачоло. Не позднее 1630 г.

Об этой книге

Миллионы детей и взрослых на всех пяти континентах знают сказки про Золушку, Кота в сапогах, Спящую красавицу. Преодолевая века, расстояния, политические и языковые границы, они давно стали такой же неотъемлемой частью общечеловеческой культуры, как поэмы Гомера и Данте, драмы Шекспира или проза Достоевского. Однако мало кому известно, что эти и многие другие сказки, прочно связанные с именами Шарля Перро, Карло Гоцци и братьев Гримм, являются переложениями из книги «Lo cunto de li cunti» («Сказка сказок»), вышедшей пятью томами в 1634–1636 годах в Неаполе. На титульном листе книги стоял псевдоним, которым была подписана ее рукопись: Джан Алессио Аббаттутис, а в предисловии пояснялось, что книга написана кавалером Джамбаттистой Базиле, недавно умершим, издается заботами его сестры и посвящается покровителю покойного – сиятельному Джан Галеаццо Пинелли, герцогу Ачеренца.

И вот, спустя почти четыре века, вы держите в руках первое издание на русском языке этого первого в европейской истории сборника сказок – книги, влияние которой в той или иной мере затронуло, вероятно, всех больших писателей-сказочников нашего континента. Если же говорить о влияниях опосредованных, их следы можно обнаружить и у писателей, которые самого Базиле не читали, имея дело лишь с переработками, – например, в сказках Пушкина, в «Коньке-Горбунке» Ершова и даже в «Уральских сказах» Бажова.

Европейскому читателю «Сказка сказок» известна давно: она трижды переведена на немецкий, четырежды на английский, как минимум дважды на французский языки. Совсем недавно, в 2014 году, вышло венгерское издание. При этом первый перевод книги с неаполитанского диалекта на общепринятый итальянский был опубликован лишь в 1925 году, на полвека позже, чем сказки Базиле получили известность в Новом Свете. Обстоятельства развития итальянской культуры в XVIII и XIX веках были таковы, что заново открыть для себя книгу неаполитанского сказочника нация смогла менее столетия назад. Вот и русский перевод мы не назовем запоздалым: национальной культуре, чтобы хорошо расслышать тот или иной голос извне, бывает надобно пережить и осмыслить нечто свое.

Первый приходящий на память пример – Данте. Притом что русский XIX век знает девять полных или частичных переводов «Божественной комедии», ни один из них не имел такого успеха, какой достался переводу М. Л. Лозинского, выполненному среди бедствий и тревог Великой Отечественной войны. Причина этого не в стотысячных тиражах советских государственных типографий. Все станет яснее, если мы проследим, как в годы, предшествующие труду Лозинского, менялось место Данте в мысли и творчестве русских поэтов. Из обобщенно-символического образа («ветхий Данте» Пушкина, «Данте с профилем орлиным» Блока) в 1920-е и 1930-е годы он становится живым собеседником, спутником по историческим мытарствам, катастрофам России и мира. Здесь сразу приходят на память и «Разговор о Данте» (1923) Мандельштама, и обращения к флорентийскому поэту в стихах Ахматовой, и посвященная ему большая книга Мережковского (1937).

Серьезное восприятие Базиле на русской почве также нуждалось в подготовительном периоде. Если говорить об опыте чисто литературном, главное место принадлежит, пожалуй, прочтению Пруста и Джойса. Прустовский поток эпизодов, эмоций, предметов прошлого, из которого воссоздается огромный и цельный мир детства; апофатическое воскрешение целостного бытия из мрака и хаоса – цель стиливой игры в «Улиссе» Джойса – все это мы узнаем в книге Базиле, написанной тремя веками раньше. Афоризм Джойса «комичность – это космичность» вообще стоит того, чтобы его поставить к ней эпиграфом. Но еще важнее для нас – наш национальный исторический опыт, пережитый в слове, в языке. Самым впечатляющим памятником такого переживания в русской литературе являются рассказы и повести Андрея

Платонова. У Платонова язык – авторская речь, и речь персонажей перерастает собственно текст, поднимаясь до уровня живой силы, властно выстраивающей как отдельные судьбы персонажей, так и судьбу всего изображенного писателем людского мира. Без этого языка сейчас кажется невозможным понять человека послереволюционного столетия. Это не только культурный портрет эпохи, не только энциклопедия нравов. Не описание, не сюжет, но именно язык становится у Платонова наиболее полным свидетельством трагедии¹ человека в ее конкретно-историческом аспекте.

О том же самом – сквозь вечные, древние сказочные сюжеты – свидетельствует и речевой стиль Джамбаттисты Базиле. Между писателями, разделенными более чем тремя веками, обнаруживается прямая общность художественного метода. Выберем наудачу фрагмент из «Ювенильного моря» Платонова, который Базиле, несомненно, горячо одобрил бы, узнав в нем черты собственного письма и даже собственной интуиции:

...То стоял в глубоком размышлении Умрищев, держа ветхую книгу в руках <...> Он не заинтересовался конными людьми, ответил только на привет Вермо и дал необходимое разъяснение: что колхоз его отсюда недалеко – виден даже дым утренних похлебок, что сам он там отлично колхозит и уже управился начисто ликвидировать гнусную обезличку и что теперь он думает лишь об усовершенствовании учета: учет! – Умрищев вдруг полюбил своевременность восхода солнца, идущего навстречу календарному учтенному дню, всякую цифру, табель, графу, наметку, уточнение, талон – и теперь читал на утренней заре Науку Универсальных Исчислений, изданную в 1844 году и принадлежащую уму барона Корфа, председателя Общества Поощрения Голландских Отоплений. Одновременно Умрищев заинтересовался что-то принципиальной сущностью мирового вещества и предполагает в этом направлении предпринять какие-то философские шаги.

Платонов смотрит на причудливые кувыркания сырого человеческого ума, подхваченного революционным вихрем, с жалостливой улыбкой, сознавая, что не только в этой взбаламученной стихии, но и в любой «взрослой» человеческой мысли таится детство, с его мечтой и удивлением. И сквозь улыбку наблюдателя будто сам принимает участие своего персонажа. Пока живо это детское мышление, эта способность «любить своевременность восхода» и встречать утреннюю зарю в мечтательном размышлении над книгой – жив, посреди любого разора, озлобления, вырождения, и сам человек.

Базиле, обильно вводя в речь безграмотных старух перековерканные латинские термины или цитаты из Овидия или Петрарки, комически контрастирующие с описываемыми ситуациями, делает, собственно, то же самое. То он поет гимн Добродетели, неотделимой, по его мнению, от упорства в книжном учении (сказка «Два брата»), то совершенно по-платоновски «наивной» шуткой обрушивает авторитет любой книжной теории:

Поистине удивительно, если призадуматься, что из одного и того же дерева высекают статуи богов и брусья виселиц, седалища императоров и крышки ночных горшков; и трудно вообразить, что из одной и той же веточки выделяют бумагу, которую, вместе с написанным на ней любовным письмом, целуют губы прекрасной женщины, и такой же точно бумагой вытирает задницу какое-нибудь ничтожество: от одной только мысли об этом потеряет разум и лучший астролог этого мира («Принц Верде Прато»).

Да так ли уж необходимо – спросят меня – сравнивать вещи столь культурно-исторически далекие? Какой в этом смысл: мир «Котлована» и «Ювенильного моря», до конца лишенный оправдания и света, мир сгустившегося и побеждающего небытия, ставить рядом с миром сказок Базиле – полным не только опасности, насилия, обмана, но и красоты, и радости, и надежды, миром, которому писатель в каждой строчке кричит «да!». Ведь, если уж решиться на

¹ Слово «трагедия» здесь употребляется не в разговорно-бытовом или журналистском значении слова, но с отсылкой к древнегреческой трагедии, а также к программной статье молодого Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1871).

такое сопоставление, Платонов окажется абсолютным антиподом Базиле. «Если бы... была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время», – отозвался о «Котловане» Иосиф Бродский. В платоновских степях некуда бежать от безумия, расчеловечения и смерти. После прочтения Базиле читателю хочется выйти на широкий простор, вдыхая полной грудью свежий воздух, и вслед за его персонажами бодро и смело пуститься в дальний путь.

Именно *поэтому* сопоставление не только оправданно, но представляется даже необходимым, коль скоро мы, русские читатели XXI века, хотим понять, что за книга перед нами, чем она актуальна и какую пользу способна принести нам как людям своего времени, находящимся в своей культурно-исторической ситуации. Европейские писатели-сказочники прошлых веков видели в Базиле по большей части источник фабул, пеструю мозаику, из кусочков которой можно собирать новые сюжеты. Но сказочная фабула, которую в большинстве случаев Базиле тоже откуда-то заимствует, – лишь один, не самый важный, из компонентов его творения.

Подлинно великим и многогранным произведением литературы делает книгу Базиле то, что она обращается к вечному содержанию человеческих чувств и отношений, одновременно рисуя поразительную по широте охвата картину эпохи и среды, в которой написана. «Сказка сказок» является богатейшим источником по южноитальянскому быту начала XVII века. По ней можно составить объемистую коллекцию пословиц и поговорок, список танцев, бывших как в придворном, так и в народном употреблении, каталог детских и карточных игр, словарь городского и солдатского сленга и ругательств. По тому, как нескрываясь увлечен такого рода коллекционированием сам автор, мы могли бы заподозрить в нем интерес, который сегодня назвали бы этнографическим. Образы, цветистые и развернутые сравнения, мелкие штрихи и детали описаний не хуже богатого музея вводят нас в материальную культуру, в общественные отношения, в повседневную жизнь всех слоев общества – от высшей знати до последней бедноты. Нам привычнее бывает представить в роли собирателя фольклора или прихотливого эстета человека со стороны – не того, кто, как Базиле, является плотью от плоти изображаемой им среды. Характерная для Базиле установка на любовное наблюдение, изучение и описание родного автору городского мира, во всевозможных подробностях повседневной жизни, воспринята им от предыдущего поколения неаполитанских литераторов. Со второй половины XVI века, после подавления испанскими властями ростков местного свободолюбия, часть поэтов и писателей избирают особый вид внутренней эмиграции, уходя от прежних тем рыцарских подвигов или галантной любви, от придворного одописания в городскую топографию и быт, воспевая улицы и кварталы, любовно оглядывая каждую черту местной культуры, местного своеобразия – в языке, нравах, музыке, играх, кулинарии... Не некая «идея Неаполя», былого или будущего, которая могла бы питать надежды на восстановление независимости, преобразование государственного строя и тому подобное, но Неаполь каков он есть теперь и всегда, во всех светлых и темных сторонах, живущий своей стихийной жизнью помимо воли чужеземных владык, – вот предмет отчаянно-нежной любви неаполитанского поэта, сочетающего лирический пафос с грустной усмешкой. Так пишут предшественники Базиле – Велардьелло, Джован Баттиста дель Туфо (1548–1600) и его друг и литературный единомышленник Джулио Чезаре Кортезе (около 1570–?)². Их интонации подхватывает в своих обращениях к родному городу и Базиле:

Держи крепко, что тебе оставляю, прекрасный мой Неаполь! Кто знает, увидимся ли снова? Увижу ли кирпичи твои – пирожки обсыпные, стены твои – печенья миндальные;

² Кортезе, чьи даты жизни точно неизвестны, а литературная биография не лишена загадочности, был почти ровесником Базиле. Предшественником он назван здесь потому, что к теме Неаполя, к использованию в своих стихах диалекта обратился значительно раньше Базиле, вдохновлявшегося примером друга.

мостовые твои – леденцы сладкие, стропила твои – тростинки сахарные; двери и окна твои – торты сливочные? Горе мне: ухожу от тебя, Пеннино прекрасный, – иду как вслед гроба ужасного; оставляю тебя, площадь Широкая, – и духу тесно в груди моей; разлучаюсь с вами, Роици Вязовые, – и вся жизнь моя в куски разбивается; ты прощай, улица Копейщиков, – душу мне прошло копье каталонское; прости меня, Форчелла милая, – сердце мое, будто из клетки, наружу просится. Где найти мне другое Пуэрто – пристань родную, что всего света милее? Где найду те сады Шелковичные, где Любовь мне пряла нити свои шелковые? Где еще найду Пертусо, прибежище всякого люда мастеровитого? Разве найдется другая Лоджа, где живет изобилие безмерное, где живут вкусы утонченные? Ох, коль покину я тебя, мой Лавинаро, потечет из глаз моих река многослезная! Если оставлю тебя, мой Меркато, в душе печаль клеймом останется! Если уйду от тебя, Кьяйя моя дивная, словно гору потащу каменную! Прощайте, морковь со свеклою, прощайте, капуста с тунином жареным, прощайте, икра и молоки, прощайте, рагу и паштеты; прощай, цвет городов, прощай, краса Италии, прощай, Европы яичко расписное, прощай, всего мира зеркальце ясное, прощай, Неаполь прекрасный, лучше, чем ты, во вселенной нет и не будет; прощай навеки, город милый, где доблесть границы утвердила и красота пределы поставила! Ухожу и навсегда теперь останусь вдовцом без твоей пиньята маритата!³ Ухожу из дома родного, любимого, и вас, забавы мои юные, позади оставляю! («Купец и его сыновья»).

Не удивительно ли, что этот лирико-гастрономический плач, в котором, среди приметных городских реалий, прочувствованно поминаются и «Шелковицы», квартал, славный «веселыми домами», и трущобно-разбойное Пертусо – места, дающие представление о характере «юных забав» героя, – воспринимается как нечто безусловно серьезное и, более того, возвышенное, пробуждая в читателе искреннее сочувствие? То, что выглядит пародией на патетику, звучит подлинно патетически. Почему не смешны, а трогательны чуть не до слез эти обращения к блюдам? Пища здесь оказывается метафорой семейного уюта, очага, круга родных и друзей, праздника – всего круга впечатлений, которые с раннего детства создают в человеке чувство родного, родины. Самое время вспомнить русского автора, который, так же как Базиле, искренен в своей патетике «чревного», – Василия Розанова. Это сближение «верха» и «низа» берет читателя буквально за живое, подсознательно подсказывая ему тропу возвращения в мир раннего детства, где между «верхом» и «низом» нет никакого конфликта, где физиологическое удовольствие бескорыстно, непосредственно соединяясь с чувством родного и прекрасного.

Вот еще пример. В сказке «Светлый лик» оставленная любимым девушка, которая в конце умрет от своей любви, впускает в свой горестный монолог, вместе с поэзией плача, причитания, неудержимый поток метафор и сравнений из сугубо непоэтических сфер жизни и быта. Приводим лишь часть:

Опустила я ведро в колодец желаний любовных, и осталась у меня в руке только дужка! Развесила чистое, белое белье надежд, а с ясного неба полил дождь! Поставила кастрюлю мыслей на огонь желанья, а сверху напала в нее сажка несчастья! <...> Насмеялся, натешился, насытился, кроил мне длинный плащ, а вышила короткая куртка, обещал моря и горы, а толкнул в канаву, умыл мне лицо, чтобы оставить меня с черным сердцем! О обещания ветра, о слова-мякина, о клятвы жареной селезенки! О, хоть четыре раза услышишь, не верь, пока в суму не положишь! Огонек увидала, коника погнала; думала передохнуть малость, ан до него сто миль осталось! Сладко песни пелись, да по ветру разлетелись! Думала с ним жить, как мяско с жирком, а разбежались, как собака с котом! Думала с ним быть как ложка с черенком, а остались, как лягушка с ужом! Ибо нет сил моих видеть, как другая счастливица, вытянув свои пятьдесят пять⁴, первым пасом всю мою надежду погубила! Как мне за шахом

³ Праздничное мясное блюдо (буквально: замужняя кастрюля).

⁴ Выигрышная комбинация в карточной игре.

сразу мат поставила! Ох, Ренца-бедолага, большие мужчинам доверяй, слова пустые в пазуху собирай! О мужчины без закона и без чести! Несчастлива та, что с ними свяжется, бедняжка та, что им доверится, горемычная, кто уляжется на широкую постель, что перед нею растилают! Но не горюй: ибо знаешь, что кто детей соблазняет, тот, как моль, погибает; знаешь, что у Неба в конторе писаря не пройдохи, фальшивую справку за взятку не выпишут! И когда не ждешь, настанет твой день, ибо ту, что себя отдала в кредит, ты обсчитал наличными! Но сколько буду я обращаться к ветру? вздыхать об улетевишем, вздыхать впустую и жаловаться без успеха? Пусть он сегодня с невестой вексель подписывает, а мой рвет; а я подпишу договор со Смертью и сполна расплачусь с Природой! («Светлый лик»)

В этом плаче представлено все домохозяйство, очерчен широкий круг повседневных трудов, хлопот и развлечений горожанина. Мы словно рассматриваем одну из многофигурных картин Питера Брейгеля Старшего – художника хоть и географически далекого от Неаполя, но очень рано оцененного там. (Заметим, что и другие художники нидерландского Возрождения, с их звучной полифонией городской жизни, в Неаполе не только имели большой успех, но и повлияли на местное искусство.)

В другой сказке, также обращаясь от лица оставленной девушки к неблагодарному возлюбленному, автор одновременно умудряется привлекать метафоры как из кухни, так и из отхожего места. Три века спустя, прочитав внутренний монолог героини джойсовского «Улисса» Молли Блум, где эротическая тема будет сближена с темой дефекации, Карл Густав Юнг напишет автору: «Думаю, лишь чертова бабушка знает так же много о настоящей женской психике. Я – нет» (письмо, датированное августом 1932 г.)⁵. У Базиле речь организована, конечно, совсем не так, как хаотический поток сознания Молли, но представляется не менее психологически достоверной:

Это ли твоя великая благодарность бедной девушке за любовь ее беззаветную? Говори, ты, который даешь и отбираешь! Говори, ты, который обсасываешь кость, пока не подали жаркое!⁶ <...> Вот бедняжка думала испечь вместе с тобой пиццу в Донато⁷, а теперь забавляется тем, что лапшу режет; думала сделать с тобой «потеснись, потеснись», а ты ей теперь: «разойдись, разойдись!»; думала с тобой кубок разбить, а разбила ночной горшок⁸; давай же, иди смелей, не заботься ни о чем, делай, как те, кто поедят и уходят не заплатив <...> Как мог ты сделать такой говенный трюк: вывел ее на позор всей улице, а она тебя в самом сердце носила; подложил ее себе под хвост, а она тебя выше головы поднимала; и, когда она тебе как мать родная услужила, оставил ее там, куда с потаскухами ходят! Но если у Неба глаза повязкой не закрыты, если боги пробками уши себе не заткнули, то узнают они о грехе, что ты сотворил, и, когда ты не ждешь, будет тебе и сочельник с праздником, и молния с громом, и жар с поносом! («Голубка»)

Каким образом эти, казалось бы, комические ламентации способны вызвать у читателя настоящие слезы сочувствия? Не этим ли контрастом, соединяющим вместе условно «высокое» и условно «низкое»? Читатель чувствует себя в атмосфере совершенно домашней, интимной – там, где уместно называть абсолютно все вещи своими именами, в том круге чувств и отношений, где «низкие» и «высокие» запросы человека не отделяются друг от друга, где в человеке равно ценят и любят и «низкое», и «высокое».

⁵ Письмо от августа 1932 г. Этот мотив был заимствован Джойсом из переписки с женой – Норой Барнакл.

⁶ То есть пользуешься одной женщиной в ожидании другой, более выгодной партии.

⁷ Поместье баронов ди Донато располагалось в зеленой прибрежной зоне, которая резко контрастировала с грязными и перенаселенными трущобами Кьяйи, находившимися неподалеку; «испечь вместе пиццу» – вместе зачать ребенка; резать тесто для пасты – иносказание, означающее болезненный разрыв.

⁸ Разбить рюмку – символическая деталь византийского обряда венчания, метафора брака. «Разбить ночной горшок» (gomperre 'nu cãntero) – выражение, означающее: «загубить, провалить дело».

Внимание Базиле к физиологии не имеет ничего общего с солдафонской склонностью к грубой потехе; но именно это со странной незрячестью ставили ему в вину писатели итальянского Просвещения. Например, аббат Фердинандо Галиани (1728–1787), философ и экономист, не чуждый и литературных амбиций, объявлял Базиле главным виновником испорченного, по его мнению, вкуса неаполитанцев:

Наш диалект был загрязнен муторными и отталкивающими образами то испражнений, то болезненных состояний, вызывающих скорее тошноту, чем охоту к чтению. Этот отвратительный вкус, заведенный Базиле и оставшийся в ходу у всех последующих писателей, вплоть до того, что ни один из них не смог остаться от него свободным, наконец, наводнил и подчинил себе сцену...

В этой тираде верно подмечена связь художественного метода Базиле с народным театром. Но не Базиле «развратил» неаполитанскую сцену; напротив, он берет ее многовековые эффекты, унаследованные еще от эллинистической комедии (напомним, Неаполь в прошлом – город греческой культуры), от римской ателланы, от Плавта и Теренция, умело используя их как сильное суггестивное средство, нанося с их помощью яркие контрастные краски, которыми создает объемные, точные, совершенно реалистичные, знакомые каждому из нас картины психофизических состояний и переходов:

Тогда девушка, слыша, как звенит у нее в пустом желудке, и не видя никого рядом, усеялась за стол, чтобы пообедать, как знатная госпожа. Но вот в самый аппетитный момент ее обеда в комнату вошел миловидный слуга-негритенок, который сказал ей: «Будь здесь и не уходи, ибо я хочу взять тебя в жены и сделать самой счастливой женщиной в мире!»

Парметелла, которая со страху чуть было не обделалась от такого заманчивого предложения, взяла себя в руки и ответила согласием на то, чего хотел слуга. И в тот же миг ей была подана алмазная карета, запряженная четверкой золотых коней... («Золотой пенек»)

Феерическая ругань героев Базиле – не что иное, как оборотная сторона языка любви. Те слова, которые говорят у него родители дурным детям, нельзя сказать чужому, их можно выкрикнуть в лицо только существу, которое ты безмерно, бескомпромиссно, отчаянно любишь:

Что ты сидишь еще в этом доме, нахлебник проклятый? Сгинь от меня, кусок мерзости! Уйди с глаз моих, халдей эдакий! Иссохни, чертополох окаянный! Вон проваливай, поросенок! Подменили мне тебя в колыбели и вместо куколки, вместо красавчика, вместо ангельчика, вместо миленького моего мальчика подложили борова ненасытного!

<...> Сдохни, сломи себе шею, сыночек проклятый! Чтоб тебе хребет по позвоночку рассыпали и не собрали! Вон катись с моего порога! Лучшие бы мне кишки мои показали и обратно не вложили! Лучшие бы меня грызла загрызла или зоб задушил, когда ты у меня между ног пролезал. Сгинь отсюда сей же миг, и пусть дом этот жжжет тебе пятки как огонь! Вытрясла уж я тебя из своих пеленок, и не считай меня больше за ту дуру, что высрала тебя на белый свет! («Сказка про орка»)

Как через брань Базиле умеет изобразить любовь и привязанность, так через внешнее «снижение» образа он добивается того, что человеческая немощь предстает хрупкой, нуждающейся в нежности и защите красотой.

Мы не имеем понятия о внешности героини сказки «Пента-Безручка», кроме того, что у нее отрублены обе руки. Но каждое упоминание автора об этом несчастном обстоятельстве лишь подчеркивает ее внешнюю и внутреннюю красоту:

Гроб, поднятый на борт, тут же открыли. И, увидев несчастную девушку, король, нашедший в доме покойника живую красавицу, помыслил, что обрел великое сокровище, хоть и плакало его сердце от того, что этот секретер драгоценностей Амура достался ему без ручек. Доставив Пенту в свое королевство, он вручил ее в качестве придворной девушки своей королеве. И Пента исполняла всевозможные поручения при помощи ног, вплоть до того, что

вышивала, плела кружева, крахмалила воротнички и расчесывала королеве волосы, за что королева полюбила ее как родную дочь.

Вот и нас, вместе с королевой, с каждым словом автора притягивает к Пенте глубокая симпатия. Но настоящим апофеозом ее красоты становится заключительная сцена, где она после долгой разлуки радостно целует двух самых близких ей на свете мужчин – любимого мужа и брата, некогда ставшего причиной ее несчастий, – но не имеет, чем их обнять, кроме обрубленных култышек.

Пента, которая, стоя за занавеской, слышала весь разговор, вошла в зал и, как собачка, которую хозяин потерял и нашел спустя многие дни, ласкается к нему, облизывает, виляет хвостиком и выказывает тысячи других знаков радости, так и она, подбегая то к брату, то к мужу, привлекаемая то родственным чувством, то преданной любовью, обнимала то одного, то другого с такой радостью, ка-кую невозможно представить: все трое будто исполняли один концерт, не в силах вымолвить слова и задыхаясь от счастья.

Изображая неловкость и ограниченность взволнованных движений калеки через сравнение ее с собачкой, автор делает картину чрезвычайно рельефной; его восхищение героиней достигает здесь высшей точки – вплоть до того, что Пента внезапно наделяется волшебными способностями. Накрыв обрубки рук своим передником, она отращивает их заново – как бы символически вновь порождая, воскрешая утраченные части своего тела. В этой сцене от сказки веет древним мифом, а Пента преобразается в богиню, побеждающую насилие и смерть живородительной силой материнства.

Миф, то бессознательно заимствуемый автором через фольклорный сюжет, то сознательно создаваемый (яркий пример – сказка «Семеро голубей»), представляет собой отдельный пласт в сборнике Базиле. Большинство его сказок – сказки о странствии. И очень выделяются из них те, в которых странствует героиня. И вот что важно. Если герой-мужчина ищет в странствиях реализации себя самого, то странствие женщины у Базиле, как правило, несет спасение; она или спасает мужчину, или восстанавливает гармонию, нарушенную совершенным им преступлением. Так через барочную сказку мы прикасаемся к древним мифам о странствии богини – к шумеро-вавилонской легенде о схождении Иштар в преисподнюю; мифам об Исиде, о Деметре; к христианскому апокрифу о хождении Богородицы по мукам.

С искусством, обладающим удивительной мощью и притягательностью, из материала пестрого, грубого, часто неприглядного или отталкивающего писатель воссоздает целостный облик человека и окружающего его мира. А еще это – образ души неаполитанца, включенный в панораму городской жизни – подчас дикой и в то же время прекрасной, где ты должен всегда держать ушки на макушке, всегда должен быть готов к бою, но где, кроме опасностей, тебя ждет чистая радость и где возможны даже самые настоящие чудеса. Отметим и то, что картина не утратила свежести до наших дней; Неаполь и неаполитанцы XXI века великолепно узнаются в этих старинных текстах.

Итак, перед нами настоящая, сильная проза. Перед нами образец того, как в сказочной форме достигается самый настоящий реализм. Больше того, именно сказочная форма и делает эти произведения реалистичными *вполне*. Ибо мир реальный не тождествен тому ограниченному временем и пространством миру личного или коллективного опыта, что служит предметом для таких жанров, как роман или рассказ. Реальный мир, понимаемый как вся совокупность времени и пространства, предполагает бесчисленные, в том числе еще неведомые, возможности; эти возможности и раскрываются через сказку.

И хотя сказки Базиле, со всей очевидностью, предназначены для взрослых, подзаголовки книги «Lo trattenemiento de peccerille» («Забава для малых ребят») не кажется только шуткой. Автор делает так, что, переживая вместе с его героями зло и несовершенство мира, мы приходим к детскому взгляду на этот мир. Всамделишные опасности и тяготы предстают игрой, а детская считалка или тарабарский стишок оказываются волшебными формулами, способ-

ными преобразить мир, выявить его сокровенную реальность, подобно тому как Золушка из запечной замарашки преображается в невероятную красавицу, предмет воздыханий молодого короля.

В сказке Золушка становится той, кто она есть на самом деле. В истории культуры – Золушка из персонажа книги, написанной четыре века назад на неаполитанском диалекте, становится «суперзвездой» мировой цивилизации. Так и нам, людям XXI века, книга Базиле в силах открыть по-новому самих себя; помочь сквозь наше «высокое» и наше «низкое» пробиться к тому, что есть подлинно мы, во всей нашей сокровенной глубине и целостности, в сознательном и в бессознательном, в истории и в будущем, в наших мечтах и надеждах.

Об авторе

Джамбаттиста Базиле родился в городке Джульяно (одном из предместий Неаполя) в феврале 1566 года и 25-го числа того же месяца был крещен в местной церкви Святого Николая. Фамилия Базиле, распространенная и поныне, имеет греческое происхождение. Прежде ее и произносили на греческий манер: Василе. Надо полагать, предки писателя обосновались здесь в те далекие времена, когда Неаполь был греческим полисом, а сами земли Юга Италии назывались Великой Грецией⁹. Мелкий дворянин, вассал могущественных герцогов Пинелли ди Ачеренца, Джанджакомо Базиле и его жена Ландония имели шестерых сыновей и трех дочерей. Богатством семья не отличалась, зато талантов и пассионарности ей было не занимать. Все братья и сестры Базиле достигли успеха на музыкальном поприще; в том числе брат Лелио был одаренным композитором, а сестры – известными певицами. О юности, образовании и занятиях будущего писателя в раннюю пору его жизни мы почти ничего не знаем. Известно, что Базиле с юности писал стихи, надеясь некогда стяжать славу поэта. По частым цитатам и аллюзиям из древнеримской и итальянской литературы можно судить о его хорошей, но не слишком выдающейся начитанности. Греческую литературу наш герой, по всей видимости, в оригинале не изучал, зная ее разве что по латинским переложениям. На поэтов – от Овидия до Петрарки и Саннадзаро – он ссылается много и охотно, иногда по-школярски их пародируя; зато имена философов и обрывки их изречений проходят у него только в порядке шутки, из чего можно сделать вывод, что ни Аристотель, ни Фома Аквинский в годы учебы его не привлекали. Если он и поступал в университет, то навряд ли его закончил. В сказках и эклогах Базиле подчас так живо касается темы разбитной молодости, что возникает вопрос, не о себе ли он пишет:

*...Сынок растет, как на навозе сорняки,
цветет и крепнет, что твоя капуста.
Ты в школу шлешь его, бесчисленные дни
слепить глаза премудростями книг;
и вот, когда в твоих мечтах
он без пяти минут эксперт наук,
нежданно увернувшись из-под рук,
он ускользает на опасную дорогу,
с бабенками якшается дрянными,
проводит дни в компании прохвостов,
в каких-то в драках бьет, иль бьют его,
грозит то писарям, то брадобреям...
И так упарит, в пот введет такой —
из дому сгонишь собственной рукой!*

(«Парная»)

В 1603 году Джамбаттиста Базиле, тридцатисемилетний холостяк, поступил наемным солдатом в войско Венецианской республики. Венеция считалась одним из главных врагов Испанской империи, подданным которой был Базиле; условия службы могли заставить его воевать против сограждан и, как следствие, навсегда оторвать от родины. Весьма вероятно, что на

⁹ Первые поселения греков в Италии, основанные еще в VIII в. до н. э., – Питекуссы и Кумы – находятся недалеко от Неаполя. Сам Неаполь ведет свою историю с V в. до н. э. Кварталы его исторического центра сохранили первоначальную античную планировку.

этот шаг его вынудили какие-то чрезвычайные обстоятельства, о которых, в отсутствие точных данных, лучше не гадать.

Около пяти лет Базиле служит в гарнизоне Кандии – венецианской колонии на Крите, участвуя в обороне острова от турецких нападений. Вероятно, здесь он выказывает немалое мужество и боевую сноровку, так как вскоре делается офицером. В периоды затишья он посещает литературный клуб, носивший, в духе времени, название юмористическое – «Академия чудачков», который объединял любителей слова из числа венецианской знати, военных и чиновников. Продолжая поэтические занятия вдали от родины, Базиле в это время сочиняет стихи не только на литературном итальянском, но и на неаполитанском наречии. Впрочем, если первые, весьма подражательные, он подписывает настоящим именем и стремится обнародовать печатно, то для вторых, куда более искренних и ярких, придумывает анаграмматический псевдоним: Джан Алесслио Аббаттутис, и они доходят до читателей лишь устным путем или через переписку. Все, написанное Базиле на диалекте, будет опубликовано только после его смерти.

В 1608 году Базиле возвращается в Неаполь в звании капитана пехоты, но без средств,

*ибо бедному солдату
с военной службы суждено уйти
в обносках с дырами или с дырой в груди, —*

как напишет он спустя много лет. Пока Джамбаттиста вел суровую и полную опасностей жизнь среди грохота пушек, его сестра Андреана¹⁰ благодаря голосу, артистическому таланту и красоте получила известность в качестве лучшей певицы Неаполитанского королевства. Андреана, будучи младше брата на четырнадцать лет, стала для него настоящим добрым ангелом. Состоя в то время в придворной капелле одного из богатейших магнатов Юга, князя Луиджи Карафа ди Сильяно, она помогла и брату поступить в свиту своего покровителя, любившего окружать себя талантливыми и умными людьми. Базиле становится придворным стихотворцем, устройтелем маскарадов и спектаклей. На несколько лет его жизнь обеспечена и укрыта от внешних невзгод за стенами роскошного княжеского дворца. Но как угнетала его эта роскошь, возносящаяся, как остров, над морем нищеты городского плебса, можно понять из его собственных стихов.

*...Кто гонится за нравами двора <...>
колдуньей злою будто зачарован,
бежит за тенью, ловит буйные ветра,
глотает запахи с чужих жаровен,
надеждами надув себе кишки,
ловя из мыльной пены пузыри,
что лопаются на лету! Он, рот открыв,
дивится этой роскоши, как пьян,
сменять готов бесценную свободу
на бархатный засаленный кафтан,
на право слизывать подливку с сковородок!*

(«Капель»)

Очевидно, что жизнь придворного, среди лести и паутины интриг, не удовлетворяла Базиле. Правда, теперь он каждый год мог издавать книжицы своих стихов, пестрые по жанру

¹⁰ Это подлинное имя певицы, более известной под именем Адриана.

и содержанию, неизменно посвящая их своему патрону¹¹, – «Увлекательные зловключения», «Эклоги любовные и траурные», «Покинутая Венера», «Плач Девы» и другие. Но обмануть себя насчет их достоинства автор не мог, да и давались эти внешние знаки успеха слишком дорогой ценой. Ведь придворный поэт, как пишет сам Базиле,

*тех славит, кто ни в грош его не ставит,
тех возвышает, кто ему грозит,
тем памятник навеки воздвигает,
кто даже час ему не уделит.
Ночей бессонных вдохновения лелеет
для тех, кто фига вяленой ему жалеет!
Как свечка оплавляется, горя,
так век его задёшево растрочен;
других бессмертной славой даря,
он сам – от униженья плачет.*

(«Капель»)

В эту же пору Базиле устанавливает связи в среде неаполитанских литераторов и интеллектуалов, войдя в так называемую «Академию досужих», где дружески общались не только итальянцы (поэты Дж. Б. Марино и Дж. Б. Мансо, физик и алхимик Дж. Б. де ла Порта, юрист Дж. А. ди Паоло, писатель и историк Дж. Ч. Капаччо и ряд других), но и просвещенные испанские аристократы и чиновники; среди них – поэт и прозаик Франсиско Кеведо, служивший секретарем вице-короля.

Однако наиболее существенное значение и для карьеры, и для литературной судьбы Базиле имело не столько общение в среде городской элиты, сколько преданная любовь младшей сестры. В 1610 году Андреану пригласил в свою певческую капеллу Винченцо Гонзага, герцог Мантуи. Его сын Фердинандо, услышав ее пение в Риме, писал своему отцу:

Она оставила бессмертную славу о себе в этом городе, изумив его, как поистине первая женщина в мире не только по искусству пения, но также и по скромности и чести.

Напоминание о чести и скромности певицы было не лишним для старого герцога, известного как страстью к музыке, так и женолюбием. Андреана поехала вместе с мужем и детьми; судя по тому, что мы знаем, она пользовалась при дворе огромным уважением. За десять лет, проведенных в Мантуе, она действительно, как предчувствовал Фердинандо Гонзага, получила всеевропейское признание. Среди блеска и почета Андреана не забыла о братьях и сестрах, выпросив для них места в герцогской капелле. В 1612 году прибыл в Мантую и Джамбаттиста. Как автор текстов мадригалов, арий, музыкальных драм, с которыми выступала сестра, он получил от герцога то, о чем дерзко было и мечтать мелкопоместному дворянину, – графский титул. Даже не подкрепленный большими земельными владениями, он давал шанс на высокие должности при дворах всей Священной Римской империи, то есть в Австрии, Германии, Испании и в вассальных государствах последней¹². Вскоре после этого на родине, в Джульяно, сорокашестилетний Базиле отпраздновал свадьбу с двадцатичетырехлетней местной уроженкой Флорой де Альтерио. То, что в церковных архивах Джульяно не сохранилось записей о детях этой пары, не обязательно свидетельствует о бесплодии брака. В годы службы в разных городах и феодах Южной Италии Базиле мог там и крестить своих детей. Описания рождения ребенка и родительских эмоций, которые мы встречаем в «Сказке сказок», носят очень непо-

¹¹ Как и в позднейшие времена, это делалось в благодарность за пожалованные на издание деньги.

¹² Императоры династии Габсбургов считались верховными сеньорами герцогов Мантуи.

средственный, интимный характер, – и хочется думать, что нашему герою довелось познать радость отцовства. Но, как бы то ни было, прямые продолжатели его рода неизвестны¹³.

В последующие годы Базиле служил во владениях герцогов и князей Юга Италии. Феодалы имели автономную систему управления и суда, подчиненную аппарату вице-короля в Неаполе. Звеном этой системы Базиле будет оставаться, с небольшими паузами, до самого конца жизни. В поздних стихах он вложит в уста одного из своих персонажей:

*...И коль чиновник из суда идет домой
с такой же чистою сумой,
как совесть в нем чиста —
что было в жизни и со мной
не меньше чем двенадцать раз! – во всех устах
одно звучит: «нам здесь его не надо,
здесь служба для людей другого склада,
вы зря его поставили сюда:
ни заработать, ни украсть – кругом беда!»*

(«Крюк»)

Существующее мнение, что Базиле пишет здесь о себе, проверить нечем. Его административная карьера видится довольно гладкой; отлично зная, как нравиться владыкам мира, ценя жизненный комфорт, он не для того искал хлебных мест, чтобы прослыть чудачком-нестяжателем или гонимым правдолюбом. А вот картина, явно списанная с натуры, дающая представление о том, каких сцен ему приходилось быть свидетелем, а вероятно, и соучастником. Типичная, по словам самого поэта, жизненная ситуация. Синьор, видя, что его крестьянин немного разжился добром, начинает его систематически обирать. Тот, доведенный до отчаяния, отваживается на бунт, и...

*...Коль так,
то, бедный, лучше б мама не рожала
тебя на свет, сломил бы лучше шею,
когда был маленьким! В тот же миг, схватив,
тебя забросят в яму, как в могилу,
забив в колодки ноги, руки – в кандалы,
на шею – цепь наденут, на решетку —
дощечку с эпитафией: «Указ:
к преступнику не подходить
под наказанья страхом;
кто смеет с ним заговорить,
заплатит шесть дукатов штрафа!»
Кричи что хочешь, жалуйся, все средства изведи —
не выйдешь, разве после всех страданий,
всех пыток, разорений и скорбей,
каким-то чудом ты сумеешь умягчить
мучителя. А коли не сумеешь, —
когда, как волк, насытившись терзаньем,
решился наконец тебя убить,
за милость будешь ты его благодарить.*

¹³ Возможно, виной этому знаменитая чума 1656 г., выкосившая больше половины населения Неаполя и округи.

(«Крюк»)

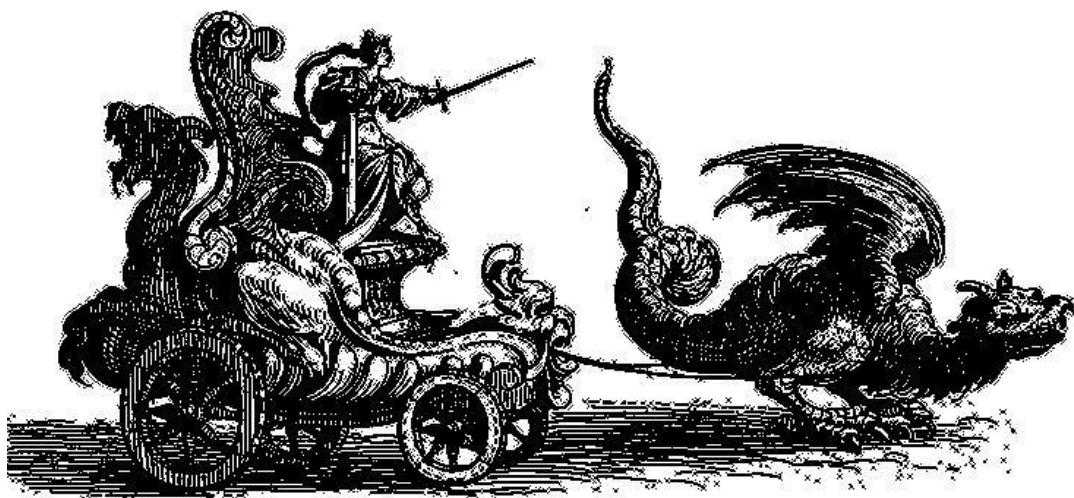
Базиле изображает участь одной из жертв системы, которой служит сам. То, что в течение двадцати лет он входил в административную касту, получая все более высокие посты, не склоняет к мысли, что его стиль управления мог слишком отличаться от общепринятого.

Андреана продолжала поддерживать брата и когда его жизнь стала довольно обеспеченной. С ее помощью стихотворные сборники Базиле не раз выходили в типографиях Мантуи. В 1622 году она вместе с семьей вернулась в Неаполь, где ее восторженно встретила не только знатная публика, но и высшие чины испанской администрации, вплоть до вице-короля дон Альвареса де Толедо, герцога Альба. Находясь в зените славы, Андреана помогла и брату получить доступ к вице-королю, имевшему репутацию знатока и ценителя прекрасного. К тому времени Базиле занимал не самое низкое положение в местной иерархии – от лица князей Караччоло (одна из знатнейших неаполитанских фамилий) он управлял округом Авеллино; но теперь он приблизился к вершине олимпа вице-королевства, занимавшего половину итальянских земель. Здесь пригодились режиссерские способности Базиле, о чем говорит хотя бы тот факт, что в 1630 году ему было поручено написание сценария и стихов для маскарадного спектакля «Гора Парнас», по случаю визита в Неаполь Марии Австрийской – сестры короля Испании Филиппа IV. Уже довольно пожилым человеком он освоил испанский – и настолько хорошо, что писал на нем стихи, поддерживая свой престиж при дворе еще и таким способом.

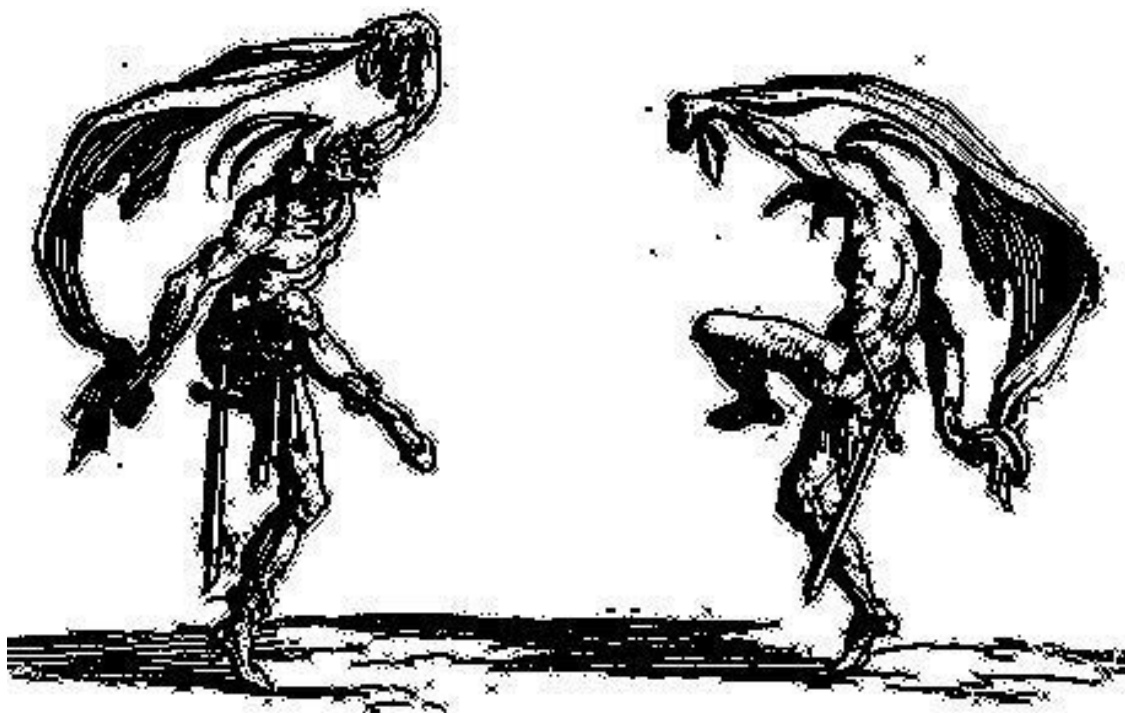
Последней ступенью карьеры Базиле стал пост управителя его родного города Джульяно, находившегося в феоде герцогов Пинелли (1631). Базиле исполнилось шестьдесят пять, но он, по-видимому, был еще бодр и энергичен. Его синьор Джан Галеаццо Пинелли, бывший тридцатью годами моложе, относился к нему с почтением, как к одному из признанных поэтов Юга Италии. Заседания «Академии досужих» теперь были перенесены из Неаполя в Джульяно и устраивались во двореике местного монастыря. Покровительство герцога и солидный пост могли обеспечить Базиле безбедную старость, но в следующем 1632 году он умер во время жестокой эпидемии гриппа. В рукописях остались незаконченная героическая поэма «Теаген» (переложение романа Гелиодора «Эфиопика») и произведения на неаполитанском диалекте, которые автор не отдавал в печать при жизни. Это были цикл поэтических картин «Неаполитанские музы» и сборник из пятидесяти сказок, которым и суждено было составить славу Базиле у потомства. Их народный язык, неистощимый юмор и сильные ноты социального обличения резко контрастировали с обликом феодального администратора и ловкого придворного. Деньги на издание – а речь шла, напомним, о пяти томах – пожаловал герцог Пинелли. Подготовку текстов к печати и все издательские хлопоты взяла на себя Андреана, оказав брату последнюю и самую главную услугу.

Практически все, в чем Базиле полагал свой литературный успех, вскоре оказалось забыто. И лишь оставленная в рукописи книга сказок не только обеспечила ему бессмертие, но стала ярким, поистине символическим явлением в культурной истории Неаполя, едва ли не впервые открыв миру – точно, сильно и достоверно – его неповторимый и не стареющий в веках облик.

Сказка сказок

Вступление

Есть одна пословица из старинных, – что называется, прежней чеканки: «Кто ищет, чего не подобает, найдет то, чего не хочет». Коль обезьяна в сапог влезет, потом не сможет ногу вытащить. Это и случилось с одной оборванкой, что никогда на ногах башмаков не носила, да захотела носить корону на голове. Но как водится, шлифовальный круг все огрехи стачивает; если хоть один имеешь – со всех сторон тебя отчистит; так вышло и здесь: обманом присвоив принадлежащее другим, она кончила как колос в молотилке; и сколь высоко забралась, столь худо было ей падать. И вот как это было.

Рассказывают, что некогда у короля страны, называемой Валле Пелоса¹⁴, была дочь по имени Зола, и была она задумчивой, словно некий Зороастр или Гераклит, так что вовсе никогда не смеялась. И бедный отец, который прямо-таки дышал единственной дочкой, чего только не делал, чтобы избавить ее от грусти. Желая ее развлечь, он приводил к ней то ходунов на ходулях, то скакавших через обруч, то шутов, то знаменитого маэстро Руджеро¹⁵, то жонглеров, то Силы Геркулесовы, то танцующую собаку, то Браконе-прыгуна¹⁶, то осла, что пил из кружки, то «Лючию-сучку»¹⁷, – сегодня одно выдумывал, а завтра другое. Но все было впустую: ибо ни лекарства маэстро Грилло¹⁸, ни сардинская трава, которая, как известно, вызывает неудержимый смех, ни даже такое испытанное средство, как укол шпагой в диафрагму, не могли заставить ее хоть чуточку улыбнуться. И тогда, делая последнюю попытку и не зная, что еще придумать, повелел король построить перед воротами своего дворца большой фонтан,

¹⁴ Мохнатая Долина.

¹⁵ Легендарный музыкант, от чьего имени якобы получил название тип ритмических и энергичных танцевальных мелодий «руджеро», очень популярных в XVI–XVIII вв. Впрочем, вероятнее, что наоборот – популярность мелодии породила представление об авторском единстве.

¹⁶ Неаполитанский уличный акробат с таким прозвищем неоднократно упоминается в стихах поэтов первой половины XVII в.

¹⁷ Сольный женский танец-пантомима с ярко выраженным эротическим характером. Восходил к языческим культовым обрядам; неоднократно запрещался церковными властями.

¹⁸ Лекарь на все случаи жизни, персонаж городских анекдотов.

который брызгал бы маслом на людей, сновавших по той улице, точно муравьи, и прохожим, чтобы не запачкать одежду, пришлось бы подскакивать, как кузнечикам, прыгать, как козам, перелетать с места на место, как белкам, то скользя, то сшибая друг друга. Тут-то, по мысли короля, и могло случиться однажды что-нибудь особенно потешное, что уж наверняка разве-селило бы его дочь.

Итак, соорудили этот фонтан. И в один из дней Зоза, стоявшая у окна до того серьезная, будто ее замариновали в уксусе, увидела, как некая старуха, опустив губку в масло фонтана, выжимает ее в кувшинчик, который принесла с собою. И когда старуха была полностью погружена в свое дело, один дьяволенок-паж из дворца запустил камешком столь метко, что попал в кувшинчик и разбил его на куски.

Тогда старуха, у которой язык был не шерстью поросший и которая никому не позволяла влезть себе на шею, обернулась к пажу и говорит ему:

– Ах ты, грязи комок, шалопай, засранец, горшок ночной, попрыгунчик на чембало, рубашка на заднице, петля висельника, мошонка мула! Смотри, нынче и блохи яд имеют. Так пусть тебя паралич разобьет, пусть матушка твоя дурные вести получит, да чтоб тебе до первого мая не дожить¹⁹, да чтоб тебя копьё каталонское достало, да чтоб тебе на веревке ногами дрыгать; как кровь даром не льется, так мои слова исполнятся, и придет на тебя тысяча бед и еще кое-что! Раз уж ты в такой путь пустился – ветер тебе в паруса: и пусть твое семя зря прольется и плода не принесет, пропойца, рвань, сын той девки, что по списку в магистрате в месяц два карлина платит²⁰, разбойник!

Парень, у которого еще почти не было волос на подбородке, а смысла в голове и того меньше, услышав столь сочную речь, постарался отплатить старухе той же монетой:

– А ну-ка прикрой свою сточную канаву, бабка чертова, рвоты-вызывалка, младенцев-душилка, дерьма кусок, говенный рот!

Услыхав эти новости, старуха до того рассвирепела, что полностью сбилась с компаса самообладания и вырвалась из стойла терпения: на глазах у пажу высоко задрал занавес своего убранства, она показала такую пасторальную сцену, что тут и Сильвио было самое время воскликнуть:

«Идите с бодрыми очами, с рогом...»²¹.

И когда Зоза увидела эту картину, ее так разобрало, что она чуть не умерла со смеху.

Тогда старуха, видя, что над ней смеются, разгневалась великим гневом и, обратив на Зозу взгляд, наводящий ужас, сказала ей:

– А тебе желаю никогда не увидеть, что у твоего мужа в штанах, если только тебя князь Кампо Ретунно²² замуж не возьмет!

Зоза, услышав эти слова, вовсе ничего не поняла; она велела позвать старуху во дворец, ибо ей хотелось непременно узнать, просто ли та ее отругала или наложила на нее некое заклятие.

И старуха отвечала:

¹⁹ Первое мая – во многих странах Западной Европы традиционный, идущий от язычества, праздник весны, обновляющей природы, магии и эротики, сопровождавшийся веселыми гуляньями молодежи, играми, кулачными боями.

²⁰ В Неаполе проституток регистрировали в специальной книге, обязывая ежемесячно вносить в городскую казну по два карлина. О карлине см. примеч. 31.

²¹ Базиле придает комически-обsceneный смысл словам из пасторальной поэмы Дж. Б. Гварини (1538–1612) «Верный пастух» (монолог Сильвио): «Идите, окружающие / ужасного зверя, давая обычный знак / к предстоящей охоте! Идите с бодрыми / очами, с рогом, хором возвысив голоса!» Рог, который у Гварини упомянут в качестве инструмента, у Базиле становится фаллической метафорой. Публично заголиться в знак крайнего презрения к обидчику – такое бывало не только в старой Италии. В. В. Розанов наблюдал точно такую сцену на петербургской улице в 1910-е гг.

²² Буквально переводится как «Круглое Поле». Для придания юмористическо-сказочного колорита автор дает вымышленным государствам названия, типичные для деревень.

– Знай же, что князь, чье имя я назвала, – прекрасное создание, юноша по имени Тадео, который, по заклетию некой феи, положил последний мазок кистью на картине своей жизни и теперь лежит в гробнице у городской стены. И вырезана над ним на камне надпись, где сказано, что та женщина, которая в три дня наполнит слезами кувшин, подвешенный рядом на крючке, воскресит его и он станет ей мужем. Но поскольку невозможно одной паре человеческих глаз пролить столько слез, чтобы наполнить кувшин мерой в полбочонка (разве что, говорят, была в Риме какая-то Эгерия, которая до того плакала, что превратилась в ручей слез²³), то я, услышав, как ваше высочество надсмеялось надо мной, и послала вам это заклятие. И прошу небеса, да сбудется оно на тебе до точки ради воздаяния за обиду, что я претерпела.

Сказав это, она во весь дух сбежала с лестницы вниз, боясь, как бы слуги ее не побили.

И начала Зоза жевать да пережевывать слова старухи; и будто бесенок какой вскочил ей в голову. И когда она довольно уже покрутила мотовило дум и мельницу сомнений вокруг всего этого дела, наконец повлекла ее за собою, как лебедка, та страсть, что ослепляет рассудок и очаровывает разум. И вот она, зажавши в кулачок сколько-то монет из отцовского ларца, убежала из дворца, куда глаза глядели и куда ноги несли; и так бродила, пока не дошла до замка, где жила одна фея.

Перед нею излила она жар своего сердца; и фея, пожалев столь красивую девушку, которую погнали в неизвестность шпоры юного возраста и ослепляющей любви, дала ей письмо для своей сестры, тоже феи. Высказав Зозе много ласковых слов и похвал²⁴, утром, – когда Ночь через птиц огласила повсюду указ о том, что всякому, кто видел стадо потерявшихся черных теней, будет дано приличное вознаграждение, – фея подарила девушке красивый грецкий орех, говоря: «Возьми, доченька моя, да хорошо береги, но не открывай орех, разве только в минуту самой великой нужды».

После долгого путешествия пришла Зоза в замок ее сестры, где была принята с такой же благожелательностью. И на следующее утро та фея дала ей письмо к еще одной их сестре и подарила каштан с тем же предупреждением, что было сделано касательно ореха. И, проделав немалый путь, Зоза достигла замка третьей феи, которая оказала ей тысячу любезностей, а утром, когда настало время уходить, вручила ей лесной орешек, предупредив не открывать его, разве что крайняя нужда заставит.

Получив три этих подарка, взяла Зоза ноги в руки и прошла многие страны, много преодолела лесов и рек, пока наконец через семь лет – в тот самый час, когда трубы петухов подняли с постели сиятельное Солнце, и оно, вскочив в седло, поскакало по своим владениям, – она пришла в Кампо Ретунно в такой великой усталости, что ноги у нее отваливались. И, не войдя еще в город, увидела близ стены мраморную гробницу, а рядом с нею – фонтан, который, видя себя заключенным в оковы из порфира, проливал хрустальные слезы. Тут же был подвешен и кувшин.

Взяла Зоза кувшин, устроила его между коленок и принялась разыгрывать с фонтаном Плавтову пьесу о двух близнецах²⁵, вовсе не поднимая глаз от края, – так что не прошло и двух дней, а слез в кувшине набралось на два пальца выше горловины. Еще на два пальца слез, и кувшин был бы совсем полон; но тут Зозу, изнуренную столь сильным плачем, сморил сон, и ей, хоть и против воли, пришлось пару часов вздремнуть под покровом своих прекрасных ресниц.

²³ Овидий передает легенду о том, что нимфа Эгерия, наставница и супруга царя Нумы Помпилия, оплакивая его смерть, превратилась в ручей («Метаморфозы», XV, 547–551).

²⁴ Старший, независимо от пола, делает девочке или девушке комплименты. У итальянцев это всеобщее обыкновение; считается особенно уместным при знакомстве.

²⁵ Пьеса Плавта «Два Менехма», приспособленная к реалиям эпохи, входила в репертуар уличного театра под названием «Близнецы».

Между тем одна служанка, с ногами черными, как у сверчка²⁶, часто приходила набрать воды из фонтана и знала все, о чем говорит надпись на гробнице, ибо надпись это ни от кого не скрывала. И видя, как Зоза плачет, что и на два ручья хватит, принялась она за нею следить, выжидая, когда кувшин будет уже достаточно полон, чтобы неожиданно вырвать из рук Зозы этот добрый трофей, а ее оставить, как говорится, с мухой в кулаке.

Видя, что Зоза уснула, служанка, пользуясь случаем, проворно схватила кувшин, установила над ним глаза и в четыре счета его наполнила. И как только кувшин наполнился до краев, князь, как бы очнувшись после долгого забытья, поднялся из своей беломраморной гробницы, сжал в объятиях эту грудку копченого мяса и повел ее прямо во дворец, с празднествами и фейерверками невероятными, чтобы взять себе в жены.

А Зоза, пробудившись, нашла кувшин пустым, а вместе с кувшином – и свои надежды, и увидела раскрытую гробницу; и сдавила ее сердце такая боль, что едва не пришлось ей предъявить пожитки на таможене Смерти. Наконец, видя, что горю ничем не помочь и что никто ее здесь не пожалеет, кроме собственных глаз, которые так плохо стерегли телку ее мечты²⁷, медленно поплелась она в город. И здесь, услышав о празднике, что устроил князь, и о том, каких благородных кровей взял он жену, легко представила себе, как могло все это случиться, и сказала, вздыхая, что две черные вещи повергли ее на землю – сон и служанка.

Однако всякое живое существо защищается от Смерти сколько имеет сил: вот и Зоза, чтобы испытать все доступные средства, напротив дворца князя сняла себе для житья миленький домик и оттуда, не находя возможности увидеть кумир своего сердца, рада была хотя бы созерцать стены храма, что скрывал в себе вожаденное ею сокровище. И вот в один прекрасный день увидел ее Тадео, который все время летал вокруг той служанки, как летучая мышь вокруг черной ночи, но внезапно обратился в истинного орла, лишь только направил взор на лицо Зозы, бывшее поистине расхищением всех привилегий Природы и кличем победы в турнире Красоты.

Служанка все это заметила и стала сама не своя от злости: будучи уже беременной от Тадео, она пригрозила ему, говоря: «Коль твои торчать в окошке быть, моя себя по пузу отлупить и Джорджетелло убить»²⁸. И Тадео, который более всего на свете желал иметь наследника, дрожа как камыш, оторвал взгляд от Зозы, словно душу от тела, чтобы только не огорчить жену.

Тут бедная Зоза, увидев, как быстро кончилась эта чашка бульона для поддержания ее слабых надежд, и не зная, что еще предпринять, вспомнила о дарах фей. И когда раскрыла грецкий орех, из него вышел карлик ростом с младенца, милый человечек, какого свет не видал; забравшись на подоконник, он запел с такими трелями, такими извивами да переливами, что равнялся с Компар Юнно, превосходил Пеццилло и оставлял далеко позади не только Чеккато де Потенца, но и самого Короля птиц²⁹.

По случаю увидела его и услышала служанка; и до того ей захотелось его иметь, что позвала она Тадео и говорит ему: «Если твои вон того чертенка не купить, что так петь сладко, моя себя по пузу отлупить и Джорджетелло убить». Князь, которого уже хорошо взнуздали эта арапка, тут же послал спросить у Зозы, не продаст ли она ему карлика. Зоза в ответ велела

²⁶ Рабы африканского происхождения не были редкостью в богатых неаполитанских домах. Испания и Португалия, ведущие активную торговлю с середины XV в., вывозили «живой товар» из Мавритании, Гвинеи, Сенегала и других стран Африки.

²⁷ Снова аллюзия на «Метаморфозы» Овидия (I, 568–746): Ио, дочь царя Инаха и возлюбленная Зевса, которую ревность Геры обратила в телку, была похищена Меркурием, обманувшим ее сторожа – стоглазого великана Аргуса.

²⁸ Чернокожая рабыня говорит на языке «твоя-моя-не понимай».

²⁹ Прозвища знаменитых неаполитанских уличных певцов, современников Базиле. Буквально означают: «Куманек Светловолосый», «Певчий Дрозд» и «Слепец из Потенцы». Образ Орфея, окруженного или сопровождаемого сонмами птиц, известен по произведениям римского искусства (ср., например, мозаики в так называемом «Доме птиц» в Италике, Римская Испания). Название «короля птиц» дано Орфею в поэме «Вайяссенда» Дж. Ч. Кортесе, переключки с которым у Базиле весьма нередки.

ему передать, что торговкой сроду не была, но если он хочет получить его в подарок, то она ему, конечно, отдаст, ибо ей это будет только за честь. Тадео, более всего желая угодить жене, ради наилучшего ее разрешения от бремени, принял подарок.

Как миновало четыре дня, Зоза открыла второй подарок – каштан, и из него вышла курочка с двенадцатью золотыми цыплятами, и стали они по подоконнику ходить да похаживать, пока служанка их не увидала; и тогда пришло ей столь великое желание их иметь, что пробрало ее до самых пяток. Призвала она Тадео и, показав ему эту прелестную штучку, говорит: «Если твоя курочку не купить, моя себя по пузу отлупить и Джорджетьелло убить».

И Тадео, что поддавался на такие угрозы и крутился, будто его привязали к хвосту этой щенной суки, опять послал к Зозе, предлагая дать ей любую цену, сколько запросит, за столь прекрасную курочку. От нее пришел тот же ответ, что и прежде: пусть он берет курочку даром, а о цене говорить – только время зря терять. И он, поскольку не мог без этого подарка обойтись, поневоле задумался: снова заполучив лакомый кусок, он был удивлен щедростью женщины, ибо ведь женщины по природе до того алчны, что не хватило бы им и всего золота, что вывозят из Индий³⁰.

Когда прошло еще несколько дней, Зоза открыла и последний подарок – лесной орешек; и оттуда выскочила куколка, что пряла золотую пряжу, – дело поистине небывалое в мире. И когда она посадила ее на то же окошко, служанка тотчас увидала и, шмыгнув носом, позвала Тадео, чтобы сказать ему: «Если твоя куколку не купить, моя себя по пузу отлупить и Джорджетьелло убить». И Тадео, которого взбалмошность жены крутила, словно мотовило, и за нос водила, точно теленка с продетым в ноздри кольцом, во всем ей покорный, не имея дерзости послать и попросить куколку у Зозы, на этот раз решил пойти самолично, ибо помнил пословицу: «Лучше своим лицом, чем с добрым гонцом», и другую: «Кому не нужно, тот посылает, а кому нужно, сам идет», и еще: «Кто рыбку скушать хочет, сперва пусть хвост себе намочит». Он долго просил у Зозы прощения за то, что был перед нею неучтив, связанный долгом исполнять прихоти беременной жены; но Зоза пришла в восторг, оказавшись рядом с тем, кто был причиной столь многих ее приключений, и, сдерживая свои чувства, даже заставила просить себя сверх меры, чтобы задержать весла в плавании и подольше наслаждаться видом своего господина, которого похитила у нее злая служанка. Наконец, как и в прошлый раз, она отдала ему куколку. А прежде чем отдать, шепнула на ушко этой глиняной игрушке вдохнуть в сердце служанки новое неукротимое желание – сказок послушать.

Когда Тадео увидел куколку у себя в руках, не потратив на это ни сто двадцатой доли карлина³¹, он, пораженный такою любезностью, готов был предложить Зозе взамен ее благодеяний хоть княжество свое, хоть саму жизнь свою. Вернувшись во дворец, он отдал куколку жене; и едва лишь служанка взяла ее в руки, чтобы поиграть, как куколка, подобно Амуру, принявшему облик Аскания в руках Дидоны³², вложила ей в сердце огонь. Явилось у нее такое жгучее желание слушать сказки, что не могла она терпеть и боялась, как говорится, испортить рот и занести на свой корабль заразу³³. И потому позвала мужа и сказала ему: «Если твоя моя сказка слушать не дать, моя себя по пузу отлупить и Джорджетьелло убить». И князь, чтобы миновать такой беды, повелел срочно объявить подданным: в такой-то день – в час появления

³⁰ В XVI и XVII вв. испанские владения в Америке официально назывались Индиями.

³¹ Серебряный карлин равнялся по стоимости 120 медным монетам, называемым кавалло («конь»).

³² Вергилий в «Энеиде» (IV, 84–85) описывает, как Дидона с наслаждением наблюдала черты любимого ею Энея в лице его юного сына Аскания.

³³ Базиле использует поговорку, основанную на магических представлениях. Считалось, что если беременная вынуждена подавлять в себе какое-то сильное желание, оно перейдет к ребенку в виде нездоровой склонности. Испортить рот младенцу – еще до рождения привить ему навык ко лжи; занести заразу на корабль – примерно то же: привить некий порок ребенку, который находится в материнской утробе (в корабле).

звезды Дианы³⁴, когда она приходит разбудить Рассвет, чтобы он хорошенько прибрал улицы, где должно будет прошеествовать Солнце, – пускай все женщины той страны соберутся в условленном месте.

Однако Тадео не имел охоты томить столь великое множество народа ради особенного удовольствия своей жены; да и самому ему неумоготу было видеть такую толпу. И отобрал он из всего города только десять сказочниц, самых лучших – тех, что казались самыми опытными и речистыми. И это были Цеца Хромая, Чекка Кривая, Менека Зобатая, Толла Носатая, Поппа-Горбунья, Антонелла-Ползунья, Чулла Толстогубая, Паола Косоглазая, Чометелла-Паршивка и Якова-Говнючка³⁵.

Он записал их на листок, отослав домой всех остальных, после чего все они вместе со служанкой, неся над нею балдахин, взошли по лестнице дворца и неспешно направились во внутренний сад, где густолиственные ветви были так перепутаны, что и самому Солнцу не удавалось раздвинуть их шестом своих лучей. И когда уселись под шатром, который оплетали со всех сторон виноградные лозы, а в середине бурлил фонтан – главный учитель в школе придворных, ибо он учил их шептаться целыми днями³⁶, – Тадео обратился к собравшимся, говоря:

– Нет на свете занятия более желанного, почтеннейшие мои сударины, чем слушать о делах других людей, и не без глубокого смысла некий великий философ сказал, что для человека наибольшее удовольствие – слушать занятные рассказы. Ибо, когда он слышит приятное, тревоги улетают, тяжкие мысли увядают и жизнь продлевается. Я видел, как ради этого желанья ремесленники оставляют мастерские, продавцы – прилавки, адвокаты – судебные дела, а негоцианты – счетные книги и, открыв рты, целыми днями просиживают в цирюльнях или в кружках болтунов, слушая фальшивые новости, сочиненные вести и газеты из воздуха. По этой причине должен я извинить и свою супругу, что вбила себе в голову столь тягостное для меня желание – слушать сказки. Ради этого, если вам угодно будет, как говорится, подставить горшок под струю моей благородной княгини, да и моему желанию угодить, будьте любезны в течение ближайших четырех или пяти дней, собираясь всегда в этом месте, ради наилучшего ее разрешения от бремени, рассказывать сказку за сказкой из числа тех, которыми обычно старухи тешат малых ребят. Каждое утро после завтрака полагая начало беседе, мы будем завершать ее некой стихотворной эклогой, которую прочтут наши слуги, чтобы в веселии проводить нам жизнь; ибо достоин сожаления тот, кто умирает.

Сказав эти слова, Тадео кивнул собравшимся головой, и они ответили согласием; затем были приготовлены столы и поданы кушанья, и все принялись за еду; а когда окончили, князь подал знак Цеце Хромой запалить, что называется, фитиль у пушки. И она, сделав почтительный поклон князю и его супруге, начала рассказывать.

³⁴ Народное название Венеры, переделанное из латинского *Stella diurna*, то есть «Звезда, возвещающая приход дня».

³⁵ Типы безобразия и уродства были широко представлены в городской комедии. Примечательно, однако, что сказительницы со столь неприятными обличьями и прозвищами, сами о том не догадываясь, выступают союзницами и помощницами Зозы в ее справедливой борьбе за свое счастье. Фабулы их сказок постепенно приводят самозванку к разоблачению.

³⁶ Непрестанный плеск фонтана Базиле сравнивает с непрерывными сплетнями, составляющими главное занятие придворных.

День первый

Сказка про орка *первая забава первого дня*

Антуон из Марильяно, которого матушка, по причине невыносимой его бестолковости, выгнала из дому, поступает в услужение к орку и трижды, желая вернуться к себе домой, получает от орка чудесный подарок, но каждый раз дает обмануть себя хозяину гостиницы, где останавливается на ночлег; наконец орк дает ему палку, кою наказывает его за невежество, воздает должное обманщику и, наконец, приносит богатство его дому

Кто первый изрек, что Фортуна слепа, понимал больше, чем маэстро Ланца³⁷, много рассуждавший на эту тему. Ибо поистине она действует вслепую, вознося таких людей, кому самое место пасть на бобовом поле, и безжалостно свергая с высоты на землю тех, которые суть истинный цвет человечества. Об этом я и предлагаю вам сейчас послушать.

Рассказывают, что жила некогда в селении Марильяно³⁸ добрая женщина по имени Мазелла, у которой, кроме семи уже взрослых девок-замухрышек, длинных как жерди, был сын – такой бездельник, такая бестолочь – впору хоть со скотиной на лугу пасти, что не сгодился бы зимой снежки лепить, не то что к какому доброму делу. И до того было ей лихо, как той свинье, что под нож ведут. И не проходило дня, чтобы она не говорила ему так:

– Что ты сидишь еще в этом доме, нахлебник проклятый? Сгинь от меня, кусок мерзости! Уйди с глаз моих, халдей эдакий! Иссохни, чертополох окаянный! Вон проваливай, поросенок! Подменили мне тебя в колыбели и вместо куколки, вместо красавчика, вместо ангельчика, вместо миленького моего мальчика подложили борова ненасытного!

Вот какие слова Мазелла говорила сыну, ругательски его ругая.

³⁷ Знаменитый рассказчик, выступавший перед народом в Венеции, на площади Сан Марко, в конце XVI – начале XVII в.

³⁸ Марильяно – селение в двадцати километрах от Неаполя.

И наконец, потеряв всякую надежду, что Антуон (так звали сына) повернет голову в добрую сторону, в один из дней, хорошенько намылив ему голову без мыла, схватила Мазелла скалку и начала снимать у него со спины мерку для кафтана. Антуон, не ожидавший такого поворота дела, когда увидел, как матушка по хребту его обмеривает, как по ребрам оглаживает, да какой знатной подкладкой задницу ему подбивает, еле вырвался у нее из-под скалки и дал деру. И шел без роздыху чуть не до полуночи, когда в лавках у тетюшки Луны уже зажглись фонарики. И пришел к подножию гор, да таких высоких, что с облаками в чехарду играли, кто кого выше. И тут, на корнях тополя, близ устья пещеры, вырубленной в скале, сидел орк; и – матушка моя! – какой же он был страшный!

Был он маленького роста и безобразен телом, с головой больше индейской тыквы. Лицо в шишках, брови сросшиеся, глаза косые, нос приплюснутый, ноздри как две дыры в отхожем месте, рот как мельница, с двумя клыками до колен, грудь мохнатая, руки как ткацкое мотовило, ноги кривые, ступни широкие, как гусиные лапы. А если вкратце, похож он был на демона, как рисуют на картинах, где его архангел Михаил копием поражает, на пугало огордое, на сонное наваждение, на злое привидение, что словами невозможно описать, а разве только сказать, что он навел бы дрожь на Роланда³⁹, ужаснул бы Скандербега⁴⁰ и заставил бы побледнеть самого отпетого деревенского драчуна.

Но Антуон, которого было и камнем из рогатки не испугать, не смутился, а, будто и добрый человек, сделал орку почтительный поклон и начал такой разговор:

– Бог в помощь, сударь! Как дела? Как здоровьице? Не надо ли чего? Не знаешь ли, сударь, сколько еще осталось ходу до места, куда я путь держу?

Орк, услышав дурацкую речь – с пятого да на десятое, – засмеялся и, поскольку пришелся ему по сердцу нрав дуралея, сказал ему:

– Слушай, парень, хочешь жить у хозяина?

Антуон говорит:

– А это смотря сколько мне в месяц положишь.

Орк ему на это отвечает:

– Постарайся служить мне честно, как договоримся, и будет тебе у меня хорошо.

Ударили они по рукам, и остался Антуон служить у орка. И было у орка в доме столько еды, что на землю сыпалась, а работы – хоть весь день на овчине лежи и не вставай. И таким манером за четыре дня стал он толстый, как турок, упитанный, как вол, нахальный, как петух, красный, как рак, крепкий, как чеснок, пузатый, как кит, и кожа на нем натянулась как на барабане, что и глаз не открыть.

Однако не прошло и двух лет, как надоело Антуону сытое житье, и такая пришла ему великая охота повидать свою деревню, что, тоскуя о родном доме, стал он снова худой, почти как прежде был. А орк его прознал до такой черточки, что в самые кишки ему глядел и каждый пук из задницы слышал. И видит орк, что стал Антуон как женка недолюбленная, что ничем ему угодить невозможно, отозвал его раз в сторонку и говорит:

– Антуон мой милый, вижу я, как ты истомился по родненьким своим. И я, любя тебя, как свои очи, только рад буду, если ты прогуляешься до дому и свое желание исполнишь. Так что бери вот этого осла, с которым веселее будет тебе путь-дороженька. Только смотри не говори

³⁹ Маркграф Бретонский, вассал императора Карла Великого, павший в 778 г. в битве с басками. Стал героем широкого круга легенд, баллад и поэм. Получил известность благодаря знаменитой «Песни о Роланде» (в ней он погибает, преследуя разбитых мавров). Воспет в ренессансных поэмах «Морганте» Луиджи Пульчи (1432–1484), «Влюбленный Роланд» Матео Фоленго (1441–1494), «Неистовый Роланд» Лодовико Ариосто (1474–1533), «Орландино» Теофило Фоленго (1491–1544) и др.

⁴⁰ Георгий Кастриот (1405–1468), последний правитель независимой Албании, в 1450–1460-е гг. успешно сопротивлявшийся турецкой агрессии. Турки называли его Искандер-бегом, в Европе это прозвище переделали в «Скандербег». Был союзником Неаполитанского королевства; после его смерти его потомки получили от королей Неаполя герцогские, графские и баронские титулы. Имя Скандербега пользовалось колоссальной популярностью в Италии и века спустя после его смерти.

ему никогда: «Пошел, засранец!» Прошу тебя ради памяти покойного моего дедушки; не то пожалеешь потом.

Антуон взял осла и, не сказав орку даже «счастливо оставаться», запрыгнул верхом – и знай себе потрусил. Но и сотни шагов не проехавши, слез с осла и говорит ему: «Пошел, засранец!» И рта еще не успел он закрыть, как ослик стал из заднего места испражнять жемчуга, рубины, изумруды, сапфиры и алмазы, каждый величиной с орех. Антуон так и застыл с раскрытым ртом, глядя на столь прекрасные какашки, великолепные говняшки, на понос сей драгоценнейший, а потом, с великим ликованием наполнив переметную суму всеми этими радостями, снова забрался ослу на круп и, вложив ему ногами прыти, поспешил к ближайшей гостинице.

Спешившись у ворот, первым делом он сказал гостиннику:

– Привяжи осла да задай ему корму до сытости, но смотри не говори ему: «Пошел, засранец!» – чтобы тебе не пожалеть потом. А пожитки мои сохрани в надежном месте.

Гостинник, что был из четверых старшин по ремёслам старшбй⁴¹, салака бывалая, в четырех портах плавала, в пяти бочках просолилась, с кишок до мозгов проходимец, услышав столь странное предостережение и увидев такие игрушки, что стоили немалых тысяч, решил разузнать, какую же имеют силу эти слова. И вот, накормив Антуона до сытости, напоив его, сколько ему пилося, заложил его поглубже между тюфяком и толстым одеялом и, еще не дождавшись, пока он глаза сомкнет, побегал на конюшню и говорит ослу: «Пошел, засранец!» И осел, по магическому действию этих слов, вновь проделал все, что и прежде, разразившись поносом золота и потоком самоцветных камней. Увидев сие драгоценное испражнение, гостинник решил подменить осла и обдурить деревенского невежу Антуона, не считая за труд пыль в глаза пустить, вокруг пальца обвести, облапошить, надуть, в мешок посадить и светлячка вместо фонаря показать этому глупому борову, хаму, болвану, барану, раз уж тот к нему в руки попал. И на рассвете, когда хозяйшкa Аврора вышла вылить ночной горшок своего старичка Тифона⁴², полный красного песка, в восточное окошко⁴³, проснулся наш Антуон, час глаза кулаком протирал, с полчасика потягивался, разов шестьдесят то зевнул, то пукнул, вроде бы как сам с собою беседуя, потом позвал хозяина и говорит ему:

– Поди-ка сюда, дружище. Вовремя платить – долго дружить; нам дружба, а кошелькам война; давай сюда счет, расплачусь – не обижу.

– Хорошо, коли так: столько за хлеб, столько за винцо, то за похлебку, это за мясо, пять за стойло, десять за кровать, чтоб помягче лежать, а пятнадцать – чтоб тебе добрый час пожелать.

Вытянул Антуон свои денежки и, взяв ослика подменного да сумку с камнями, годными только мешки стирать, вместо тех, что впору в перстни вставлять, потрусил верхом к родному селению. И только коснувшись ногою порога, заголосил, будто крапивой ошпаренный:

– Беги сюда, мамочка, беги скорее! О, как мы богаты теперь! Полотенца расстилай, простыни разворачивай, покрывала раскидывай. О, какие сейчас сокровища увидишь!

И матушка, с великою радостью открывши сундук, стала оттуда вытягивать приданое, что дочкам берегла: простыни тонкие, что как дунешь, так полетят, скатерти, душистым мылом благоухающие, покрывала цветов столь ярких, что в глазах рябило, и теми весь двор устелила. Завел Антуон во двор осла и давай напевать сладким голосом: «Пошел, засранец!» Но что

⁴¹ Иерархию средневековых городских цехов в Италии традиционно возглавляли «Четыре консула ремесел».

⁴² Др. – греч. Τιφώνος – сын троянского царя Лаомедона. Богиня утренней зари Эос (в римском варианте – Аврора), влюбившись в Тифона из-за его красоты, похитила его и сделала на небесах своим супругом. Она испросила у Зевса для него бессмертие, но забыла испросить вечной молодости. Когда со временем Тифон стал дряхлым неумирающим старцем, Эос превратила его в цикаду.

⁴³ При отсутствии канализации в перенаселенном Неаполе, вынос экскрементов из многоэтажных домов был тяжелой проблемой. Обычно выбиралась сторона дома, выходившая в глухой закоулок, куда можно было выливать нечистоты со всех этажей. Эта бытовая деталь обыгрывается, в частности, у Боккаччо в одной из новелл «Декамерона» (II, 5), действие которой происходит в Неаполе. Большим спросом пользовался мочевой песок, впитывавший нечистоты, ослабляя их запах.

поделать, если это «пошел, засранец!» осел оценил не более высоко, чем некогда иной осел – звуки лиры⁴⁴. Во всяком случае, повторив и трижды и четырежды, Антуон не добился никакого успеха. И тогда, схватив толстую дубину, стал лупить невинную скотину, и так бил, и так колотил, что наконец несчастное животное не вытерпело и вывалило на белейшие матушкины простыни хорошенькую желтую плюху.

Увидела бедная Мазелла, как на то самое, в чем она полагала единственную надежду выбраться из бедности, осел навалил столь много богатства, что весь дом ее наполнился зловоном, схватила она палку и, не дав Антуону времени открыть сумку и показать ей золото и камни самоцветные, отдубасила его от всего материнского сердца. А тот – шапку в охапку, да и вон со двора, и побежал что было духу обратно к орку. Орк, видя, что Антуон приближается, словно не по земле идя, а по воздуху летя, и от своей волшебной силы зная, что и как с ним приключилось, стал хорошенько кислым соусом его поливать да поперчивать за то, что дал он гостиннику так над собою надсмеяться. И называл его отбросом Божьего творения (матушка моя, и вымолвить-то страшно!), и мешком пустым, и петухом бесхвостым, и сараем гнилым, и корягой кривой, и поросенком неблагодарным, и тупицею, и пустомелею, и простофилю, что взамен осла, срущего драгоценностями, позволил подсунуть себе скотину, приносящую лишь обычные шарики ослиной моцареллы⁴⁵. И Антуон, проглотив эту пилюлю, поклялся, что никогда больше не позволит обхитрить и надсмеяться над собою ни одной живой душе.

Однако через год опять обуяла его та же самая головная боль; и стал он изнывать от желания увидеть родимую матушку и сестер-голубушек. Орк, что был лицом ужасен, а сердцем прекрасен, отпустил его, а на прощание подарил ему красивую скатерку, говоря так:

– Отнеси ее матушке; только предупреждаю тебя, не будь такой осел, как с тем ослом, что подарил я тебе в прошлый раз. И пока не придешь к себе в дом, не говори: «Развернись, скатерка!» и «Свернись, скатерка!» Иначе, коль опять с тобой приключится беда, сам будешь виноват. Ну а теперь – в добрый час, ступай да возвращайся поскорее.

Ну пошагал Антуон к дому; и, лишь немного отойдя от орковой пещеры, положил скатерку наземь и сказал: «Развернись, скатерка!» И она тут же развернулась, и увидел он на ней много всякого добра: всякие товары роскошные, всякие штуки галантные, что у знатных господ в домах; и все вещи такой красоты, что глазам не поверишь. И быстро говорит: «Свернись, скатерка!» И скатерка свернулась, и все вещи скрылись внутри. Подхватил ее Антуон под мышку и напрямик к прежней гостинице. Пришел и говорит гостиннику:

– Возьми и сбереги мне эту скатерку. Только смотри не говори ей: «Развернись, скатерка!» и «Свернись, скатерка!»

Ну а тот – он ведь был кусок, трижды на огне поджаренный, – отвечает ему:

– Будь спокоен, все сделаю, как надо.

И, задав ему хорошенько покушать и напоив его так, что впору хоть обезьяну за хвост ловить, уложил его спать. Потом взял скатерку и произнес эти самые слова. И скатерка раскрылась, и столько оказалось на ней дорогих вещей, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Тогда гостинник спрятал скатерку, а взамен подложил Антуону другую, по всему похожую. Антуон, поднявшись утром, взяв подменную скатерку, пустился в путь и, вскоре дойдя до дому, кричит матушке:

– Теперь-то мы уж точно прогоним бедность со двора, любезная матушка! Не придется тебе больше тряпки перебирать, дырки латать да лоскутья сшивать!

С этими словами положил он скатерку на землю и сказал: «Развернись, скатерка!» Но хоть бы он с утра до ночи эти слова повторял, только бы время потерял, ибо не мог получить

⁴⁴ Античная басня «Осел и лира» до сих пор входит в учебники латыни.

⁴⁵ Сыр из молока буйволицы, изготавливается в форме крупных шариков. Особенным спросом издавна пользуется моцарелла из Аверсы (в 15 км от Неаполя), капитаном (градоначальником) которой Базиле был назначен в 1627 г.

от скатерки ни крошки, ни соломинки. Видя, что дело идет против шерсти, говорит Антуон матушке:

– Поделом мне, дураку. Опять меня гостинник вокруг пальца обвел. Ну, однако мы стоим один другого, найду и я на него управу. Лучше бы ему на свет не родиться! Лучше бы его телега колесом переехала! Да пусть в моем доме самая лучшая вещь пропадет, если я, когда приду спросить с него за осла и за сокровища, не перебую ему в гостинице все чашки и плошки на мелкие кусочки.

Как услышала матушка новую ослиную историю, развела хорошенько огонь в очаге и говорит Антуону:

– Сдохни, сломи себе шею, сыночек проклятый! Чтоб тебе хребет по позвоночку рассыпали и не собрали! Вон катись с моего порога! Лучше бы мне кишки мои показали и обратно не вложили! Лучше бы меня грыжа загрызла или зоб задушил, когда ты у меня между ног пролезал. Сгинь отсюда сей же миг, и пусть дом этот жжет тебе пятки как огонь! Вытрясла уж я тебя из своих пеленок, и не считай меня больше за ту дуру, что высрала тебя на белый свет!

Несчастный Антуон, видя такую жаркую молнию, не стал дожидаться грома и пустился наутек, будто стибрил мыла кусок – только пятки сверкнули. Побежал снова к орку. Орк, увидев, что он явился не запылился да лица на нем нету, сразу понял, что к чему, и сыграл Антуону звонкую сонату на чембало, сказав ему так:

– Уж не знаю, что меня удерживает засветить тебе под глазом добрый фонарь, раззявая ты эдакая, кошель без завязок, рот говенный, кусок протухлый, гузно куриное, балаболище, фанфара суда викариатского, что ради каждого пройдохы на базаре трубить готова!⁴⁶ Ох, вот бы тебе выbleвать все кишки изнутри, авось тогда и горох повысыпался бы из дурной твоей башки!⁴⁷ Если бы запер ты роток да на крепкий замок, то не случилось бы с тобой того, что случилось. Но у тебя рот как ветряная мельница и промолот ты впустую все счастье, что само тебе в руки пришло!

Антуон, обруганный поделом, зажал хвост между коленок и молча внимал сей музыке. И после того три года исправно нес службу у орка, не больше надеясь когда-либо домой вернуться, чем графский титул заполучить. Но время прошло, и опять его залихорадило: пришел ему каприз прогуляться до дому, и стал он опять у орка отпрашиваться. И орк, устав от его нытья, рад был его отпустить. И дал ему гладко обтесанную палку, сказав при этом:

– Возьми в подарок, чтобы помнить мою доброту. Только смотри не говори никогда: «Поднимайся, дубина!» или: «Ложись, дубина!» – а скажешь – ох, не желаю тебе, что тогда с тобой приключится.

Взял Антуон палку и говорит:

– Истинно, вырос у меня зуб мудрости, уж больше я не мальчик и знаю, во сколько пар трех быков запрягают. А кто теперь над Антуоном вздумает посмеяться, тому легче свой локоток поцеловать.

Орк ему на это отвечает:

– Мастера по делу судят. Говорить много женщине пригоже, а мужчина делом хорош⁴⁸. Поживем – увидим. Ты парень не глухой: я сказал, а ты слышал. Вовремя остеречь – наполовину сбережь. А теперь ступай, да гляди в оба.

И еще не окончил орк свои наставления, как Антуон уже поспешил к дому. Но и полмили еще не одолел, как не стерпел зуда любопытства и сказал палке: «Поднимайся, дубина!» И в один миг с волшебным словом свершилось новое чудо. Палка, будто у нее внутри сидел

⁴⁶ Заседания в суде первой инстанции Неаполитанского королевства (Gran Corte della Vicaria), не исключая и дел по небольшим правонарушениям, предварялись торжественным сигналом трубы.

⁴⁷ «У него горох в голове» – говорят о глупом человеке.

⁴⁸ В оригинале поговорка звучит так: «Словá – женщины, а дела – мужчины». Parola (слово) – женского рода, а fatto (дело) – мужского.

чертенки, как вскочит, да как начнет охаживать бедного Антуона по спине и по ребрам! И сыпались удары, как дождь с ясного неба, – один другого не дожидаясь. Бедняга, видя, что палка скоро отделает его как сафьяновую кожу, вскричал: «Ложись, дубина!» Тогда только палка и перестала полосовать ему спину вдоль и поперек.

Пройдя такое доброе обучение за собственный счет, Антуон воскликнул:

– Правду говорят: кто задом пятится – тот ногу подвернет. Клянусь, на этот раз я уж своего случая не упущу. Поспешу, однако, пока не лег еще спать тот, кому сегодня предстоит веселый вечерок!

Так приговаривая, вскоре дошел он до прежней гостиницы, где был принят с величайшими на свете почестями, ибо знал гостинник, сколько доброго сала можно из этой свиньи выпотить. Антуон ему говорит:

– Возьми да сбереги мне эту палку. Но смотри не говори ей: «Поднимайся, дубина!» – потому что опасное это дело. А не послушаешься, то не жалуйся потом на Антуона, не виноват я буду в твоей беде.

Гостинник, безмерно обрадованный третьей удачей, напичкал его до отвала всякими кушаньями и дал ему увидеть дно у кружки. И когда отвел его, еле стоящего на ногах, в спальню, сам побежал туда, где положил палку, да и жену с собой позвал, чтобы показать ей новый счастливый праздник. И, полный благих надежд, сказал палке: «Поднимайся, дубина!» И начался для них праздник: так стала она улаживать им бока – там треснет, а тут хрястнет – такой показала им вход и выход с пушечным салютом, что, видя себя в самом горьком положении, оба, и муж, и жена, неотступно преследуемые палкою, побежали будить Антуона, умоляя его о пощаде.

Антуон, видя, что все вышло как задумано и макаронина легла, как ей подобает, к сыру, а капустный кочешок⁴⁹ – к салу, говорит:

– Не дождетесь вы пощады. Так и помрете под палкой, коль все мое обратно не вернете. Тогда гостинник, которого хорошенько уже растолкла волшебная палка, закричал:

– Возьми что хочешь – и свое, и мое, только избавь от проклятого этого битья мои лопатки!

И чтобы удостоверить Антуона, выдал ему тут же все, что увел у него обманом. Заполучив то в руки, Антуон приказал: «Ложись, дубина!» – и она приземлилась и спокойно легла в сторонке. Взяв осла и все прочее, пошел Антуон к матушке домой. И здесь, проведя генеральную пробу с задницей осла и успешно испытав действие скатерки, собрал немало добра, выдал замуж сестриц и обеспечил матушку, чем подтвердил верность сказанного:

малому да глупому – Бог помогает.

⁴⁹ Капуста брокколи, распространенная на Юге Италии.

Миртовая ветка *вторая забава первого дня*

У крестьянки из Миано рождается миртовая ветка; впоследствии в эту ветку влюбляется принц, и она оказывается прекраснейшей феей. Затем принц уходит далеко и оставляет ее в прежнем виде миртовой ветки, привязав к ней колокольчик. Входят в дом принца некие дурные и завистливые женщины; когда они трогают колокольчик, из ветки выходит фея; ее убивают. Принц, вернувшись и обнаружив это несчастье, готов умереть от горя; чудесным образом он снова обретает возлюбленную, казнит убивших ее куртизанок и делает фею своей женой

Не было слышно ни шороха, пока Цеца продолжала рассказывать; но как только окончила, завязался долгий разговор: все стали без умолку болтать про какашки осла да про волшебную палку. И кто-то сказал, что если бы вырос целый лес таких палок, ох, мало нашлось бы охотников заниматься разбоем, а те, что грабили прежде, образумились бы; и не было бы, как стало в наши времена, больше ослов, чем грузов⁵⁰. И когда уже порядком наговорились про эти дела, князь повелел Чекке продолжить нить сказок. И она сказала:

Если бы думал мужчина, сколько ущерба, сколько бед, сколько падений случается в мире по вине проклятых распутниц этого света, то даже следа бесчестной женичины больше бы опасался, чем вида змеи, и не тратил бы свою честь ради отбросов из борделя, не обращал бы жизнь в лечебницу скорбей и не изводил бы все имущество на шлюху, что и трех торнезе⁵¹ не стоит; ибо она только накормит тебя пилюлями, где смешаны горести и обиды, – как вы сможете услышать сейчас об одном принце, что попал в силки этой дрянной породы.

Рассказывают, что жили в селении Миано муж с женою, у которых не было детей, и томились они великим желанием оставить по себе хоть какое-то потомство – особенно жена, кото-

⁵⁰ С раннего средневековья вплоть до второй половины XIX в. нападения и разбои на горных дорогах были повседневным явлением в Южной Италии.

⁵¹ Мелкая монета; равнялась шести кавалло.

рая только и говорила: «Боже, да мне бы хоть кого-нибудь родить; все равно, хоть миртовую ветку!» И часто повторяла она эту песню; и до того докучала небесам этими словами, что стал расти у нее живот и округлилось брюхо, и через положенный срок, вместо того чтобы разродиться мальчишкой или девчонкой, произрастила она из Элизейских полей своего чрева самую настоящую миртовую ветку. И, с великим удовольствием посадив ее в вазу, украшенную многими прекрасными маскаронами, поставила на подоконник, поливая ее утром и вечером с большим старанием, чем крестьянин – капустную грядку, урожаем с которой надеется оправдать наем огорода.

Однажды сын короля, что ходил тем путем на охоту, проезжая мимо ее дома, безмерно увлекся этой красивой веткой и послал сказать хозяйке, чтобы продала ему ее за любую цену, какую только захочет. И хозяйка, после тысяч отказов да отговорок, наконец, возбужденная выгодой, связанная обещаниями, приведенная в смятение угрозами, побежденная мольбами, отдала ему вазу, заклиная беречь и холить ветку, ибо любила ее воистину не меньше дочери и так именно ее и ценила, как плод своей утробы.

И вот принц с величайшей радостью велел принести вазу с веткой прямо к себе в покои и поставить на подоконник и стал окапывать и поливать ее своими руками. А потом случилось вот что: однажды вечером улегся принц в постель, слуги погасили свечи, и едва все вокруг утихло и все во дворце погрузилось в первый сон, как услышал принц в доме шаги, будто кто ошупью потихоньку идет к его ложу.

И стал он думать: то ли это слуга крадется стащить кошель с деньгами, то ли домовый – сдернуть со спины одеяло; но как он был человек мужественный, который не устрасился бы и злого беса, то застыл на месте, словно мертвая кошка, ожидая, что будет дальше. И тут он почувствовал, что это существо приблизилось к нему вплотную, и от прикосновения ощутил, что оно гладкое; и где он ожидал наткнуться на иглы дикобраза, там нашел нечто более нежное и мягкое, чем берберская шерсть, более приятное и податливое, чем хвост куницы, более шелковистое и легкое, чем перышки щегленка. Он быстро передвинулся поближе, подумав, что это фея (как оно и было на самом деле), приклеился к ней, словно коралловый полип, и принялись они в игры играть: то в «Поклюй, поклюй, воробушек», то в «А ну-ка, где спрятал камушек?»⁵².

А потом – прежде, чем Солнце вышло, как главный врач, осмотреть поникшие и печальные цветы, что с нетерпением ожидали его, – загадочная гостья поднялась с ложа и исчезла, и принц остался один, полный блаженства, беременный любопытством, нагруженный удивлением. И поскольку вся эта история повторялась в течение семи дней, его снедало и томило желание узнать, что за счастье подарили ему звезды и что за корабль, нагруженный сладостями Любви, приходит каждую ночь бросать якорь в его постели.

И вот, когда в одну из ночей, утомленная его ласками, милая девочка делала баиньки, он привязал одну из ее кос к своей руке, чтобы она не улизнула, позвал слугу и велел зажечь свечи. И что же он увидел? Истинный цвет красоты, чудо из женщин, зеркальце, расписное яичко Венеры, прекрасное сокровище Амура; увидел куколку, лапушку, горлинку ясную, фату Моргану⁵³, знамя парчовое, колос золотой; увидел похитительницу сердец, глаз соколиный, луну полную, голубиный клювик, королевский кусочек, игрушечку – словом, такое увидал зрелище, что впору ума лишиться.

И, созерцая эту красоту, воскликнул:

⁵² Названия детских игр.

⁵³ Образ феи Морганы из кельтской мифологии в Средние века был заимствован итальянской поэзией (М. Боярдо, Л. Ариосто); встречается также в фольклоре, особенно на Юге (Сицилия).

– Кинься в огонь, богиня Кипрская! Надень себе веревку на шею, Елена Прекрасная! Идите прочь, Креуса и Фьорелла⁵⁴, ибо ваши красоты – всего лишь безделушки рядом с этой красавицей, что одна стоит вас двоих! О красота всецелая, совершенная, спелая, полная, истинная! О дар, достойный королевских сокровищниц, Севильи, блеска двора; о грация, в которой не найти изъяна, которой нет предела! О сон, сладкий сон, пролей свой маковый отвар в очи этой драгоценности, не лишай меня наслаждения созерцать, сколько захочу, этот триумф красоты! О прекрасная коса, связавшая меня! О прекрасные очи, палящие меня огнем! О прекрасные губы, наполняющие меня силами! О прекрасная грудь, что утешает меня! О прекрасная рука, пронзающая мне сердце! Где, где, в какой мастерской чудес Природы исполнена эта живая статуя! Какая Индия прислала свое золото для этих волос! Какая Эфиопия – слоновую кость, чтобы изваять этот лоб! Какая Маремма⁵⁵ доставила изумруды для этих очей! Какой Тир принес пурпур, чтобы украсить румянцем это лицо! Какой Восток отдал свои жемчуга, чтобы составить в ряд эти зубки, словно бусы! Какая горная вершина от своих снегов подарила белизну этой груди! От снегов, которые чудесно, вопреки природе, дают жизнь цветам и воспаляют сердца!

С этими словами он обхватил ее будто виноградную лозу, которая одна могла даровать утешение всей его жизни; и, когда обнял ее так, она, освободившись ото сна, ответила на вздоха влюбленного принца грациозным зевком. Видя, что она проснулась, он сказал ей:

– О счастье мое! Если, рассматривая этот храм Любви без свечей, я был как в муках, что же станет с моей жизнью теперь, когда ты зажгла два своих светильника! О прекрасные очи, которые одним триумфальным пасом света заставили звезды играть в «прогоревший банк»!⁵⁶ Вы, только вы пронзили это сердце; только вы, как свежее яичко, способны приложить к нему целебный пластырь!⁵⁷ И ты, дивная моя целительница, сжалась над больным от любви, которого охватил жар, когда на смену ночной тьме явились лучи твоей красоты! Коснись руками моей груди, потрогай пульс, пропиши мне рецепт! Но зачем я еще жду рецепта, душа моя? Приложи к моим губам пять примочек своим нежным ротиком! Не желаю иных растираний, кроме ласк твоей руки, ибо уверен, что только сердечный напиток твоей великолепной грации и корень этого «волового языка»⁵⁸ сделают меня совершенно свободным и здоровым!

Зардевшись, как огонь, фея отвечала на его слова:

– К чему столько похвал, господин принц! Я – раба твоя и, чтобы служить твоему царственному лицу, рада была бы ночной горшок за тобой выносить; и считаю большим счастьем, что из миртовой ветки, росшей в глиняной вазе, стала кроной лавра, приклонившейся к гостинице живого сердца, – сердца, исполненного такого величия и доблести!

От слов феи растаяв, будто сальная свеча, принц снова бросился обнять ее и запечатлеть ее послание поцелуем и поклялся ей, говоря:

– Вот мое слово: ты станешь моей женой, ты будешь госпожой моей державы, ты будешь владеть ключами от моего сердца, ибо руль жизни моей уже у тебя в руках.

И после этих и сотни других любезностей и ласк, восстав наконец от ложа, они проверили, в полном ли порядке кишки и желудок; и так делали в течение нескольких дней.

⁵⁴ Богиня Кипрская – Венера; Креуса – имя нескольких персонажей античной мифологии и литературы. Афинское предание, сохраненное Софоклом и Еврипидом, говорит о Креусе, дочери афинского царя Эрехтея, возлюбленной Аполлона. Согласно Псевдо-Аполлодору, Гигину и Вергилию, Креусой звалась дочь Приама и жена Энея. То же имя носила дочь царя Креона Коринфского, невеста Ясона, погубленная ревностью Медеи; Фьорелла – героиня популярного в XVII в. любовного романа «История о Марко и Фьорелле».

⁵⁵ Местность в Тоскане, на берегу Тирренского моря, где, как утверждала молва, встречались изумруды.

⁵⁶ Название карточной игры; сравнения из этой сферы увлекают Базиле не меньше, чем кулинарные ассоциации.

⁵⁷ Заживляющий пластырь делали из яичного белка, розового масла и живицы.

⁵⁸ Народное название печеночника, съедобного гриба с красной мякотью, богатой витаминами.

Но Фортуна, играющая несчастьями, разрушительница браков, всегда бросает свои шипы под ноги влюбленным. словно противная собачонка, она всегда какает в минуту наивысших удовольствий Любви; и случилось так, что принца позвали на охоту, чтобы убить огромного лесного кабана, который опустошал поля той страны. Ради этого он был принужден расстаться с возлюбленной, а вместе с нею оставить и две трети своего сердца.

Но поскольку он любил ее больше жизни и видел, что красотой она затмевает всех иных красавиц, от его любви и от этой красоты произошло нечто иное – то, что есть буря в море радостей любви, дождь над бельем любовных ласк, сажа, падающая в сочное блюдо наслаждений тех, кто влюблен, – явилась та, о которой я сказал бы: как змея жалит и как червь точит; как желчь горчит и как лед холодит; та, из-за которой жизнь любящих всегда идет будто по канату, ум беспокоен, а сердце терзается подозрениями.

И, обратившись к фее, принц сказал:

– Я вынужден, любимая, провести две или три ночи вне дома; Бог один знает, с какою скорбью я расстанусь с тобой, ибо ты – подлинно душа моя. И беру Небо в свидетели: если ты меняпустишь рысью⁵⁹, я пушусь галопом к Смерти; но, поскольку я не могу не пойти, ибо должен выполнить желание отца, мне придется сейчас оставить тебя одну. И молю тебя, ради той любви, что ты ко мне имеешь, вернись обратно в вазу и не выходи, покуда я не вернусь. И тогда все у нас с тобой будет по-прежнему.

– Я сделаю, как ты говоришь, – сказала фея, – поскольку не умею, не хочу и не могу возражать против того, что тебе угодно. Итак, иди, и пусть сопутствует тебе матушка всякой удачи, и знай, что я всегда рядом с тобой. Но исполни и ты мое желание: привяжи к верхушке мирта шелковую нитку и колокольчик. А когда вернешься, дерни за нитку: колокольчик зазвенит, и я быстренько выйду тебе навстречу и скажу: «Вот я».

Принц так и сделал. Призвав слугу, он сказал ему:

– Ну-ка поди сюда, открой уши да хорошенько слушай. Застилай мое ложе каждый вечер так, как будто я сам сейчас приду и лягу; поливай всегда эту ветку в вазе, да смотри у меня: я на ней все листочки сосчитал, и если хоть один упадет, останешься без хлеба.

И, сказав так, сел на коня и поехал добывать кабана; а любимую оставил, словно овечку у мясника.

Между тем семь женщин дурного поведения, которых принц держал при себе, когда увидел, что он охладел в любви и забросил обрабатывать их поля, стали подозревать, что он забыл прежнюю с ними дружбу ради некой новой интриги. И, желая узнать причину, призвали каменщика, и он за хорошие деньги выкопал от их дома подземный ход прямо в покои принца.

Войдя туда, эти записные⁶⁰ прощелыги, желая видеть, не новая ли ночная совушка очаровала их клиента, открыли опочивальню и, никого не обнаружив, увидели только прекраснейший миртовый куст, и каждая оторвала себе по ветке. Только самая младшая из них схватилась за верхушку, к которой был привязан колокольчик.

Колокольчик зазвенел, и фея, думая, что это принц, тотчас вышла. И как только жалкие вороны увидели это лучезарное чудо, они тут же напали на нее и схватили своими когтями, говоря:

– Ах это ты увела воду наших надежд на свою мельницу? Это ты заграбастала себе в задаток благосклонность нашего господина? Это ты, важная цаца, присвоила достояние, купленное нашими телами? Вот мы и встретились, какая радость! Ну сейчас выцедим мы из тебя сок! Ну и пожалеет же твоя матушка, что не в добрый час на свет тебя высрала! Ты уж думала, что отхватила наш огород, да только вовремя поймали тебя за холку. Да чтобы не была я в девять месяцев рождена, если ты сейчас за все не рассчитаешься!

⁵⁹ То есть если ты покинешь меня.

⁶⁰ В оригинале: leiestre – зарегистрированные, записанные; одно из наименований проституток.

И с такими речами они разбили ей палкой голову и растерзали тело на сотню кусочков; и каждая взяла себе часть; только самая младшая не захотела приложить руку к этому жестокому делу; и, когда товарки звали ее делать то же, что и они, взяла только маленькую прядку прекрасных золотых волос. Сотворив все это, они испарились по тому же подземному ходу.

Тою порой пришел и слуга, чтобы приготовить постель и полить ветку, как было ему велено господином. И, обнаружив это несчастье, чуть не умер от переживаний; кусая себе руки, он собрал частички плоти и костей, отчистил кровь с пола, сложил все это в вазу и полил водой. Потом приготовил постель, закрыл комнату и, оставив ключи под дверью, унес свои башмаки подальше от той страны.

И вот вернулся принц с охоты: дернул за шелковую нитку, позвонил в колокольчик. Но в колокольчик звонят, когда на перепелок охотятся! Но в колокольчик звонят, когда епископ выходит! А бедный принц мог бить хоть во все церковные колокола: его фея была так рассеянна!⁶¹ Немедля вбежал он в свои покои и, не имея терпения звать слугу и спрашивать ключи, врезал кулаком со всей силы по замку, открыл дверь, вошел внутрь, растворил окно... И, увидев вазу без куста, принялся рыдать, бить себя, кричать, вопить, голосить:

«О бедный я, о несчастный я, о обездоленный! И кто же меня посмешищем таким сотворил?

О кто эту паклю, как бороду, мне навязал?

О кто так ловко на чашках меня обыграл?»⁶²

О принц ограбленный, разоренный, убитый! О ветка моя поломанная, о фея моя потерянная, о жизнь моя, от горя почерневшая! О радости мои, развеянные как дым! О сладости мои, кто вас полил едким уксусом? Что будешь делать теперь, Кола Маркьоне⁶³ злополучный? Что сотворишь, несчастный? Прыгай в ров – избавишься от своей беды! Всего добра ты лишился в этой жизни и неужто горло себе не перережешь? Потерял сокровища бесценные, и как еще бритвой себя по жилам не полоснешь? Стерли тебя из этой жизни, и как ты еще с высоты не бросишься? Где же ты, где, Веточка моя? Какая черная душа, что чернее камня с Везувия, разграбила мою прекрасную вазу? О проклятая охота, все ты радости у меня отняла! О горе мне: пропащий, безнадежный, мертвый; оборвались дни мои; и невозможно, чтобы еще пытался я жить этой жизнью без той, которая поистине есть моя жизнь. И всяко теперь протяну я ноги: без милой сон мне будет пыткой, пища – отравой, удовольствия – удушьем, а жизнь – горечью».

Этими и другими словами, способными растрогать и уличные камни, взывал принц; после долгого плача и горького рыдания, полный муки и гнева, не в силах ни закрыть глаза для сна, ни открыть рот для еды, настолько предался он горю, что лицо его, прежде бравшее румянец от пурпура восточного, теперь пожелтело, как фальшивое золото, и сочное прошутто⁶⁴ губ изменилось в прогорклое сало.

А тем временем фея вновь выросла из остатков, собранных в вазу, и увидела, как бедный ее возлюбленный рвет на себе волосы и бьется в рыданиях – высохший как щепка, цветом похожий на больного испанца, на зеленую ящерицу, на травяной настой, на желтуху, на грушу,

⁶¹ Подчеркнутая омонимия: быть рассеянной (*distratta*), то есть невнимательной, и быть рассеянной, то есть растерзанной на части.

⁶² Двустипшие, возможно, заимствовано из фольклорного источника. Выражение «навязать бороду из пакли» в смысле «насмеяться» употребляется и поныне; чашки – одна из мастей в неаполитанских картах.

⁶³ Базиле впервые называет героя по имени. Давая своим героям обычные итальянские имена, он приводит их в местной простонародной форме. В данном случае это имя двойное: Кола – уменьшительная форма от Никола; Маркьоне – греко-римское имя Маркион. Сына короля зовут именем в уменьшительной форме, так же как сказочные королевства носят названия, характерные для деревень: сказка как бы уменьшает реальность в размерах.

⁶⁴ Род ветчины; изготавливается из сырого свиного окорока. На срезе имеет ярко-красный цвет, а потом постепенно темнеет.

на хвост канарейки, на волчий помет. Взмолвленная, выпрыгнула она из вазы, как луч света из слепой лампы⁶⁵, изумив Кола Маркьоне, и, сжимая его руки, стала ему говорить:

– Вставай, вставай, принц мой ненаглядный! Довольно, довольно тебе горевать! Оставь плач, утри слезы, отложи в сторону гнев, утоли печаль! Смотри, я снова жива и прекрасна, назло этим стервам, которые, разбив мне голову, сотворили со мной то, что сделал Тифон со своим бедным братом!⁶⁶

Принц, увидав своими глазами чудо, которому не мог поверить, от смерти вернулся к жизни, и вновь зарумянились у него щеки, страсть закипела в крови, бурно задышала грудь. Одарив любимую тысячами нежностей и ласк, он захотел узнать от начала и до конца все, что произошло. И, услышав, что слуга ни в чем не виноват, послал призвать его к себе. И, устроив великий пир, с благосклонного согласия отца, объявил фею своею женою. Пригласив лучших людей королевства, он, кроме того, повелел прийти и семи злым ведьмам, что убили эту молочную телочку.

И когда окончили есть, принц, указав рукою на фею, стал спрашивать по очереди каждого из гостей: «Какого воздаяния был бы достоин тот, кто сотворил бы зло этой милой девочке?» А она сидела рядом с ним, столь прекрасная, что разрезала сердца, точно бритвой, поднимала в высоту души, словно лебедкой, и притягивала желание, подобно магниту. И тогда все, что были за столом, стали отвечать: один – что тот злодей был бы достоин виселицы, другой – что колеса; кто говорил – что щипцов, а кто – чтобы в пропасть бросили; кто одну казнь предлагал, кто другую. Дошла наконец очередь и до тех бесстыжих рож; хотя разговор им и не по вкусу был, и начинали уже они, как говорится, видеть сны недоброй ночи, да деваться было некуда. А поскольку нередко там истина рот открывает, где вино играет, сами ответили они, что если бы кто дерзнул руку поднять на сей сладостный плод из сада Любви, того подобало бы в сточной канаве живым утопить.

И когда они собственными устами произнесли такой суд, принц сказал:

– Сами вы свое дело защищали, сами и приговор себе вынесли. Остается только, чтобы я повелел исполнить ваше решение. Ибо вы и есть те самые, кто, имея бессердечие Нерона и жестокость Медеи, разбили эту прекрасную головку, как яйцо, и несравненные члены ее тела измельчили в кусочки, словно мясо для колбасы. Итак, скорее, не будем время терять! Сейчас же пусть бросят их в самую большую сточную канаву нашего королевства, чтобы окончили они там презренную свою жизнь!

Когда все это было без промедления исполнено, принц выдал замуж младшую сестру тех потаскух за своего слугу, дав ей хорошее приданое, и устроил безбедную жизнь для отца и матушки Миртовой Ветки. И зажил он с феей в веселии; а дочери сатаны, горько и мучительно расставшись с жизнью, подтвердили верность изреченного древними мудрецами:

*дурная коза скачет,
покуда за рога не схватят.*

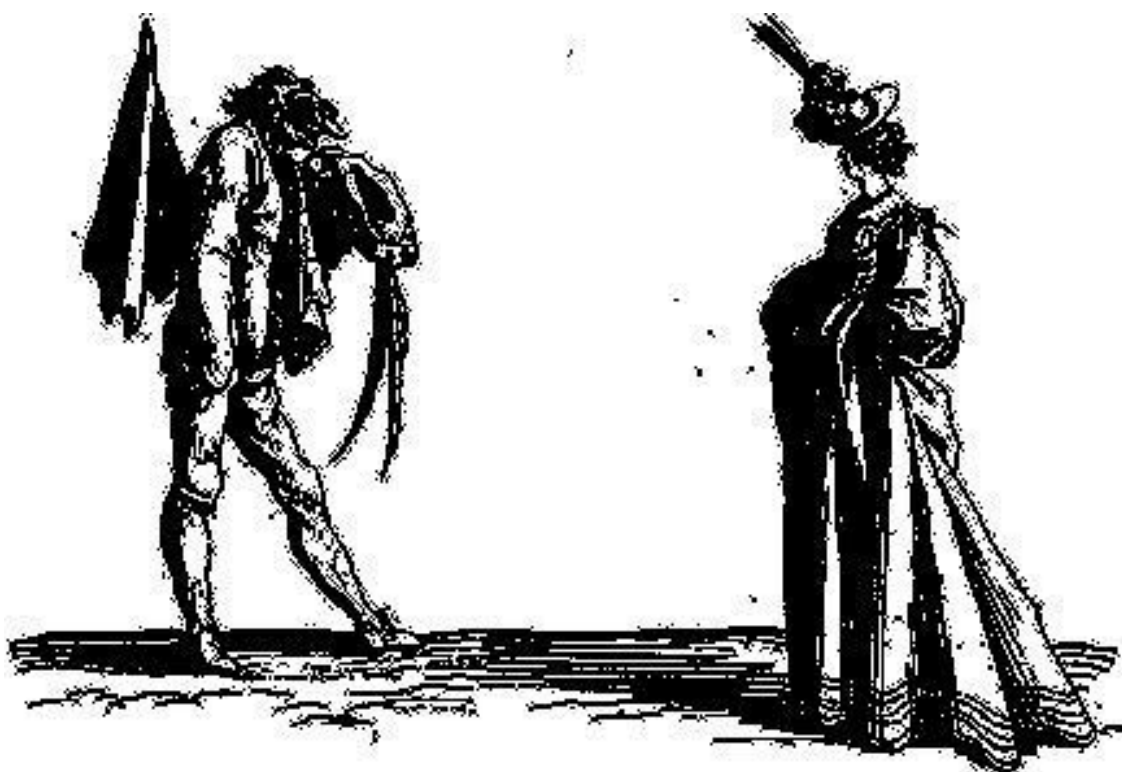
⁶⁵ Железная лампа с дверкой, которую можно было в случае надобности закрыть, не погасив свечи.

⁶⁶ Тифон (др. – греч. Τυφών; не путать с Тифоном из примеч. 42) – греческое наименование египетского злого бога Сета, который растерзал на части тело убитого им Осириса.

Перуонто

третья забава первого дня

Перуонто, человек совершенно ни на что не годный, идет в лес собирать хворост, здесь делает доброе дело для уснувших под палящим солнцем трех юношей и в награду получает от них дар волшебства. Затем, осмеянный дочерью короля, посылает ей заклятие, чтобы она от него забеременела, что и происходит. Когда обнаруживается, что именно он является отцом, король заключает его в бочку, вместе со своей дочерью и рожденными от него детьми, и бросает в море. Но Перуонто силой своего волшебства избавляется от опасности и, превратившись в прекрасного юношу, сам становится королем

Все были весьма обрадованы, услышав об утешении бедного принца и о наказании тех жестоких женщин. Наконец перестали судачить, потому что теперь Менеке пришла очередь продолжить разговор. И она начала рассказ так:

Сделанное добро никогда не пропадет; кто посеет доброе дело, тот пожнет и доброе воздаяние; кто возделывает в себе благородство, тот соберет плоды благодарности. Благодарение, оказанное благодарной душе, никогда не остается безответным, но производит признательность и влечет за собою награды. Это все многократно проверено человеческим опытом, и о подобном случае вы услышите в сказке, которую я сейчас расскажу.

У одной знатной женщины из Казории⁶⁷, по имени Чеккарелла, был сын, коего звали Перуонто⁶⁸, и был он самым безобразным на вид, самым ужасным тупицею, самым отъявлен-

⁶⁷ Селение неаполитанской округи; «знатной» Чеккареллу можно назвать лишь в качестве горькой шутки.

⁶⁸ Сказка с похожим сюжетом имеется в сборнике Джанфранческо Страпаролы (около 1480 – около 1557) «Приятные ночи» (III, 1), где герой носит имя Пьетро Дурак.

ным балбесом, подобного которому Природа никогда не производила. По этой причине у бедной его матушки душа всегда была черна, словно тряпка, которой моют котлы. Тысячу раз на дню проклинала она колени⁶⁹, которые приняли эту мухоловку, эту бестолочь, от которой не больше было проку, чем от козла молока; и несчастная могла бы кричать, хоть вовсе не закрывая рта, но с проклятого бездельника, как говорится, кроме говна, взять было нечего.

В конце концов, после тысячи приступов бессильной ярости, после тысячи «я что тебе говорю?» и «я что тебе сказала?» – кричавши нынче и оравши завтра, однажды она заставила-таки его пойти в лес и принести домой вязанку хвороста такими словами:

– Время уже и кусок проводить в добрый путь. Сбегай-ка за хворостом, да не задерживайся, набрал – и скорей назад. Затоплю печку да приготовлю четыре кочана «протянутой»⁷⁰ капусты, чтобы нам малость протянуть эту жизнь.

И вот лежебока Перуонто отправился в путь; и шел он, как приговоренный к смерти в сопровождении монахов в белых балахонах, шел так, будто по всей дороге были наложены яйца и он боялся раздавить хоть одно; шел, считая шаги, словно часовой на крепостной башне, шел тихо-тихо, медленно-медленно, потихоньку-полегоньку, вразвалочку, направляясь в сторону леса, так, будто собирался вернуться домой не раньше, чем ворон, выпущенный Ноем из ковчега⁷¹.

Путь его лежал среди лугов, где протекала речка, которая сердито журчала и ворчала на камни за то, что они не уступают ей дорогу; и здесь он увидел трех юношей, сделавших себе ложе из травы и изголовье из камней. Как убитые, спали они под солнцем, которое, стоя в зените, палило их своими лучами.

Увидев этих бедняг, которые кипели на жаре, словно источник воды посреди раскаленной печи, пожалел их Перуонто, нарубил топором дубовых веток и устроил над ними тенистый шалаш. И тут юноши пробудились; и поскольку были они сыновьями феи, то за добрую услугу наградили Перуонто волшебным даром: теперь все, чего он ни попросит, сразу же исполнялось.

Расстался Перуонто с юношами и вышел на дорогу, что вела к лесу. И там собрал он такую непомерную вязанку хвороста, что впору хоть на лебедке ее подымать. И, видя, что пустое дело – пытаться взвалить ее на спину, уселся на нее и сказал: «Вот бы хорошо, если бы вязанка меня, как конь, домой понесла». И тут же вязанка сама по себе пошла иноходью, будто конь, выращенный в конюшнях Бисиньяно⁷², и донесла его до королевского дворца, выписывая на скаку фигуры невероятные.

Придворные девушки, стоявшие у окна, видя такое диво, побежали позвать Вастоллу, королевскую дочь; и она, появившись в окне и поглядев на пируэты охалки веток и курбеты лесного сухостоя, принялась хохотать до упаду, хотя от рождения была столь грустна, что никто никогда прежде не видел ее смеющейся.

Перуонто, услышав, поднял голову, чтобы увидеть, кто над ним смеется, и сказал: «Вастолла! Хочу, чтобы ты от меня забеременела!» После этих слов, пришпорив вязанку башмаками, он понесся к дому таким лихим галопом, что только треск стоял по пути. А за ним неслась толпа детей, вытаращив глаза и поднимая жуткий гвалт, так что если бы матушка, вскочив, не побежала поскорее закрыть за сыном ворота, его насмерть забросали бы апельсинами⁷³ и кочанами капусты.

⁶⁹ Женщина в старой Италии рожала, сидя на табурете, поддерживаемая сзади повитухой; поэтому ребенок выходил на колени.

⁷⁰ В оригинале: *trascinata*, то есть слегка обжаренная.

⁷¹ Ворон, которого Ной во время потопа выпустил из ковчега, чтобы узнать, далеко ли земля, не возвращался до самого окончания потопа (Быт 8, 7, по Септуагинте).

⁷² Неаполитанская аристократическая фамилия, занимавшаяся разведением ценных пород верховых лошадей.

⁷³ Апельсины-дички в центральной и южной Италии повсеместно растут на улицах.

А Вастолла, когда у нее сначала прекратилось обычное женское, потом ей стало хотеться съесть то одного, то другого, и потом вдруг сильнее забилося сердце, поняла, что нахваталась теста⁷⁴. Сколько было в ее силах, она таила свою беременность, но потом живот уже стало нельзя скрывать; а когда ее разнесло как бочонок, дошло и до короля. После долгой скорби, собрав советников, он сказал им:

– Вам уже известно, что Луна моей чести показала мне рога⁷⁵; вы уже знаете, что моя драгоценная дочь запаслась чернилами, чтобы написать ими летопись моего позора, а самой сменить королевский пурпур на перья вороны⁷⁶; вы уже осведомлены, что мое любимое дитя надуло себе пузо, чтобы голова моя раздулась от тяжелых мыслей! Итак, скажите мне хоть что-нибудь! Посоветуйте! Ибо я счел бы за лучшее вынуть из нее душу, прежде чем она выпустит на свет дрянное потомство; ибо мне по сердцу, чтобы она испытала смертные судороги прежде родовых схваток; ибо мне угодно выкорчевать ее с этого света, прежде чем она принесет сорные семена и побеги!

Советники, у которых было в обычае употреблять в пищу больше масла, чем вина⁷⁷, отвечали королю:

– Поистине, она достойна великого наказания; и из рога, что приделала она к вашему лбу, надобно сделать рукоятку для ножа, который прекратит ее жизнь. Но все-таки – нет: ибо, если убить ее сейчас, когда она беременна, из разорванной сети выскочит тот наглец, который вверг ваше величество в битву скорбей, вооружил вас рогом слева и рогом справа, тот мерзавец, который, чтобы научить вас политике Тиберия, заставил изучать Корнелия Тацита⁷⁸; чтобы показать вам наяву сон бесславия, заставил пройти через двери из рога!⁷⁹ Итак, давайте посмотрим, что за корабль выйдет из ее порта, и тогда узнаем сам корень этого оскорбления, а потом еще поразмыслим и решим, с крупинкой соли⁸⁰, что с нею сотворить.

Совет понравился королю, ибо он увидел, что они ответили рассудительно и достойно; он поднял руку и сказал: «Итак, подождем исхода дела».

И вот наконец, когда соизволило Небо, настал час родов. И после четырех легких схваток, с первым выдохом в бутыл, с первым возгласом повитухи⁸¹, Вастолла выдала на колени кумы двух чудесных малышей – словно два яблока золотых.

Король, тоже беременный – гневом, – призвал советников, чтобы в свою очередь родить то, что ему подобало, и сказал им:

– Вот моя дочка и разродилась; пришло, значит, время дать ей дубинкой по башке.

– Нет, ваше величество, – отвечали старые мудрецы. (Видно, все происходило так, чтобы, как говорится, дать время времени.) – Давайте подождем, пока дети хоть немного подрастут, чтобы мы могли определить физиономию отца.

⁷⁴ То есть забеременела.

⁷⁵ «Рога» были метафорой позора не только применительно к мужу, которому изменила жена, но и к отцу, чья дочь не соблюла девство до брака.

⁷⁶ В оригинале игра слов: *stoneche* (хроники) и *corneche*; шуточное слово, производное от *corpo* (рог) и от *cornacchia* (ворона – так называют распутную женщину). Перевод вольный.

⁷⁷ То есть они не были склонны к поспешным и неосторожным решениям.

⁷⁸ Император Тиберий заточил безвыходно в доме и заморил голодом свою неверную жену Юлию (П. Корнелий Тацит. «Анналы», I, 53), а позднее поступил подобным образом с Агриппиной, вдовой своего сына Германика (там же, VI, 25). Имя «Корнелий», то есть «рогатый», используется для придания дополнительного комического эффекта.

⁷⁹ О «дверях сна» говорит Вергилий в «Энеиде»: «Двое ворот открыты для снов: одни – роговые, / В них вылетают легко правдивые только виденья; / Белые створы других изукрашены костью слоновой, / Маны, однако, из них только лживые сны высылают» (VI, 893; пер. С. Шервинского).

⁸⁰ С крупинкой соли (*лат. cum grano salis*) – то есть осторожно, с осмотрительностью. Выражение восходит к Плинию Старшему, который советовал принимать противоядия «с крупинкой соли» во избежание нежелательных побочных эффектов.

⁸¹ Роженице давали дышать в бутылку: считалось, что это приносит облегчение. Повитуха успокаивала и ободряла ее.

Король, который не писал ни строчки без линейки совета, чтобы не вышло криво, пожал плечами, набрался терпения и ждал, пока мальчикам исполнилось семь лет. И когда он снова созвал советников, чтобы наконец выкорчевать пень с корнями, один из них сказал ему:

– Поскольку вы еще хорошенько не расспросили вашу дочку и до сих пор не смогли дознаться, что за поддельщик подменил корону на вашем изображении⁸², теперь мы наконец должны стереть это позорное пятно. Итак, повелите устроить великий пир, куда будет обязан прийти всякий титулованный и благородный человек из жителей города. А мы внимательно осмотрим всех сидящих за столом; и к кому дети, побуждаемые самою Природою, прильнут наиболее охотно, тот, без сомнения, и есть их отец. Тут мы его быстренько и выметем вон, как вороний помет.

Эта мысль понравилась королю, и он назначил пир, созвав на него все общество плаща и кошелька⁸³. И когда гости поели, всем повелел стать в ряд и провел мимо них мальчиков. Но малыши обращали на всю эту публику не больше внимания, чем собака Александра Македонского – на кроликов⁸⁴; так что король, видя неудачу, бормотал проклятия и кусал губы; и, хоть не было у него недостатка в обуви, отчаянно сбивал ноги о камни, ибо невыносимо тесны были ему сапоги скорби.

Тогда советники сказали:

– Успокойтесь, ваше величество, и послушайте. Ничего, завтра мы устроим другой пир, теперь уже не для важных особ, а для всякого мелкого народца. Поскольку женщин всегда влечет к худшему, возможно, мы найдем виновника вашего горя среди точильщиков ножей, торговцев образками и галантерейщиков, раз не обнаружили его среди кавалеров.

Эта мысль показалась королю разумной, и он повелел приготовить новое пиршество, на которое, как гласил указ, должны были явиться все: вплоть до слабоумных, до бродяг, до оборванцев, до головорезов; все молодые парни вплоть до самых дрянных и непотребных, босыки, мошенники, жулики. И вот огромная толпа народа в засаленных фартуках и с навозом, налипшим на деревянных башмаках, – все простолюдины, сколько было в городе, будто вельможные графы и князья, уселись вдоль предлинного стола и принялись за еду.

И вот Чеккарелла, услышав про указ, стала подгонять Перуонто, чтобы шел и он на королевский праздник; и ей удалось-таки выпроводить его на пир. Но лишь только он приблизился к столу, как подбежали эти славные мальчишки и, обхватив его за шею, будто приклеились, ласкаясь к нему так, что и передать нельзя.

Король, увидев, что за боб запечен был внутри пирога⁸⁵, вырвал себе всю бороду; ибо обнаружил, что награда в розыгрыше досталась мерзейшей образине, на которую и глянуть тошно: мало того что у Перуонто голова была сшита из тряпок⁸⁶, Природа наградила его совиными глазищами, носом попугая, ртом карнавальной маски; он был бос и в рвань; так что даже не советуясь с доктором Фьораванте⁸⁷, можно было все понять о нем с первого взгляда.

И вот, тяжело вздохнув, король горестно изрек:

– Как могла эта свинья, эта шлюха, которую считали моей дочерью, влюбиться в такое чудище морское? Где умудрилась она спознаться с этим мохноногим животным? Ах, мерзкая,

⁸² Изображением короля советник, вероятно, называет его дочь. Поддельщик, то есть предполагаемый любовник принцессы, «подменил корону на изображении», то есть лишил королевну ее достоинства. Или иначе: изображение короля – его потомство. Изображение с подмененной короной – внук, не имеющий прав на престол.

⁸³ Лиц знатного происхождения и больших богачей.

⁸⁴ Исторический анекдот, переданный Плинием Старшим («Естественная история», VIII, 61): собака Александра на охоте не стала бороться с кабаном и медведем, ибо это были слишком слабые для нее противники; она ждала льва и слона.

⁸⁵ Боб, запеченный внутри пирога, угощение и розыгрыш для детей во время праздника «Трех царей» (5 января, канун Крещения), – старинная традиция ряда европейских народов.

⁸⁶ То есть ума было столько же, сколько у тряпичной куклы.

⁸⁷ Болонский медик XVI в., автор знаменитых книг по медицине.

лживая, слепая – что за «Метаморфозы» Овидиевы она устроила! Превратиться в корову⁸⁸ ради грязного кабана, – чтобы меня, в свою очередь, на весь мир выставить рогатым козлом! Но чего еще ждем? Что еще раздумываем? Пусть теперь понесет кару, которую вы назначите; и гоните ее прочь с моих глаз, ибо утроба моя не переваривает ее больше!

И советники, вновь собравшись на совещание, приговорили: и саму Вастоллу, и злодея, и их детей забить в бочку и бросить в море, чтобы подвести под их жизнь последнюю черту, не оскверняя рук презренной кровью.

Как только вынесен был приговор, немедленно прикатили бочку, куда посадили всех четверых; но, прежде чем ее закрыли, девушки из свиты Вастоллы, плача и рыдая о своей госпоже, опустили внутрь корзинку с сушеным виноградом и фигами⁸⁹, чтобы она могла протянуть в бочке хоть немного. Бочку забили, выкатили прочь и бросили в море, и вот поплыла она, куда ветер гнал и волны несли.

И тогда Вастолла стала говорить Перуонто, проливая из очей реки слез и горестно стеля:

– О что за лютая судьба нам досталась – получить вместо гроба Вакхову люльку! О если б я знала, кто посмел так надругаться над моим телом, чтобы загнать меня в эту бочку! Скажи мне, о скажи мне, жестокий человек, какое чародейство ты сотворил, каким волшебным прутником, чтобы уморить меня в этой бочке! Скажи мне, о скажи, какой дьявол помог тебе просунуть мне в живот невидимую трубочку, чтобы в последний мой час я не видела просвета в этой проклятой дыре!

Тогда Перуонто, в котором неожиданно проснулись повадки торговца, ей отвечает:

*Я скажу, коль ты в награду
дашь мне фиг и винограда.*

Вастолла, желая хоть что-то из него выудить, дала ему по горсти того и другого. И он, набив полный рот и еще продолжая жевать, рассказал ей все по порядку: как вышло у него с теми тремя юношами, потом с вязанкой хвороста и, наконец, – у нее под окошком; как за то, что она надрывала живот, потешаясь над ним, он и надул ей живот.

Услышав это, бедная женщина приободрилась сердцем и сказала Перуонто:

– Брат мой, но зачем же нам тогда испускать дух в бочке? Почему бы тебе не сказать, чтобы эта лодка скорби превратилась в прекрасный корабль, на котором мы избавимся от беды и приплывем в счастливую гавань?

А Перуонто отвечает:

*Я скажу, коль ты в награду
дашь мне фиг и винограда.*

И Вастолла с готовностью наполнила ему рот. Как рыбачка на карнавале, нанизывая на крючок сушеные виноградины и смоквы, она выуживала из него свежие слова.

И как только Перуонто сказал то, что хотела Вастолла, бочка превратилась в корабль со снастями, нужными для плавания, с капитаном и матросами. И каждый был при деле: кто тянет шкот, кто сматывает тросы, кто держит руку на штурвале, кто паруса направляет, кто на мачту лезет, кто кричит: «Ad orza!», кто кричит: «A roggia!»⁹⁰, кто в горн трубит, кто фитиль у пушки запаливает: один одно, другой другое делает.

⁸⁸ Намек на историю Ио, дочери царя Инаха, превращенной в корову по воле Геры (Овидий. «Метаморфозы», I, 611 и след.).

⁸⁹ Фиги – инжир.

⁹⁰ Команды при вождении судна с косым (так называемым «латинским») парусом, означающие поворот паруса то в сторону, противоположную направлению ветра, то по ветру.

Теперь Вастолла, сидя в корабле, плыла среди моря наслаждения, – а настал уже час, когда Луна захотела поиграть с Солнцем в «Ты ушел и пришел, а местечка не нашел», – и вот говорит она Перуонто:

– Милый мой мальчик, а не сделаешь ли ты, чтобы наш корабль стал прекрасным дворцом? И тогда нам будет еще уютнее. Ведь знаешь, как люди говорят: «Море хвали, да держись земли».

На что Перуонто опять отвечает:

*Я скажу, коль ты в награду
дашь мне фиг и винограда.*

И она тут же все ему дала. Пережевывая ягоды, Перуонто сотворил и эту милость: сказал слово – и в тот же миг корабль пристал к берегу и обернулся великолепным дворцом, что снабжен был всем необходимым до последней мелочи и полон мебели и всякой роскоши настолько, что нечего больше и желать.

Вастолла, которая еще недавно не ценила свою жизнь и в три кавалло, теперь не поменялась бы местом и с первой госпожой в мире, видя себя окруженной безмерным изобилием и всевозможной услугой, подобно королеве. И вот, желая поставить печать под списком своих благих приобретений, она попросила Перуонто получить новую милость: стать красивым и благовоспитанным, чтобы им было впору вместе наслаждаться всеми этими радостями; ибо хоть и говорит пословица, что «лучше муженек трубочист, чем дружок император», однако сейчас ей казалось самой большой удачей на свете, если бы он сменил внешность.

А Перуонто ей отвечает все с тем же припевом:

*Я скажу, коль ты в награду
дашь мне фиг и винограда.*

Вастолла сейчас же вытащила свое чудесное лекарство – виноград, который, вкупе со слабительным из смокв, мог излечить словесный запор Перуонто. И, только промолвив слово, он превратился из чучела в красавчика-щеголя, из страшилища – в Нарцисса, из маски сатира – в ангельскую головку. При виде этого Вастолла, не помня себя от радости и стиснув Перуонто в объятиях, словно прекрасный плод, выдавила сок величайшего наслаждения.

Тем временем король, который с самого дня казни был еле жив от горя, отправился на охоту, послушав придворных, ибо они уговаривали его хоть как-то развлечься. И вот вдалеке от города застигла его ночь; и, увидев свет, что светил из окон того дворца, он послал слугу спросить, не примут ли его хозяева. И пришел ему от хозяев ответ, что у них во дворце он сможет не только опрокинуть стаканчик, но и опорожнить утром ночную вазу. Король тут же поскакал туда, поднялся по лестницам, прошел в комнаты, но не обнаружил ни одной живой души, кроме двух милых мальчуганов, которые вертелись вокруг него и приговаривали: «Дедушка, дедушка!»

Изумленный, пораженный, ошеломленный, король чувствовал себя будто во власти волшебных чар. В изнеможении усевшись за стол, он видел, как незримые руки расстилали перед ним фламандские скатерти, подавали блюда, полные всякой всячины. Он ел и пил подлинно по-королевски, и все это время с ним были только те два мальчика. И пока он вкушал все яства и напитки, ни на минуту не умолкали гитары и тамбурины, чья музыка пробирала его до самых пяток. А когда отужинал, появилось ложе, блистающее золотом, куда он, стянув сапоги, улегся спать. И вся его свита, напивавшись досыта за множеством других столов, расставленных в иных комнатах дворца, расположилась на приятный ночлег.

А когда настало утро, король, собираясь в путь, захотел взять с собой и обоих мальчиков, настолько они пришлись ему по сердцу; но тут появилась Вастолла с мужем; припав к ногам отца, она просила его о прощении, рассказав ему о своей счастливой судьбе. И тогда король, видя себя безмерно богатым – с любимой дочерью, драгоценными внуками и зятем-волшебником, – заключил их всех в объятия и, нагруженный этими сокровищами, вернулся в город, где на много дней устроил великий праздник, признав, вопреки прежним своим решениям, что

человек предполагает, а Бог располагает.

Вардьелло *забава четвертая первого дня*

Вардьелло, будучи неисправимым тупицей, после сотни недобрых услуг, оказанных матушке, теряет кусок ткани и, глупейшим образом пытаясь забрать его цену у статуи, внезапно становится богат

Когда Менека закончила рассказ, который был сочтен не хуже первых, как богатый необычайными событиями, надолго захватившими внимание слушателей, за нею, по выбору князя, продолжила Толла. Не теряя времени, она начала так:

Если бы Природой была установлена для животных необходимость одеваться и тратить на еду, то, без сомнения, быстро извелся бы род четвероногих. Ибо поскольку они быстро и легко находят пищу – без огородника, что ее растит, без слуги, что ходит на рынок, без повара, что ее готовит, без служащего за трапезой, что подает блюда, – то и шкура их хорошо защищает от холода и снега – без купца, что привозит ткани, без портного, что шьет одежду, без мальчика, что помогает одеться, а потом просит чаевые. Но человеку, способному к изобретениям, было предусмотрено дать все эти удобства, ибо он сам умеет обеспечить себя тем, что нужно. Вот причина, по которой и бедные часто оказываются смысленнее, а богатые – глупее, как можете и сами вывести из сказки, которую я вам сейчас расскажу.

Граннония из Анцано слыла женщиной весьма рассудительной, но сын ее, которого звали Вардьелло, был самым безнадежным тупицей в том селении. Но глаза матери всегда заколдованы и глядят будто сквозь кривое стекло; и она питала к нему любовь нежнейшую, и так с ним носилась, и так его языком вылизывала, как самое наипрекраснейшее создание в мире.

Еще была у этой Граннонии курочка, что несла яйца и высиживала цыплят, и хозяйка ждала, когда она принесет хороший выводок и поможет ей подзаработать денег. И поскольку нужно ей было отлучиться из дому по делу, подозвала Граннония сына и говорит: «Хороший мальчик своей мамы, послушай-ка: не своди глаз с этой курочки, и когда она слишком уж

разойдется по двору клевать, ты постарайся поскорее вернуть ее на насест, иначе яйца простынут, и не будет у нас ни яичек, ни цыпляток». «Все знаю, все сделаю, – отвечал Вардьелло, – чай, не глухому сказала». «Ну, тогда еще одно дело, – говорит матушка. – Гляди, благословенный мой сыночек: вот стоит в шкафу горшок, в котором положена отрава. Смотри, дорогой, не принимай злого соблазна дотронуться до него, не то можешь ножки протянуть». «Боже сохрани, – отвечал Вардьелло. – Отравы твоя до меня не касается. Так что мудра ты, что об этом подумала, да дура, что сказала. Если б случилось мне и разбить тот горшок, ничего б со мной не сделалось».

Итак, ушла из дому матушка, а Вардьелло остался на хозяйстве. И чтоб не терять времени даром, сразу пошел в огород: делать повсюду ямы и прикрывать хворостом, на случай если влезут соседские ребята, чтобы сразу попадали в них. И вот в самый жаркий рабочий час обнаружил он, что курочка вышла из сарая и гуляет по двору. И стал приговаривать: «Цып-цып, иди сюда, уходи оттуда...» Но наседка и не думала следовать его призыву. Тогда Вардьелло, рассердившись, что курица ведет себя вроде осла, вместо «цып-цып» затоптал ногами, а после ног запустил в нее шапкой, а после шапки пустил в ход скалку для теста и наконец так ее хорошо уговорил, что курочка вытянула шею с лапками и приказала долго жить.

Увидев такое несчастье, Вардьелло подумал, как возместить потерю; добровольно делая то, чего требовала необходимость⁹¹, он, чтобы яйца не простыли, спустил штаны и уселся на них; но не удержал равновесия и плюхнулся задом оземь, в одно мгновение устроив большую яичницу. Видя, какой двойной ход в игре ему удалось сделать, Вардьелло хотел разбить себе голову об стену: но потом, поскольку хороший кусочек способен утолить в душе любую скорбь, он, слыша, как урчит в животе, решил съесть курицу и в том найти утешение. Ощипав ее и насадив на хороший вертел, он разжег огонь посильней и принялся ее поджаривать. И когда она уже была почти зажарена, он, чтобы сделать все, как принято у добрых людей, застелил старый ларь лучшим полотном из матушкиных запасов, взял большую кружку и спустился в погреб распечатать бочонок. Вардьелло уже ее почти наполнил, как вдруг сверху послышался шум, грохот, что-то вообще невообразимое – будто по дому скакали кони в железных доспехах. Встревоженный всем этим, он, оглядевшись, увидел, как толстый котище тащит курицу вместе с вертелом, а за ним с воплем гонится кошка, не желая упустить свою часть. Вардьелло, спасая хозяйство от убытка, бросился за котом, словно выпущенный из клетки лев, но впопыхах забыл заткнуть бочонок. После погони по всем углам и закоулкам он все-таки отбил курицу, но тем временем вытекло все вино из бочки. Вернувшись в погреб, Вардьелло обнаружил, какое доброе дело учинил, и новые ручьи потекли из бочки его души через отверстия глаз. Вскоре его рассудительность подсказала ему средство сделать так, чтобы матушка не узнала о происшествии: он взял мешок, до краев полный муки, и принялся рассыпать ее вокруг в надежде засыпать лужу.

После всего этого, посчитав на пальцах ущерб, нанесенный произошедшим в одночасье бедствием, он подумал, что из-за всех этих невероятных глупостей потеряет любовь Граннонии, и мужественно решил, что не должен встретить матушку живым. Запустив руку в горшок с засахаренными орехами, тот самый, о котором матушка сказала ему, что там отравы, он не переставал есть, покуда не дошел до самого дна, и, хорошо наполнив брюхо, спрятался в печке, готовясь к смерти.

Тут вернулась и матушка. Долго она стучала и громко звала сына, а потом, видя, что никто не открывает, ударила хорошенько в дверь ногой и вошла внутрь. Не находя нигде сына и предчувствуя беду, она, будто застигнутая родовыми схватками, завопила во весь голос: «Вардьелло! Вардьелло! Ты оглох и не слышишь? Или разбил тебя паралич и не встанешь? Или

⁹¹ В оригинале: *fatto de la necessetà vertute* – выражение, заимствованное из «Анналов» Корнелия Тацита (I, 30) и ставшее афоризмом.

типун тебе сел на язык и ответить не можешь? Ты где, рожа твоя висельная? Куда смылся, отродье паршивое? Да лучше бы мне тебя между ног задавить, когда я тебя рожала!»

Вардьелло, долго внимавший этим воплям, наконец издал из печи жалобный-прежалобный голос: «Вот он я, здесь. Здесь, в печке, – и больше не увидите меня, дорогая матушка!» «Почему?» – взывает бедная матушка. «Потому, что я отравился», – отвечает сын. «Ох, горюшко мое, – стонет матушка. – И как же ты это сделал? Что за причина тебе была убивать себя? Кто тебе отраву дал?»

И Вардьелло рассказал ей по порядку все подвиги, что совершил, и почему избрал смерть, не желая более испытывать дела мира сего.

Слыша это, матушка почувствовала себя в великом несчастье и поняла, что должна сделать и сказать все возможное, чтобы выгнать из головы сына эту меланхолию. И, любя его беззаветно, надавала ему и других сладостей, внушая, что засахаренные орехи были не отравой, но, напротив, лекарством для желудка. Так, ублажив его нежными словами и оказав ему тысячу ласк, она вытянула его из печи. А потом дала ему оставшийся у нее добрый кусок холста и послала продать его в городе, предупредив, чтобы он не болтал лишнего с посторонними людьми.

– Хорошо! – оживился Вардьелло. – Сейчас я тебе услужу на славу, не сомневайся!

Схватив холст, он пошел по всему Неаполю, крича: «Холст! Кому холст?» Но когда прохожие спрашивали его: «А какой у тебя холст?» – отвечал: «Э, да с тобой дело не пойдет, слишком много говоришь!» – а если спрашивали: «Почем продаешь?» – отзывался так: «Иди своей дорогой, болтун. От твоей болтовни уши болят и виски ломит!»

Наконец во дворе одного здания, оставленного жителями из-за проказ домового, он увидел глиняную статую. Изнуренный и обессиленный долгой и бесполезной ходьбою, бедняга присел на кочку и, удивляясь, что по дому никто не ходит и он стоит, будто разграбленный хутор, сказал статуе: «Скажи-ка, друг: или вовсе никто не живет в этом доме?» А так как статуя ничего не отвечала, он подумал, что наконец встретил человека неболтливого, и спросил: «Хочешь купить этот холст? Я тебе скидку сделаю». Статуя промолчала опять, и Вардьелло сказал: «Честное слово, нашел-таки я, кого искал. Ну так бери же холст, проверь хорошо, и дашь мне сколько захочешь; завтра приду за деньгами».

С этим словом он оставил холст там, где сидел. И первый же случайный прохожий, зашедший после него во двор по малой нужде, найдя здесь такую добрую вещь, порадовался своей удаче и унес его. А Вардьелло, вернувшись к матушке без холста и без денег и рассказав, как было дело, чуть было не лишил ее чувств. И сказала она ему: «Когда же встанут у тебя мозги на место? Гляди, сколько бед ты мне в один день сотворил: век жить – не позабыть. Но вина моя, что слишком слаба я духом; не научила тебя вовремя добру – и вот – получаю свое. Не зря говорит пословица: врач жалостливый сделает язву неизлечимой. Так и будешь меня казнить, пока дотла не разоришь, только тогда и будем с тобой в расчете». А Вардьелло отвечает: «Молчи, милая маменька, да не будет того, что ты говоришь. Хочешь, принесу тебе завтра кучу монеток новехоньких? погоди до завтра и увидишь, умею ли я приделать к лопате ручку».

Настало утро, – когда тени Ночи, преследуемые сыщиками Солнца, бегут вот из страны, – и Вардьелло, вернувшись во двор, где была статуя, сказал: «Доброе утро, хозяин! Согласен ты дать мне за холст четыре медяка? Давай-ка плати, да пойду, нет времени долго с тобой разбираться». Но, видя, что статуя остается безгласна, схватил камень и метнул с размаху ей в самое подреберье, пробил ей живот, и явилось тут спасение дому его. Ибо отпали от нее четыре куса, а внутри ее нашел Вардьелло кастрюлю, полную золотых монет. Схватив ее обеими руками, он побежал сломя голову к дому, громко крича: «Матушка, матушка! Гляди, сколько бобов несу! Говорил я тебе, голодны не будем!»

Матушка, увидав монеты и зная, что сын все растрезвонит по округе, велела ему стать перед дверью и следить, когда пройдет молочник, чтобы купить у него молока на один тор-

незе. Вардьелло, который поест был всегда непрочь, уселся перед дверью, а матушка добрых полчасика сыпала на него сверху изюм и сушеные фиги. Вардьелло ползал, собирал их в рот, не поднимая головы, и все кричал: «Матушка, выноси тазы, ставь корыта, готовь бадьи сколько есть в дому! Лишь бы этот дождь лил подольше, тогда точно станем богаты!» И так, набив себе брюхо до отвала, он еле заполз по лестнице в дом и уснул крепким сном.

Прошло сколько-то дней, и побранились на улице два прохвоста – оба из суда подсадные утки, – споря чуть не до драки за один золотой, которые будто бы на улице подобрали. Вардьелло увидал и говорит им: «Ну и ослы же вы, из-за одного боба спорите. У меня таких дома полна кастрюля». Судейские, услышав, наострили уши и мигом поволокли его на допрос: как, когда и с кем нашел он эти монеты. А Вардьелло и не думал таить: «Я нашел в пустом дворе, у немого в животе, в день, когда с неба изюм и фиги сушеные дождем падали; разве не помните?» Судья, выслушав это странное показание, в деле разобрался как умел и послал его малость подлечиться в больницу⁹². Так тупость сына обогатила матушку, а рассудительность матушки помогла исцелить тупость сына. Из чего видится ясно, что

*кораблю, коль правит добрый лоцман,
бесчестие – на скалы напороться.*

⁹² Базиле не уточняет, какое лечение в больнице ожидало Вардьелло. Читатели, однако, хорошо знали, о чем идет речь. Документы и народная память свидетельствуют, что в неаполитанской больнице для душевнобольных, основанной в 1519 г., больных из простонародья пользовали следующим образом: заставляли до полного изнеможения поднимать воду из глубокого колодца, потом давали съесть сотню яиц для укрепления нервных центров, а венчала процедуру лечения порка. Успешно применявший эту методику в первой половине XVII в. доктор Джорджо Каттанео остался в памяти потомков как *Mastro dei matti* (Мастер по дуракам).

Блоха

забава пятая первого дня

Король, не зная, чем еще себя занять, откармливает блоху до размеров борова; затем, содрав с нее шкуру, предлагает свою дочь в награду тому, кто отгадает, с какого животного снята шкура. Орк, определивший ее по запаху, забирает принцессу, которую затем освобождают семь сыновей одной старушки после семи же испытаний

Князь и служанка смеялись до упаду над невежеством Вардьялло и хвалили рассудительность матушки, которая сумела предусмотреть его глупость и нашла средство исцелить ее. Теперь стали просить Поппу продолжить нить рассказов. Когда наконец все перестали судачить, она начала такую речь:

Решения безрассудные всегда влекут бедствия непоправимые; кто ведет себя как сумасшедший, потом будет терпеть скорбь как умный. Это и приключилось с королем Аутомонте, который ради чепухи, не стоившей гроша, наделал безумных дел на многие тысячи, подвергнув ужасающей опасности как свою дочь, так и свою честь.

Однажды короля Аутомонте⁹³ укусила блоха. И он с великим проворством поймал ее и, увидев, что она красива и породиста, пожалел приговаривать ее к смертной казни через удушение ногтем. Но посадил блоху в бутылку, питая каждый день каплями крови из собственной руки, и так хорошо за нею ухаживал, что вскоре потребовалось перевести ее в клетку; а по прошествии семи месяцев она выросла до размеров борова.

Видя это, король приказал ее забить и ободрать; и, когда сняли с нее шкуру, издал указ, что тому, кто отгадает, с какого животного снята шкура, он отдаст в жены свою дочь.

⁹³ Высокая Гора.

Когда повеление было оглашено, народ отовсюду, аж из самой задницы мира сего, толпами повалил испытать свое счастье. И кто говорил, что шкура снята с гигантского кота, кто называл волка, скрещенного с рысью, кто – крокодила: один одно животное представлял, другой другое. Но все они остановились в ста милях от истины, и ни один не угодил в цель.

Наконец появился на этот экзамен по анатомии орк, который был самой безобразной тварью во вселенной. Один только вид его мог ввести в трепет, повергнуть в понос, породить червей в кишках и покрыть льдом сердце у самого отчаянного парня на свете. И, только придя, покружил он немного над шкурой, принюхался, да тут же и послал пулю в яблочко, сказав: «Шкура эта снята с атамана блох».

Тогда король, видя, что он угодил прямо в середку, чтобы не нарушить слово, велел позвать Порциеллу, свою дочь, девушку, о каких говорят «кровь с молоком»; ох, дорогие мои, – такое шустрое да славное веретенце; коль увидишь, до дырок глаза проглядишь – вот до чего была хороша собой! И сказал король: «Дочь моя! Тебе известен указ, который я подписал, и ты хорошо понимаешь, кто я такой. В конце концов, сама честь не позволяет взять обратно данное обещание: или я король, или с осины лыко драное; коль слово дано, надо выполнять, хоть и разрывается мое сердце. Разве кто когда мог вообразить, что выиграш в этой лотерее достанется орку? Но поскольку без воли Неба и лист с ветки не упадет, подобает верить, что сей брак уже прежде был заключен на небесах, чтобы ныне совершиться и в здешней юдоли. А посему имей терпение и послушание; и если ты воистину моя дочь, на коей почивает мое благословение, не спорь с папочкой, ибо и сердце мое говорит мне, что ты будешь счастлива. Ведь зачастую бывает, как известно, что в середине необработанной грубой глыбы обретаются драгоценные кристаллы».

Когда Порциелла выслушала это горькое решение, у нее померк свет в глазах, пожелтело лицо, опали губы и затрепетали коленки. И чуть было не выпустила она сокола души вдогонку за перепелкою скорби. Наконец, разразившись великим плачем, заголосила она, обращаясь к отцу: «И за какое преступление, совершенное в вашем доме, дана мне эта казнь? Каким дурным поведением я огорчила вас, что вы отдаете меня в лапы этому страшилищу? О несчастная Порциелла! Вот хотят, чтобы доброю волей влетела ты, как бабочка, в рот этой жабе, чтобы, как овца безответная, дала себя унести лютому волку! Вот чувства, которые ты, отец, выказываешь к своему дитяти! Вот твоя любовь к той, которую называл ты светом души твоей! Так ты отрываешь от сердца ту, которая есть кровь твоя! Так от очей отрываешь ту, что была зрачком в твоём глазу! О отец, жестокий отец, поистине, ты сам рожден не от человеческой плоти! От акулы морской кровь в твоих жилах, кошки дикие тебя молоком вскормили! Но зачем называю животных моря и земли? Ибо каждое животное своего детеныша любит, только ты один от ненависти готов выблевать плод своего семени, только ты один не перевариваешь собственную дочь! Ох, лучше бы меня матушка в младенчестве удавила, лучше бы колыбель стала мне смертным одром, рожок кормилицы – склянкой яда, пелены повивальные – петлею, свистулька, привешенная на шею, – мельничным жерновом, раз была мне судьба впасть в столь великое несчастье, увидеть тот черный день, когда будут ласкать меня руки гарпии, когда обоймут меня лапы медвежьей, когда коснутся губ моих клыки кабаньи!»

Она хотела говорить еще и еще, но король, нахмурившись, ответил: «Ну-ка поменьше желчи, ибо сахар дорого стоит. Ну-ка заткни сточную трубу, чтобы не текло из тебя дерьмо. Тихо, и не пищать, ибо слишком ты стала кусачая, языкастая и поперечница. То, что делаю я, делается твердо. Не учи отца дочерей делать. Брось эту затею, а язык свой воткни себе в заднее место, чтобы не шел мне в нос дух от твоей горчицы. Потому что если я сейчас этими ногтями вцеплюсь тебе в загривок, ни одного пучка волос не оставлю на твоей башке, и ты мне всю землю зубами засеешь. Пусть услышит, как перднет моя задница, та, что пытается учить мужчину и ставить законы для отца! Да сколько еще она, у которой еще на губах молоко не

обсохло, будет сметь обсуждать мою волю! Подай ему руку и сей же миг отправляйся к себе домой, ибо я и четверти часа не желаю терпеть перед глазами эту наглую образину!»

Несчастливая Порциелла, видя себя в таком крайнем положении, с лицом приговоренного к смерти, с глазами умалишенной, со ртом, как у больного, которому дали выпить микстуру от доктора Агостино, с сердцем того, кто находится между топором и плахой, взялась за руку орка, и он, безо всякого свадебного кортежа, поволок ее в лес, – где деревья строили высокий дворец для лужайки, чтобы ее не могло обнаружить Солнце, где реки жаловались на то, что, проходя в темноте, спотыкаются о камни, зато дикие животные, не платя за наем пастбища, свободно наслаждались свежим воздухом и мирно бродили по этим зарослям – куда сроду не забредал ни один человек, разве что безнадежно сбившись с пути.

В этом темном месте, закопченный, как печная труба, и страшный, как врата ада, стоял дом орка, весь устеленный по полу и утыканный по стенам костями людей, которых он съел.

Представь же, слушатель, коли ты христианин, как затрепетало и ужаснулось, как истончилось в пряжу и скрутилось в нитку сердце Порциеллы, осмысли страх, порождающий червей и вызывающий недержание, который овладел бедной девушкой, и пойми, что в ней не осталось ни кровинки живой!

Но все это еще ничего; это было пустяком, сдачей с карлина⁹⁴, потому что на закуску был еще горох, а на сладкое – нелущенные бобы: ибо орк вернулся домой с охоты, нагруженный частями убитых людей, и сказал: «Ты не можешь меня упрекнуть, жена, что я о тебе не забочусь. Вот тебе хороший запас пищи: бери, наслаждайся и люби меня; пусть лучше небо упадет, но с пустым столом ты у меня никогда не останешься!»

Несчастливая Порциелла, вскричав, как женщина в родах, отвернулась. Орк, увидав это ее движение, сказал огорченно: «Вот как бывает, когда свиньям дают конфеты. Ну что ж, ладно; тогда придется тебе потерпеть до завтра. Ибо меня позвали поохотиться на диких кабанов; принесу тебе парочку, и мы наконец сможем отпраздновать наш брак по-настоящему, вместе с родными, чтобы еще приятнее было нам перейти затем на супружеское ложе».

Сказав это, он двинулся напролом по лесу, а Порциелла осталась плакать у окна. И в это время проходила мимо дома одна заблудившаяся в чаще старушка, вся бледная от голода, и попросила у нее чего-нибудь съестного, чем подкрепить силы. Бедная молодая отвечала ей: «Добрая моя женщина, заверяю тебя Богом, ведающим сердца человеческие, что я здесь нахожусь во власти чудовища, которое не приносит мне в дом ничего другого, как только части людей и куски убитых, и не знаю, откуда у меня еще берутся силы смотреть на эти мерзкие дела. Так что живу я такой горькой жизнью, какой от века не жила ни одна крещеная душа. А ведь я королевская дочь и выросла среди лучших яств, видя себя во всевозможном изобилии!»

И, сказав это, она принялась плакать, словно ребенок, у которого отняли лакомство, и плакала до того, что старушка, весьма разжалобленная, сказала ей: «Живи и цвети на радость, милая моя красавица, и не губи плачем эту красоту, ибо встретила ты свое счастье; и я, верно, оказалась здесь не случайно, а чтобы помочь тебе и в нынешней твоей скорби, и во всем остальном. А теперь послушай: есть у меня семеро сыновей, что семь камней драгоценных, семь дубов крепких, семь великанов – Мазе, Нардо, Кола, Микко, Петрулло, Аскадео и Чекконе, и каждый имеет больше достоинств, чем цветок розмарина⁹⁵. А коль по отдельности взять, то Мазе – только приложит ухо к земле, так слышит все, что на тридцать миль вокруг делается; Нардо – где только плюнет, там море мыльной пены разольется; Кола – где кинет какую железку наземь, там вырастает поле бритв наточенных; Микко – где воткнет деревяшку, там вмиг чаща лесная поднимется; Петрулло – где прольет воды хоть каплю, там бурная река потечет; Аскадео

⁹⁴ См. примеч. 31.

⁹⁵ Цветок розмарина с древности применялся как ароматический компонент для вина, приправа и заменитель соли. Из него выделяли эфирное масло для смягчения кожи, заживления ран. Обладает широким кругом медицинских свойств. Кроме того, считался цветком очищения и волшебства.

– коль подбросит камень вверх, так сразу крепкая башня встанет, а Чекконе только из арбалета прицелится, так за милю курице в глаз попадет. С их помощью – а они все у меня благородны и услужливы, и каждый посочувствует твоему горю – попробую вырвать тебя из когтей орка, ибо ты – кусочек на радость разборчивому человеку, а не для глотки этого чудовища».

«Нет лучше момента для этого, чем теперь, – отвечала Порциелла, – ибо это страшное привидение, которое называется моим мужем, ушло сейчас из дому и до завтра не воротится, так что самое время мне обрезать веревку да удрать от него». «Нет, нынче вечером невозможно все это сделать, – ответила старушка, – потому как живу далековато. Но завтра утром приду вместе с сыновьями, чтобы избавить тебя от беды».

Сказав это, она удалилась, и у Порциеллы чуть-чуть отлегло от сердца, и она уснула на всю ночь. И как только птицы прокричали: «Да здравствует Солнце!» – старушка вернулась с семью сыновьями; взяв с собой Порциеллу, они все вместе направились в сторону города. Однако не успели пройти и полмили, как Мазе, приложив ухо к земле, закричал: «Тревога, беда! Орк вернулся домой, не нашел девушки, схватил шапку в охапку и бежит за нами следом!» Услышав это, Нардо плюнул наземь, и сделалось море пены. Орк увидел, побежал обратно домой, принес мешок опилок и стал сыпать себе под ноги, пока наконец с большим трудом смог преодолеть это препятствие.

Снова прильнул Мазе ухом к земле и говорит: «Ребята, опять бежит – вот-вот догонит». Тут Кола бросил железку на землю – и выросло целое поле бритв. Увидал орк, что нет ему ходу, снова побежал домой, и оделся весь в броню с головы до пят, и так миновал и эту помеху.

Приложил опять Мазе ухо к земле и кричит: «Скорее, ребята, тревога, тревога! Орк по пятам бежит, что на крыльях летит!» А тут уже Микко наготове со своей палкой: воткнул ее – и выросла чаща преужасная, попробуй продерись через нее. Но орк, дойдя до этого нового препятствия, схватился за нож, что носил всегда за поясом, да как пошел махать: туда махнет – тополь трещит, сюда махнет – дуб валится, еще туда – кизилковый куст срежет, еще сюда – дерево земляничное. И в четыре взмаха повалил всю чащу на землю и таким образом одолел и эту преграду.

И Мазе, у которого слух был как у белки, снова кричит: «Не мешкайте, ребята, а то устроит он нам хорошее бритье! По земле летит, как по воздуху, вот-вот нагонит!» Услышав это, Петрулло пригнулся к малому родничку, что по капле сочился из каменной раковины, набрал в рот воды на один глоток, вылил на землю, и потекла многоводная река. Тогда орк, видя, что у них на каждую его дырку есть затычка в запасе, разделся догола и вплавь переплыл реку, а одежду на голове нес.

Мазе, что к каждой ямке ухо прикладывал, услышал топот орковых ног и говорит: «Дела наши плохи: пара шагов орку до нас! Готовьтесь к этой буре как умеете, иначе пропадем». «Не бойся, – говорит Аскадео. – Я этой страхолюдине сейчас умою рожу». Сказав это, он подбросил камень, и выросла башня, где они укрылись, запершись за железными дверями. Орк прибежал и, увидав, как они надежно укрепились, побежал до дому взять стремянку, с какой виноград собирают, и, взвалив на плечо, помчался снова к башне.

Мазе, что всегда ухо держал наготове, слышит, что орк приближается, и говорит: «Вот уж и догорает светильник надежды, остался Чекконе нашей жизни последним прибежищем. Ибо орк бежит в страшной ярости. Ох как бьется мое сердце, чуя недоброе». «Быстро же ты обосрался, братец, – отвечает Чекконе. – А ну-ка дайте место моему дружку. Сейчас увидите, что мы стрел зря не пускаем». Пока говорил он, орк лестницу приставил и вот уж забирается по ней. Чекконе наладил арбалет, прицелился и – раз, орку в самый глаз; и долго-долго он летел, как груша, до земли. Тут Чекконе вышел из башни и тем самым ножом, что орк носил за поясом, срезал ему голову так легко, будто была то головка сливочного сыра.

И с великой радостью они притащили его к королю. И король, счастливый оттого, что вновь обрел свою дочь живой и невредимой, – ведь он уже сотню раз раскаялся, что отдал

ее орку, – через недолгое время нашел ей хорошего мужа. Он богато одарил семерых братьев и их матушку, что вывели дочь его из несчастья, не переставая называть себя тысячекратно виновным перед Порциеллой, ибо ради ничтожного каприза вверг ее в величайшую опасность, забыв, сколь тяжко ошибается тот, кто ищет

*яиц от волка,
пера от ягненка
и пятнадцатый зуб в чесальной гребенке.*

Кошка-Золушка

забава шестая первого дня

Цеццолла, побуждаемая мастерицей убить свою мачеху, думает, что заслужит от мастерицы уважение за то, что помогла ей выйти замуж за ее отца, но вместо этого высылается жить на кухню; однако, по волшебному искусству фей, после разных приключений удостоивается чести стать женой короля

Слушатели казались окаменевшими подобно статуям, слушая рассказ о блохе, а затем подтвердили ослиную глупость короля, который подверг такому риску интересы своего потомства и наследование престола в королевстве ради пустой забавы. Наконец, когда все утихло, Антонелла повела такую речь:

Хоть зависть и способна затеять бездну лукавых дел, но ей удастся приобрести разве что грызку взамен водянки. И только лишь она возомнит, что утопила кого-то в море, как тут же сама оказывается под водой, да еще и разбивается о рифы. Так приключилось с некими завистливыми девицами, о чем пришло мне на мысль вам рассказать.

Да будет вам известно, что жил в прежние времена один вдовый князь, который столь дорожил своей единственной дочерью, будто ничего другого, кроме нее, не видел в целом свете. Для нее он держал искусную мастерицу, которая учила ее вышивать тамбуром, плести кружева, искусно делать бахрому и строчку и при этом выказывала ей такие теплые чувства, что невозможно описать. Но вот отец женился в другой раз. И взял он за себя некую злую и коварную женщину; и, будто подстрекаемая дьяволом, начала эта проклятая женщина питать отвращение к падчерице, постоянно строить ей рожи да гримасы, да страшные глаза, так что бедная малышка все время жаловалась мастерице на мачехины обиды, говоря ей: «Ах ты Боже мой, если бы не она, а ты могла быть мне мамочкой – ты, которая даешь мне столько тепла и ласки!»

И столько тянула она эту песню, что удалось-таки ей запустить мастерице муху в ухо, и та, введенная в искушение бесенком, однажды говорит ей: «Если будет тебе угодно поступить с этой дурной башкой так, как она с тобой, то я стану тебе матерью, а ты станешь мне вместо зрачка в глазу».

Не дав ей договорить, Цеццолла (так звали девушку) отвечала: «Прости меня, что прерываю твою речь. Знаю, как ты меня любишь, и потому молчи, довольного того, что ты сказала. Учи меня мастерству, а остальное сама сделаю. Ты пиши, а я подпишусь». «Так давай же, – подхватила мастерица, – открой уши да хорошенько слушай, и станет твой хлеб белей, чем яблонев цвет. Как только пойдет отец из дому, скажи мачехе, что хочешь себе выбрать одежду из тех ветхих, что лежат в чулане в большом сундуке, чтобы сберечь те, что теперь на себе носишь. А она-то и рада видеть тебя в заплатах да в рванье. Откроет сундук, чтоб выбрать, что поплоче, а тебе скажет: „Придержи крышку“. Пока будет рыться внутри, ты крышку-то и отпусти, чтоб упала со всей силы да шею бы ей и переломила. Когда это сделаешь, – а ты ведь знаешь, что отец твой на все готов, хоть фальшивые деньги бить, лишь бы только ты довольна была, – выпадет случай, когда он тебя приласкает, а ты у него и попроси, чтобы он взял меня в жены. Сделаешь меня счастливой и будешь госпожой всей жизни моей».

Как услышала это Цеццолла, стал ей каждый час длинней тысячи лет. И наконец удалось выполнить ей в точности все, чему научила мастерица. И когда прошел траур по несчастной мачехе, стала Цеццолла жать отцу на все клавиши, чтобы женился на мастерице. Сперва князь почел это за шутку; но дочка, как говорится, столько колотила плашмя, что пробила острием: потому что в конце концов согласился он на ее слова и, взяв в жены Кармозину (как звали мастерицу), устроил великое празднество.

И вот, пока молодые наслаждались любовью, вышла Цеццолла на террасу в своем доме, и тут одна голубка, перелетев через каменную ограду, подлетела к ней и говорит: «Когда будет тебе в чем-то нужда, пошли кого-нибудь попросить об этом у голубки тех фей, что живут на Сардинии; и вскоре это получишь».

Новая мачеха дней пять или шесть окуривала Цеццоллу дымом ласки: и на почетное место ее сажала, и вкусные кусочки ей подкладывала, и наряды лучшие на нее надевала; но, когда прошло немного времени, послала все эти любезности за дальнюю гору и начисто забыла про оказанную ей услугу (о, горе душе, имеющей злую госпожу!). А вместо того стала поднимать повыше своих шесть дочерей, которых до той поры таила, и так закрутила мужем, что он принял к сердцу падчериц и выкинул из сердца собственную дочь. Вплоть до того, что – сегодня сама отдашь, а завтра сыскать негде – перевели ее из покоев на кухню, из-под балдахина – к очагу, от роскошных вещей золотых да шелковых – к тряпью, от скипетров – к вертелам, и не только положение ее переменялось, но даже имя, и вместо девушки Цеццоллы все стали звать ее Кошкой-Золушкой.

Вышло так, что князю понадобилось отбыть на Сардинию по делам своего княжества. И стал он спрашивать, с первой до последней, у Империи, Каламиты, Фьореллы, Диаманты, Коломбины и Паскуареллы, то есть у всех шести своих падчериц, чего им хотелось, чтобы он привез им оттуда в подарок. И одна попросила наряд, в чем в люди выходить, другая – убор для волос, третья – румян для лица, четвертая – безделушек всяких, чтоб время проводить: одна одно, другая другое. Наконец после всех, будто в насмешку, сказал и дочери: «Ну а ты чего бы хотела?» А та отвечала: «Ничего, только скажи обо мне голубке тамошних фей, чтобы прислала мне чего-нибудь. Только если забудешь, то не сойти тебе с места ни вперед, ни назад. Да держи крепко в голове, что я тебе сказала; ибо что у кого на уме, тот то и делает».

Отправился князь в путь, уладил свои дела на Сардинии, купил все, что просили у него падчерицы, а про Цеццоллу из головы и выпустил. Но когда сел на корабль и подняли парус, то не смог корабль выйти из порта. И думали, что сопротивные течения не дают ему выйти. Корабелы, уже почти отчаявшись, в изнеможении лег уснуть: и увидел во сне фею, которая

сказала ему: «Знаешь, почему не можете вы из порта выйти? Потому, что князь на корабле у тебя не исполнил слова, данного дочери: ни о ком не забыл, кроме той, что от плоти и крови его рождена».

Проснулся корабельщик, рассказал сон князю, и он, смущенный своей необязательностью, пошел в пещеру к феям и, рассказав им о дочери, попросил, чтобы они передали ей какой-нибудь гостинец.

И тут выходит из пещеры девушка, прекрасная, будто знамя вознесенное, и говорит князю, что благодарна его дочке за добрую память и что ей дорога ее признательность. И с этими словами дает ему побег финиковой пальмы, золотую мотыжку, золотое ведро и шелковую салфетку – все для того, чтобы посадить и возделывать пальму. Удивленный такими дарами, князь распрощался с феей и отправился в свою страну. Здесь он одарил падчериц всем, что каждая из них просила, а после всех и дочери передал гостинцы, что послала фея.

И Цецолла с такой радостью, что разве из кожи вон не выпрыгивая, посадила пальму в красивый горшок и стала рыхлить землю и окапывать, утром и вечером поливать, салфеткой шелковой утирать – столь прилежно, что в четыре дня выросла пальма в рост женщины. И вышла из нее фея и говорит: «Скажи, чего тебе надобно?» И Цецолла сказала, что хотела бы иногда выходить из дому, только лишь бы сестры о том не проведали. И фея ей в ответ: «Как захочется тебе из дому выйти, подойди к моему горшку и скажи:

*Пальмочка моя золотая,
мотыжкой золотой я тебя окопала,
из ведерка золотого тебя поливала,
платочком шелковым утирала;
сними с себя, надень на меня!*

А когда вернешься и захочешь раздеться, тот же стих повтори, только конец перемени: „Сними с меня, надень на себя!“».

И вот настал день праздника. Вышли в свет мачехины дочери, все расфуфырены, наряжены, накрашены, все в завитушках, в побрякушках, в безделушках, надушены всеми цветками, лепестками, мимозами и розами. Тогда и Цецолла подбежала скоренько к горшку, проговорила слова, что научила фея, – и вышла вся разукрашенная точно королева. И севши на коня – а следом двенадцать пажей, такие все опрятные да нарядные, – поехала, куда поехали сестрицы. Ну и слюнки же у них потекли, как увидели они эту голубку ясную!

Но угодно было Случаю, что довелось быть в том месте и королю. И он, увидев невероятную красоту Цецоллы и весьма очарованный ею, приказал самому верному слуге вызнать все, что возможно, об этой красоте из красот: кто она такова и где обитает.

И слуга не мешкая поехал за нею следом; но она, остерегаясь слежки, рассыпала за собой по дороге горсть золотых монет, которыми снабдила ее пальма на этот случай. Слуга, увидав золотые, выронил узду и стал наполнять руки да карманы монетами, а она мгновенно проскользнула в дом, где разделась так, как научила ее фея. А тут и эти чучела-сестрицы приехали и, чтобы ее поддеть, принялись ей рассказывать, где были и что видели.

Тем временем и слуга вернулся к королю и тоже рассказал, как было дело с монетами. Разгорелся король великим гневом и говорит ему: «За пару грошей говенных ты своего господина желание продал! Но теперь любой ценой обязан ты разведать, кто есть сия прекрасная девица и в коем гнездышке сей сладкий птенчик тaitся».

Настал другой праздник. И поехали сестрицы, все разнаряжены да напoмажены, оставив бедную Золушку у очага. И побежала она бегом к пальме и проговорила те слова, что и в первый раз. И вышла из пальмы целая куча придворных девушек: одна зеркало держит, другая воду подносит, третья – для кудрей завивку, четвертая – притирания с румянами, пятая

– шпильку для прически, шестая – с платьем спешит, седьмая с венцом алмазным да с ожерельями. И, украсив ее, словно солнце, посадили в карету, запряженную шестеркой лошадей, а на запятках стоят стремянные да пажи в ливреях. И, прибыв в то место, где был праздник, повергла она в великое изумление сердца сестриц, а в груди у короля разожгла сильнейшее пламя.

А когда поехала к себе и принялся слуга ее выслеживать, она, чтобы не дать себя догнать, разбросала по дороге пригоршнями жемчужины и камни драгоценные; и, пока слуга остановился собрать их (ибо не таковы были те вещи, чтобы мимо пройти), она выручила время добраться до дому и переодеться, как и в прошлый раз.

Припелся слуга к королю, весь дрожа от страха, а тот говорит ему: «Клянусь душой всех умерших моих сродников, если ты мне ее не разыщешь, таких тебе колотушек задам и столько пинков в задницу получишь, сколько волос у тебя в бороде».

Настал, однако, и еще праздник. И выехали сестрицы, а она снова к пальме, твердя тот же волшебный стих. И разоделась в великолепие безмерное, и села в карету золотую со столькими слугами спереди и сзади, будто бы куртизанку именитую застали на прогулке и окружили стражи и сыщики. И когда распалила ревность сестриц, уехала, а слуга понесся следом за ее каретой, точно нитка за иголкой. Она, видя, что он ни на шаг не отстает, кричит: «Ну-ка добавь жару, кучер!» – и помчалась карета во всю прыть, и так скоро неслась, что с ножки ее слетела туфелька – такая, что свет не видывал штучки изящнее. Слуга, не сумевши догнать карету, что летела птицей, подобрал туфельку с земли и принес королю, рассказав все, как было.

Король взял в руки туфельку и говорит: «Если фундамент столь прекрасен, то каков же сам дворец! О дивный канделябр, на котором стояла свеча, воспламенившая меня! О треножник прекрасного сосуда, в котором кипит моя жизнь! О чудный поплавок, держащий леску Амура, которой уловлена моя душа! Вот я сжимаю, я лелею тебя в руках моих и, коль не могу достать до вершины сего древа, буду хотя бы обожать его корни! И если не дотягиваюсь до капители сей возвышенной колонны, буду лобызать основание! Ты была стелой белейшей на свете ножки, но теперь стала силком, где уловлено мое почерневшее от нетерпения сердце! На тебе высится эта пальма, что тиранствует над моей душой; но из тебя же растет и мое наслаждение жизнью, от одного того, что смотрю на тебя, от того, что обладаю тобою!»

И, сказав так, зовет он писаря, командует трубачу – и при громких звуках «ту-ту-ту!» провозглашает указ, чтобы все женщины той страны сошлись на всеобщий праздник и на пир, который он затеял сотворить. И когда настал назначенный день, о милые мои, – какое объедение, какое выдалось раздолье! Откуда понанесли столько творожных пирогов с цукатами апельсиновыми, пирогов с сырами благоуханными, откуда явились такие мяса тушеные, такие биточки зажаренные, откуда макарончики и пельмешечки! Да столько всего, что впору целое войско накормить!

Сошлись тут все женщины: благородные и худородные, богатые и убогие, старые и малые, пригожие и безобразные, – и, когда прихорошились сколь могли, король, как возгласили ему здравицу, стал примерять туфельку то к одной, то к другой, и так по порядку ко всем приглашенным, глядя, кому она придется ровнехонько впору, чтобы по форме и размеру туфельки узнать ту, которую он разыскивал. Но, не найдя ноги, к которой она хорошенько подошла бы, остался в огорчении.

Однако, приказав всем молчать, он объявил: «Завтра все возвращайтесь опять на мое мученье; но если любите меня, смотрите в оба, чтобы ни одна в дому не осталась, какая ни есть».

Тогда князь вспомнил и говорит: «Есть у меня дочка, да всегда сидит дома, следит за очагом, ибо слишком дурна собой и недостойна сидеть за столом вашего величества». Король на это говорит: «Вот она-то и будет первой в списке, ибо такова моя королевская воля».

На том разошлись, а на следующий день опять воротились. И теперь вместе с дочками Кармозины пришла и Цецолла. И король, только лишь увидав ее, сразу сообразил, что она и есть; но сделал покуда вид, будто ни о чем не догадался.

Вот закончилась за столом молотьба яств, и настало время пробовать туфельку. И не успели ее поднести к ножке Цецоллы, как она сама выскочила из рук и, словно живая, села на ножку этому расписному яичку Амура, как магнит притягивает железо. И король, лишь только увидев, подбежал, стиснул ее в объятиях, посадил с собою под балдахин, увенчал короной и повелел, чтобы все воздали ей честь и поклонение как своей королеве. А сестрицы, глядя на такое дело и лопааясь от зависти – ибо поистине утроба их не могла стерпеть такого сердечного надрыва, – убрались подобру-поздорову домой к матушке, признав, хоть и против воли, что

глуп, кто со звездами спорит.

Купец и его сыновья *забава седьмая первого дня*

Чьенцо, случайно ранив в голову сына короля, бежит из родной страны, освобождает от дракона дочь короля Пьерде Синно⁹⁶ и после многих приключений на ней женится. Его, заколдованного некой женщиной, освобождает брат, которого он потом убивает из-за ревности. Наконец он убеждается в невинности брата и с помощью волшебной травы возвращает его к жизни

Невозможно передать, как до самых костей растрогала всех счастливая доля Цеццоллы; насколько они прославляли милость Неба к этой девушке, настолько же считали легким наказание дочерей мачехи; ибо нет удовлетворительного наказания для гордыни, ни достаточного обуздания для зависти. Но вот посреди оживленного говора, что поднялся после рассказа, Тадео, приложив палец к губам, дал знак соблюдать тишину, и все сразу притихли, как если бы встретили волка, или как школьники, которые, увлеченно перешептываясь между собой, вдруг увидели неожиданно вошедшего в класс учителя. Итак, князь обратился к Чулле, чтобы она начинала свою сказку. И она сказала:

Большая часть превратностей в жизни человека служит для него чем-то вроде кирки и трамбовки: с их помощью выравнивается его путь к доброму пристанищу, о котором он не мог и догадываться. Так, бывает, человек клянет дождь за то, что он мочит макушку, не думая, что тот же дождь принесет урожай и избавит от угрозы голода. Так вышло и с одним юношей, о котором я сейчас расскажу.

Жил в старые времена богатый-пребогатый купец по имени Антоньелло, и у него были два сына-близнеца – Чьенцо и Мео, до того похожие, что не отличишь одного от другого. И

⁹⁶ Потеряй-голову.

вышло однажды, что Чьенцо – тот, который из них родился первым, – во время потасовки между парнями в Ареначче⁹⁷ разбил камнем башку сыну короля Неаполя. Узнав об этом, Антоньелло в сильном гневе сказал:

– Молодец, парень! Вон как отличился! Давай теперь всему свету Расскажи! Хвались, мешок, покуда не вспороли! Кол подлинней воткни да дело свое сверху насади, чтоб весь народ видел! Добро бы ты разбил посудину, что шесть лягушек⁹⁸ стоит, а ты сыну короля котелок прошиб. Ты что, сын козла, своей меры не знаешь? И каково теперь пойдут твои делишки? А я за тебя не дам и трех кавалло, потому что настряпал ты скверно; и если даже обратно туда залезешь, откуда вылез⁹⁹, и там не уберегу я тебя от королевских рученок. Они ведь, короли, руки длинные имеют и достанут где хочешь; так что дело твое, парень, гнилое.

Чьенцо, когда отец ему это сказал и пересказал, на все ему так отвечал:

– Государь мой батюшка, а я вот слышу, как в народе говорят: «Не бойся на суде палача, бойся в доме врача». Или лучше, чтобы он мне голову разбил? Меня драться позвали, я и пошел: мы еще мальчишки, дело было в общей драке, за первый случай должны простить. Король человек разумный; да в конце-то концов, что он мне сделает? Не век же ему на меня гневаться! Ничего: кто не даст мне маму, тот отдаст дочку; кто не подаст мне жареного, тот подаст сырого. Мир большой, найдется и мне под солнышком место. А кто трус, тот пускай в сыщики идет!¹⁰⁰

– Ах, что он тебе сделает? – отозвался Антоньелло. – Вот он возьмет тебя за шиворот да из этого мира и выкинет. Хочешь, пошлет тебя для здоровья водорослями подышать; назначит учителем в морской школе, даст тебе палку длиной в двадцать четыре пяди, чтобы ты ею учил рыб, покуда разговаривать не начнут. А хочешь, наденет тебе намыленный воротник да пошлет на три бревнышка, погулять с деревянной вдовушкой¹⁰¹: и не ты будешь рукою сиськи мять, а палач ногами твои плечи пинать¹⁰². Словом, не оставляй, сынок, свои волосы в расчет между сукном и ножницами¹⁰³. Марш отсюда сей же миг, чтобы никто ничего о тебе не знал – ни нового, ни старого, чтобы и след твой простыл. Лучше в поле воробьем, чем в клетке соловьем. Вот тебе деньги на дорогу; а в конюшне у меня два волшебных коня; одного бери, да береги смотри. Еще даю тебе собачку: и та не простая, а такая, что и королю сыскать ей цены – не достанет казны. Забирай да улепетывай не мешкая. Лучше пятки о камни сбить, чем под пятками у палача болтаться; лучше тысячу миль по земле отмерить, чем от земли в трех шагах ногами дрыгать. Коль не возьмешь ты ныне переметной суммы, не помогут тебе ни отец, ни брат, ни Бальдо, ни Бартоло¹⁰⁴.

И тогда, испросив родительского благословения, сел Чьенцо на коня, одной рукой прижал к себе собачку, другой схватился за поводья, вдарил шпорами коню под бока и погнал вскачь из родного города. А как выехал за Капуанские ворота, обернулся назад и стал приговаривать:

– Держи крепко, что тебе оставляю, прекрасный мой Неаполь! Кто знает, увидимся ли снова? Увижу ли кирпичи твои – пирожки обсыпные, стены твои – печенья миндальные, мостовые твои – леденцы сладкие, стропила твои – тростинки сахарные, двери и окна твои – торты

⁹⁷ Побойща молодежи, с использованием камней и палок, нередко приводившие к увечьям и смертям, в Ареначче (окраина Неаполя, где добывали песок) продолжались до конца XIX в., когда были прекращены энергичными полицейскими мерами.

⁹⁸ *Hean. gano* – шуточное название монеты (грано), равной двум торнезе или двенадцати кавалло; шесть грано стоила на рынке ночная ваза.

⁹⁹ В утробу матери.

¹⁰⁰ Неаполитанская поговорка, неоднократно приводимая Базиле, смысл которой: «Смелый не побоится и украсть, а служить в полицию идут трусы».

¹⁰¹ Шуточное прозвище виселицы.

¹⁰² Палач, сидя верхом на виселице, нажимал ногами на плечи казненного, чтобы сократить его муки.

¹⁰³ Новое сукно очищали от ворса при помощи специальных ножниц.

¹⁰⁴ В подлиннике игра созвучий: *bertola* (переметная сума) – *Bartolo*; Бальдо ди Убальдо, Бартоло да Сассоферрато – два знаменитых юриста XIV в., чьи трактаты переиздавались и во времена Базиле.

сливочные? Горе мне: уйду от тебя, Пеннино прекрасный, – иду как вслед гроба ужасного; оставляю тебя, площадь Широкая, – и духу тесно в груди моей; разлучаюсь с вами, Роши Вязовые, – и вся жизнь моя в куски разбивается; ты прощай, улица Копейщиков, – душу мне пронзило копье каталонское; прости меня, Форчелла милая, – сердце мое, будто из клетки, наружу просится. Где найти мне другое Пуорто – пристань родную, что всего света милее? Где найду те сады Шелковичные, где Любовь мне пряла нити свои шелковые? Где еще найду Пертусо, прибежище всякого люда мастеровитого? Разве найдется другая Лоджа, где живет изобилие безмерное, где живут вкусы утонченные? Ох, коль покину я тебя, мой Лавинаро, потечет из глаз моих река многослезная! Если оставляю тебя, мой Меркато, в душе печаль клеймом останется! Если уйду от тебя, Кьяйя моя дивная, словно гору потащу каменную!¹⁰⁵ Прощайте, морковь со свеклою, прощайте, капуста с тунцом жареным, прощайте, икра и молоки, прощайте, рагу и паштеты; прощай, цвет городов, прощай, краса Италии, прощай, Европы яичко расписное, прощай, всего мира зеркальце ясное, прощай, Неаполь прекрасный, лучше, чем ты, во вселенной нет и не будет; прощай навеки, город милый, где доблесть границы утвердила и красота пределы поставила! Уйду и навсегда теперь останусь вдовцом без твоей пиньята маритата!¹⁰⁶ Уйду из дома родного, любимого, и вас, забавы мои юные, позади оставляю!

Причитая такими словами, проливая дождь плача посреди зноя вздохов, Чьенцо много проехал в первый вечер; и вот где-то вблизи Каскано¹⁰⁷ въехал в лес, – который обычно приглядывал за ослом Солнца, пуская его пощипать травку на поляне, пока хозяин вволю отдохнет, наслаждаясь лесной тишиной и тенью, – и здесь стояла башня, а у ее подножия – ветхий заброшенный дом. Чьенцо стал стучать, но хозяин, боясь разбойников (поскольку было уже темно), не захотел открыть; так что бедному путнику пришлось заночевать в этой развалюхе, привязав коня на поляне. Он завалился на охапку соломы, которую нашел внутри дома, а собачка легла рядом. Но не успел он еще и глаза закрыть, как разбудил его лай собачки, и он услышал, как кто-то шаркает туфлями по полу. Чьенцо, который был парнем не робкого десятка, схватился за нож и стал размахивать им в темноте, но, видя, что никого не задевает, а лишь рубит воздух, улегся снова. Через какое-то время он опять почувствовал, что его слегка касаются ногой, и сразу вскочил, держа перед собой тесак и говоря:

– Эй, ты меня уже до печенок достал! Не надоели еще тебе эти игрушки в темноте? А ну-ка покажись, и коль доброе у тебя брюхо, давай выпустим из него сало! Нашел ты того, кто тебе сейчас шкуру по мерке раскроит да на солнышко вывесит!

В ответ на эти слова Чьенцо услышал истошный хохот, а потом из темноты раздался голос:

– Спускайся вниз, и скажу тебе, кто я такой.

Чьенцо, ничуть не испугавшись, отвечал:

– Погоди, сейчас иду.

Он пошел в темноте на ощупь, пока не обнаружил лестницу, ведущую в погреб; и, спустившись по ней, увидел зажженный светильник и вокруг него – трех страшилищ, которые горестно ревели:

– Сокровище наше прекрасное, вот мы тебя и теряем!

Видя такое дело, Чьенцо тоже принялся охать и ахать с ними заодно, чтобы его приняли за своего, и когда уже достаточно наревелся – а в это время Луна топориком лучей расчистила на небе хорошую деланку, – те трое сказали ему:

¹⁰⁵ Весь этот плач представляет собой стихотворение в прозе, где каждое из городских названий, стоящее в первой части строки, во второй находит себе соответствие или по смыслу, или по звучанию.

¹⁰⁶ См. примеч. на с. 15 наст. изд.

¹⁰⁷ Селение примерно в пятидесяти километрах от Неаполя.

– Теперь бери это сокровище, которое предназначено именно тебе; да смотри храни как подобает.

Сказав это, они исчезли, словно тот, кто никогда не показывает своего истинного лица¹⁰⁸.

Когда Чьенцо сквозь просвет наверху увидел лучи Солнца и захотел выбраться наружу, то не смог найти лестницы. И принялся кричать, и кричал, пока хозяин башни, зашедший в эту развалину справить малую нужду, не услышал его и не спросил, что случилось. Узнав от Чьенцо, как было дело, он сходил за лестницей и, спустившись в погреб, обнаружил там богатый клад, из которого часть хотел отделить Чьенцо; но тот от всего отказался, забрал собачку, сел на коня и пустился в дальнейший путь.

И приехал он в другой пустынный лес, где хоть паклю смоли да запаливай – так было темно; и здесь, на берегу потока – который, чтобы доставить удовольствие своей возлюбленной Тени, будто на коне, гарцевал по лугам и скакал по камням, – увидел фею; целая шайка злодеев окружила ее, намереваясь обесчестить.

Видя, что затевают эти мерзавцы, Чьенцо выхватил из ножен тесак и устроил хорошую рубку. После чего фея, восхищаясь подвигом, совершенным ради нее, высказала ему гору благодарностей и пригласила к себе во дворец, расположенный неподалеку, чтобы подарить ему нечто в награду за столь великую услугу. Но Чьенцо ответил:

– Премного благодарен за приглашение, а меня благодарить не за что. В другой раз сочту за честь, а нынче спешу по важному делу.

Распрощался он с нею, а затем, проехав еще немного, увидел дворец некоего короля, где все было облачено в такой глубокий траур, что и сердце почернело бы от его вида. И когда Чьенцо спросил о причине траура, ему ответили, что в той стране объявился дракон о семи головах, такой ужасный, какого свет не видал: головы кошачьи, на них гребни петушиные, глаза огненные, пасть словно у корсиканской собаки, крылья от летучей мыши, клыки медвежьи, а хвост как у змеи.

– И вот, проглатывает он ежедневно по христианину. И поскольку вся эта история продолжается до сего дня, теперь дошел черед и до Менекеллы, королевской дочери. И во дворце все рвут на себе волосы и бьются оземь от горя, ибо самую прекрасную девушку нашего королевства вот-вот растерзает и проглотит эта гадкая нечисть.

Услышав это, Чьенцо укрылся в сторонке, чтобы посмотреть, как пойдет дело. И вот увидел, как прибыла Менекелла, провожаемая безмерным рыданием всех придворных дам и всех женщин той страны, что били себя кулаками в грудь и по клочку выдирали на себе волосы, оплакивая злую участь бедной девушки и причитая:

– Ох, и кто бы осмелился сказать нашей бедняжке, что она расстанется с жизнью в утробе злобного чудовища! И чей язык мог бы произнести, что милому щегленку станет вечной клеткой брюхо дракона! И чьи уста решились бы вымолвить нашей целомудренной овечке, что она должна будет оставить семя жизни в этой мрачной дыре!

Пока они так рыдали, из норы вылез дракон, и – о матушка моя! – какое же это было страшное зрелище! Представьте себе, что и Солнце в испуге спряталось за тучи, и небо потемнело, и сердце у всего народа обмерло, как мумия, и так оцепенело от ужаса, что тут в качестве клистира не помогла бы и свиная щетина.

Чьенцо, как это увидал, недолго думая, взялся за оружие – раз! – и одна голова полетела на землю. Но дракон потерял шеей о некую траву, что росла неподалеку, и голова опять пристала к телу, как у ящерицы заново вырастает хвост. Тогда Чьенцо говорит сам себе: «Ну-ка сильнее! Шишкой не нажмешь – детей не наживешь». И, стиснув зубы, нанес удар столь сокрушительный, что снес подчистую все семь голов, которые посыпались наземь как вылущенный горох. Он вырвал из пастей языки и забросил их далеко-далеко от тела, чтобы не смогли они

¹⁰⁸ То есть лукавый дух.

снова пристать к головам, а потом, взяв себе немного той целительной травы, отослал Менекееллу во дворец к родителю, а сам устроился на отдых в придорожной таверне.

Невозможно передать, как обрадовался король, увидев дочь живой и невредимой. Узнав, как именно она была освобождена, он повелел скорее обнародовать указ, что тот, кто убил дракона, может прийти и взять Менекееллу себе в жены. Услыхал про это один плут-поселянин, собрал головы дракона, пришел к королю и говорит ему:

– Что Менекеелла спасена – моя заслуга. Вот руки, что избавили страну от лютой беды. Вот головы дракона, в знак того, что я вам правду говорю. Коль обещали – равно что в долг взяли. Извольте; долг платежом красен.

Услыхав это, король снял с себя корону и надел ее на голову мужика, и стала она похожа на голову разбойника, что выставили наверху колонны в базарный день¹⁰⁹.

Весть об этом облетела всю страну; дошла наконец и до ушей Чьенцо, и говорит он сам себе:

– Ну и хороший же я балда: Фортуна за волосы схватил, да сам из рук упустил. Захотели мне сокровище отдать – а мне оно, что немцу снег зимой. Позвала фея во дворец за наградой – а мне та награда, что ослу музыка. А теперь мне корона полагается – а я стою, уставился как шут на веретено. И терплю, что мне кабан грязным копытом на ногу наступает, что бесстыжий пройдоха у меня счастливые тридцать девять¹¹⁰ прямо из руки рвет!

С этими словами взял он перо и чернильницу, положил бумагу на стол и начал писать:

«Драгоценнейшему золотцу среди женщин, Менекеелле, дочери короля Пьерде Синно. По счастливому стечению звезд, мне довелось жизнь твою спасти, а теперь слышно, что от моего труда другой разжиться хочет и ту службу, что я тебе сослужил, себе приписать. И только ты, зная, как все было, можешь королю истину открыть и не позволить, чтобы за то, что я тесаком махал, другому кружку да подушку дали¹¹¹. Это и будет должная признательность от твоей прекрасной королевской милости, заслуженный дар для той мужественной – наподобие Скандербеговой¹¹² – руки, что пишет тебе это послание. Засим остаюсь, целуя твои нежные королевские ручки.

Писано в харчевне „У ночного горшка“, такого-то числа, сегодня, в день воскресный».

Дописав письмо и запечатав его хлебным мякишем, дал его Чьенцо собачке в зубы и говорит:

– Одна нога здесь, другая там, беги живей, неси письмо королевне, да гляди не давай в руки никому, только золотку моему.

Собачка будто на крыльях полетела к королевскому дворцу, взбежала по ступенькам, а король в то время жениху почести оказывал. И, увидев письмо у собачки в зубах, велел слугам его выхватить, но собачка никому не далась, а прыгнула к Менекеелле на колени и положила ей послание прямо в руки.

Менекеелла, поднявшись с места, поклонилась королю и подала ему прочесть. И он, прочитавши, велел придворным за собачкой проследить, куда она побежит, и хозяина ее пред свои очи представить. Тогда пошли за нею следом двое придворных и, придя в харчевню, увидели там Чьенцо, возвестили ему королевскую волю и немедленно привели во дворец. Предстал он королевскому величеству, и тот начал его расспрашивать, как это он мог убить дракона, если головы принес вон тот человек, что сидит рядом в короне.

На что Чьенцо ему отвечает:

¹⁰⁹ Отрубленную голову казненного разбойника выставляли наверху колонны посреди рынка, надев на нее бумажную корону с надписями.

¹¹⁰ Выигрышная комбинация в карточной игре.

¹¹¹ В оригинале стоит выражение из военного жаргона, означающее пожизненное обеспечение солдата-инвалида.

¹¹² См. примеч. 40.

– Этому мужику надо б не корону на башку, а бумажный колпак с твоим королевским приговором – за то, что не устыдился тебе вместо фонаря ночного светлячка принести. А чтобы доказать, что подлинно я то дело сотворил и не про коровью бороду тут тебе сказки рассказываю, пусть принесут сюда головы дракона; только без меня ни одна свидетельства не даст, ибо все они без языков. А чтобы вы убедились, пусть положат их сейчас перед этим тронем.

Закончив эту речь, он вынул и показал всем драконовы языки. И мужик будто окаменел, не зная, куда деваться, ибо Менекелла тут же прибавила:

– Да, так оно и было! Ах, псина дворовая, задешево же ты получить меня хотел!

Король, услышав, снял корону с макушки этого борова и возложил ее на Чьенцо; а того велел послать на галеры, но Чьенцо испросил ему помилование, платя своим благородством за его наглость. Немедленно накрыли столы и устроили роскошный обед, а когда закончили, молодые направились в опочивальню, где было приготовлено позолоченное ложе. И Чьенцо, нося трофеи победы над драконом, взошел как триумфатор на Капитолий Любви.

И вот настало утро, когда Солнце, вращая обеими руками сияющий меч¹¹³, бросается на толпу звезд с криком: «Назад, каналы!» – и Чьенцо, одеваясь у окна, увидел в окошке напротив красивую девицу. Обернувшись к Менекелле, он сказал:

– Экая она хорошенькая – вон та, что живет напротив нас.

– А тебе-то что с того? – отвечала ему жена. – Ты уже глаз на нее положил? Или ты мною недоволен? Или тебе за своим столом пища наскучила? Или мало тебе куска, что у себя в дому имеешь?

Чьенцо опустил глаза, как нашкодивший кот, не отвечая на это ни слова, а затем соврал жене, что уезжает по делам, вышел из дворца и проник в дом девицы. А та и вправду была лакомый кусочек, нежный творожочек, сахарная пышечка; а глазки, словно пуговицы блестящие – как глянут, так и поймают любое сердце в любовные петельки; и лишь зазвенит она в серебряное ведерко своего ротика, так любой душе устроит добрую стирку; и башмачок ее весело попирает плечи тех, что болтались, придушенные петлею надежд. Но среди многих прелестей, которые делали ту девицу неотразимой, была еще и вот такая: она околдовывала, опутывала, привязывала, сковывала, оплетала мужчин своими волосами, что случилось и с Чьенцо: лишь только он коснулся ногой ее порога, в тот же миг оказался стреножен как жеребенок.

Тем временем Мео, меньший брат, долго не имея известий от старшего, загорелся желанием его найти. И, испросив на это разрешение у отца, получил от него другого волшебного коня и другую такую же собачку. Отправившись утром в путешествие, вечером он подъехал к той башне, где был прежде него Чьенцо. И хозяин, приняв его за брата, оказал ему гору почестей и даже хотел дать денег, но тот не захотел взять. Видя такой почет, Мео понял, что брат его проходил здесь, и исполнился надежды.

Как только Луна, врагиня поэтов, повернулась спиной к Солнцу, он снова пустился в путь и вскоре прибыл на место, где жила фея. Она, подумав, что это Чьенцо, высказала ему море любезностей, не уставая повторять: «Всегда ты здесь будешь гостем желанным, милый мой мальчик, ведь ты жизнь мою спас». Мео, поблагодарив за столь ласковый прием, отвечал ей: «Прости, не могу я сейчас задерживаться, спешу. Увидимся, как обратно поеду».

Радуюсь, что находит все новые следы брата, Мео продолжал двигаться той же дорогой. И вот вечером того дня, когда волшебница связала Чьенцо своими волосами, он добрался до королевского дворца. Когда он вошел во дворец, слуги встретили его с величайшей честью, а супруга, горячо обнимая, прижала его к груди:

– Наконец ты вернулся, супруг мой ненаглядный! Утро миновало, вечер наступил! Всем птичкам время клевать, а чижику спать!¹¹⁴ И где же ты так долго был, мой Чьенцо? Как мог ты

¹¹³ Имеется в виду большой двуручный меч, который в начале XVII в. еще использовали на войне.

¹¹⁴ Смысл пословицы: когда мужчина голоден, секс его не интересует. Менекелла намекает на то, что догадывается об

оставаться вдали от твоей Менекеллы? Ты вырвал меня из пасти дракона, а теперь бросаешь в жерло подозрений! Потому что не всегда я вижу себя в зеркале твоих глаз!

Мео был парень догадливый и сообразил, что перед ним жена его брата. Ласково ее обняв, он попросил прощения за задержку, и они вместе стали ужинать. А потом – когда Луна, словно квочка, созвала звезды поклевать рассыпанные на траве зернышки росы – пошли в опочивальню. И здесь Мео, почитая брата, лег в сторонке, укрывшись отдельным одеялом, чтобы не коснуться случайно тела снохи.

Видя такую новость, Менекелла помрачнела лицом, будто мачеха, и сказала ему:

– Дорогой, с каких пор это между нами? Что за шутки ты со мной шутишь? В какие мы с тобой игры играем? Или мы – поля поссорившихся соседей, что камнями границу проводим? Или мы – два враждебных полка, что между собой начинаем траншеи рыть? Или мы – необъезженные кони, что надо нас по разным стойлам ставить?

Тогда Мео – который знал, как семь писать, да два в уме держать, – отвечал ей:

– Ты, дорогая, не на меня сердись, а на врача, что он решил почистить мне кровь и прописал вот такую диету; да к тому же устал я нынче на охоте, еле ноги до дому доволок.

И Менекелла, что была еще юна и не знала, как воду мутят, проглотив эту небылицу, тут же успокоилась и заснула.

И вот – когда Солнце, пристально следя за Ночью, оставляет ей последние крупички времени *ad colligendum sarcinulas*¹¹⁵ – Мео, одеваясь у того же окна, где накануне одевался его брат, увидел ту самую девицу, которая пленила Чьенцо, и она так ему понравилась, что он спросил Менекеллу:

– А что это за цыпочка появилась в окошке напротив?

Менекелла, в страшном гневе, отвечала ему:

– Значит, ты опять за старое? Если так, мне все ясно! Ты еще вчера проел мне плешь с этой уродиной, и боюсь, язычок-то льнет туда, где зубик болит. Да ты хотя бы просто уважал меня, ведь я как-никак дочь короля; это для вас все мы, женщины, на одно лицо, но уж нет, всякое говнецо по-своему пахнет! Нет, не просто так ты разыграл со мной в постели имперского орла, у которого головы в разные стороны глядят¹¹⁶. И не просто так вернулся ты вечером к своему столу, будто на стороне закормленный. Всего я тебя уже вызнала. Диета со мной в постели тебе нужна, чтобы с другой пировать вволю! Но если я что замечу, то наделаю безумных вещей, и смотри, сейчас эти поленья полетят не в печку, а тебе в башку!

Но Мео – он ведь был хоть и молод, да уже со многих печей хлеб едал – сумел-таки успокоить ее нежными словами и поклялся, что и на самую смазливую прелестницу на свете не променяет свой дом и ее – спелую вишенку своего сердца. И Менекелла, полностью утешенная, пошла на свою половину вместе с придворными дамами, чтобы они поводили ей по лицу стеклянным шаром¹¹⁷, чтобы стать еще красивее, чем, как ей казалось, она выглядела в глазах мужа.

Тем временем Мео, со слов Менекеллы заподозрив, что Чьенцо ушел в дом именно той девицы, взял с собой собачку, потихоньку покинул дворец и направился в ее дом. И как только он ступил на порог, девица сказала: «Волосы мои, свяжите его!» А Мео тут же, сразу, в ответ: «Собачка моя, хватай ее!» И собачка бросилась на девицу и в один присест проглотила ее, словно яичный желток. Войдя внутрь, Мео нашел своего брата заколдованным; и когда две шерстинки от волшебной собачки попали на одежду Чьенцо, тот очнулся словно после долгого

измене мужа.

¹¹⁵ *Ad colligendum sarcinulas* – чтобы собрать пожитки (лат.). Выражение заимствовано из древнеримской сатиры (Петроний, Ювенал).

¹¹⁶ Двуглавый орел был династическим гербом Габсбургов, правивших в Австрии и Испании. В XVI–XVIII вв. под властью этой императорской династии находился и Неаполь.

¹¹⁷ Считалось, что эта процедура делает кожу более гладкой.

сна. Тут Мео рассказал ему все, что было с ним по пути и потом во дворце, и как Менекелла приняла его за мужа, и как ему пришлось спать с нею рядом. И не успел еще сказать, что не притронулся к ней, а спал, укрывшись отдельно, как Чьенцо, по демонскому наваждению, схватился за свою «старую волчицу»¹¹⁸ и, взревев от ярости, перерубил брату шею, словно огурец.

На шум прибежали король с Менекеллой и, видя, что Чьенцо убил того, кто на него точь-в-точь похож, спросили, как он мог это сделать. И Чьенцо сказал:

– Спроси у себя самой, ты, которая переспала с моим братом, не отличив его от меня. Вот за что я его прикончил.

– Ах, сколько же вас таких, что убивают почем зря! – сказала Менекелла. – Ну и доблестный подвиг ты сотворил! Поистине, ты недостойн такого брата! Ибо он – на одном ложе со мною – всю ночь спал, отвернувшись к стенке и под другим покрывалом, так что каждый был сам по себе.

Услышав это, Чьенцо стал горько раскаиваться в столь тяжелой ошибке – которую впору было бы назвать дочерью напрасного гнева и матерью убийства – и разодрал себе ногтями все лицо; но потом вспомнил о траве, указанной ему драконом, потер ею шею брату, и едва приставил голову к ее месту, как вновь обрел Мео живым и здоровым. С великой радостью обняв брата, Чьенцо просил у него прощения за то, что, получив столь дурную весть и повинувшись мгновенному приступу гнева, лишил его жизни. И все вместе отправились они во дворец, откуда послали за Антоньелло, вкуче со всем его семейством¹¹⁹. И весьма полюбился Антоньелло королю; и увидел он, как сбылась на его сыне пословица:

*криво лодка плыла,
да прямо в порт зашла.*

¹¹⁸ Жаргонное название шпаги.

¹¹⁹ Итальянская *famiglia* (семья) не ограничивалась парой супругов и их детьми, но включала в себя широкий круг родственников с их семьями. Очевидно, речь идет о приглашении всей многочисленной родни.

Козья морда *забава восьмая первого дня*

Дочь крестьянина по волшебному дару феи становится женой короля; но оказывается неблагодарной по отношению к той, которая сделала ей столько добра, и в наказание получает вместо лица козью морду. По этой причине презируемая мужем, проходит через тысячу злоключений; а затем, обличенная добрым старцем, смиряет себя и снова обретает прежнее лицо и возвращает любовь мужа

Как только Чулла завершила рассказ, сладкий, точно сахарный, настал черед вступить в хоровод Паоле, которая начала так:

Все дурные поступки, совершаемые людьми, имеют каждый свою окраску: или негодования, которое к ним побуждает; или нужды, что заглушает голос совести; или любви, что ослепляет глаза; или ярости, что разжигает сердце. Но для неблагодарности нет оправдания ни ложного, ни истинного, на какое она могла бы опереться. И этот порок столь отвратителен, что иссушает источник милосердия, угашает огонь любви, загрождает дорогу для благодетелей и сеет в душе того, кто им оскорблен, тошноту и горечь, как увидите вы из рассказа, который я предлагаю вам послушать.

Жил некогда крестьянин, у которого были двенадцать дочерей – одна другой не поспевала руку подавать; поскольку добрая хозяйка дома Чеккуцца, то есть мама, каждый год приносила по девчонке; и бедный муж, чтобы семья жила сколько-нибудь сносно, нанимался каждое утро на поденную работу в поле. И не знаешь, чего было больше: пота, что он проливал на землю, или слюны, которой плевал на заскорузлые ладони. Одним словом, ему, с его ничтожными заработками, удавалось кормить этих своих лягушат так, что только с голоду не помирились.

В одно утро мотыжил он землю у подножия некой горы, которая, служа в дозоре у других гор, возносила голову выше облаков, чтобы разузнать, что творится в воздухе. И была в горе

пещера, столь глубокая и темная, что даже Солнце опасалось в нее заходить. И вот вышла из пещеры зеленая ящерица, огромная, как крокодил; и бедный крестьянин до того напугался, что, не имея силы бежать от раскрытой пасти этого омерзительного животного, ожидал, что с минуты на минуту прекратится путь земных дней его.

Но ящерица, подойдя ближе, сказала: «Не бойся, милый человек, я сюда пришла не для того, чтобы доставить тебе хоть самое малое неудовольствие, но только ради твоего блага». Услышав это, Мазаньелло (так звали крестьянина) пал перед нею на колени, говоря: «Синьора Не-Знаю-Как-Звать, вот, я в твоих руках; ты ведешь себя как благородная и добрая особа и, конечно, пожалеешь беднягу, у которого дома плачут двенадцать сопливых девок, а он ради них день и ночь спины не разгибает». «Вот именно поэтому, – отвечала ящерица, – я и пришла тебе помочь; так что принеси мне завтра утром самую маленькую, ибо я хочу вырастить ее как свою дочь и буду заботиться о ней паче жизни моей».

Бедный отец от этих слов пришел в большее смятение, чем вор, которого поймали с поличным. Ибо, услышав, что у него просит дочь, да еще самую маленькую, ящерица, он подумал, что одеяло это не без иголки внутри и что, наверное, ящерице желательно получить младенца в качестве легкой закуски для возбуждения аппетита.

И говорит он себе: «Если отдам ей дочку, отдам саму душу свою; если откажу, тело мое заберет. Если уступлю, свет глаз моих вырвет; если не уступлю, кровь мою выпьет. Если соглашусь, часть от меня отнимет; если нет, весь пропаду. На что решиться? Что выбрать? Кого после о прощении умолять? Ох и горе же мне выпало! Ох какое несчастье Небо на меня обрушило!»

Пока он так раздумывал в себе, ящерица говорит: «Решай-ка поскорей; делай, что тебе сказала, не то одни ключья от тебя останутся. Раз так я желаю, значит, так и будет». Мазаньелло, услышав приговор и не зная, кому подавать апелляцию, вернулся домой в тяжелой печали. Весь пожелтый с лица, он казался больным желтухой, и Чеккуцца, видя его высохшим как солома, обмершим, будто с петлей на шее, и подавленным, будто у него что в горле застряло, стала его расспрашивать: «Что случилось с тобою, муж? Побранился ли с кем? Или судейского пристава по дороге встретил? Или осел у тебя пал?» «Ни то ни другое, – отвечал Мазаньелло. – Но одна рогатая ящерица сначала меня приласкала, а теперь грозит, что, коли не принесу ей нашу самую маленькую, сделает мне говенное дело. Вот и кружится у меня голова, как мотовило: не знаю, какую рыбу из речки хватать: с одного боку – к дитю жалость давит, а с другого – наем за жилье. Без ума люблю мою Ренцоллу; без ума как жить хочется. Если эту половинку от себя не отрежу, все тело мое несчастное отнимет. Дай мне хоть какой совет, Чеккуцца моя, а не то помру с натуги».

Выслушав это, жена говорит ему: «Кто знает, муж: а может, эта ящерица будет в добрый час нашему дому? Кто знает, не от нее ли придет конец нашей нищете? Смотри: чаще всего мы сами оставляем топор у себя под ногами, и, когда нам необходимо зрение орла, чтобы различить то доброе, что нам выпадает, у нас в глазах точно туман, а когда надо схватить его, у нас руку точно судорога сводит. Так что поди отнеси ее ящерице; сердце мне говорит, что, может быть, то добрый жребий для нашей бедной девочки».

Слова жены убедили Мазаньелло, и утром – как только Солнце кистью лучей выбелило небо, прежде закопченное мраком Ночи, – взял он девочку на руки и понес к пещере. Ящерица, что издалека следила, как приближается крестьянин, вышла навстречу ему из логова, взяла девочку и дала ее отцу мешочек монет, сказав при этом: «Иди, с этими деньгами ты сможешь выдать замуж других дочерей, и живи без заботы, ибо Ренцолла нашла себе и отца, и мать. Счастлива она, что выпала ей такая удача».

Обрадованный Мазаньелло поблагодарил ящерицу и вприпрыжку побежал к жене, поведав ей, что и как было, и показав монеты. С этими деньгами они выдали замуж остальных дочерей, да и самим осталось еще довольно соуса, чтобы повкуснее было хлебать труды этой жизни.

А ящерица, взяв Ренцоллу, показала ей прекрасный дворец, где ее поселила и вырастила среди всякой красоты, среди великих драгоценностей, словно королеву. Считай, что все у нее было на столе, вплоть до муравьиного молока: кушать ей подавали как графине, одеваться как княгине, и прислуживала ей сотня девушек, внимательных да умелых. С таким добрым обхождением она в четыре счета выросла, будто стройное дерево.

И вот случилось тем лесом ехать на охоту королю, и застигла его в пути ночь; не зная, где голову приклонить, вдруг увидел он, как горит светильник во дворце, и послал туда слугу, попросить хозяев дать ему место для ночлега. Когда слуга пришел во дворец, ящерица, которая заранее приняла обличье прекраснейшей девушки, выслушав, с чем он послан, сказала, что гостю в этом доме тысячу раз рады, ибо нет недостатка, как говорится, ни в хлебе, чтобы поесть, ни в ножах – его нарезать.

Услышав ответ, король прибыл во дворец и был принят самым достойным образом. Вышла ему навстречу сотня пажей с зажженными факелами, будто на похороны знатного вельможи; другие сто пажей понесли блюда к столу, поспешая, как санитары к одру больного; еще сто иных играли перед ним на многих инструментах со всевозможными ухищрениями; но лучше всех была Ренцолла, подавая королю напитки с такой грацией, что он пил больше любовь, нежели вино.

И когда окончили есть и исчезли волшебные столы, король пошел почивать, и та же Ренцолла сняла у него чулки с ног – так, что вместе с ними вынула и сердце из груди. И король, чувствуя до самых кончиков пальцев, которых касалась эта прекрасная рука, как поднимается по жилам и овладевает его душой любовный яд, и пытаясь найти противоядие от такой красоты, чтобы не умереть, призвал фею – хозяйку дворца – и попросил ее отдать Ренцоллу ему в жены. А та, более всего на свете заботясь о благе Ренцоллы, не только охотно дала ему согласие, но и в придачу подарок на семь миллионов золотом.

Король, ликуя от такой удачи, отбыл вместе с Ренцоллой; исполнившись превозношения и даже не думая поблагодарить фею за все, что та для нее сделала, она уехала, не сказав ей ни самого ничтожного доброго слова. И волшебница, видя такую неблагодарность, послала ей тайно вслед заклятие, чтобы лицо ее переменилось в козью морду; и только она это сказала, как вместо лица у Ренцоллы вытянулась морда с торчащей бородой, сузились челюсти, загрубела кожа, лицо поросло шерстью и косы, изящно уложенные корзинкой, превратились в острые рога.

Увидев это, несчастный король обомлел, не понимая, что с нею случилось, почему красота, которой хватило бы на двух блистательных красавиц, претерпела такое изменение, и, вздыхая и рыдая, сказал: «Куда подевались волосы, что связывали меня? Куда исчезли очи, что меня пронзали? Где этот ротик, что был капканом для души моей, путами для духа, петлею для сердца! Но так что же? Должен ли я стать мужем козы и принять титул козла? Должен ли я унизиться до такой степени, чтобы пастись вместе с нею на Фодже?»¹²⁰ Нет, нет, не хочу, чтобы мое сердце разбилось из-за козьей морды, из-за этой скотины, которая оливами своего помета будет непрестанно ввергать меня в бедствие, худшее, чем война!»

Сказав так, он по прибытии во дворец отослал Ренцоллу жить на кухне вместе со служанкой, дав одной и другой по мере льна, и приказал до конца недели закончить эту работу. Послушная служанка тут же начала чесать лен, делать пряжу, наматывая на прялку, словом, трудиться так, что к субботнему вечеру дело было сделано.

Но Ренцолла, думая, что она все та же, какой была в доме феи, – ибо она не видела себя в зеркало, – выбросила лен в окошко, говоря: «Нашел же время король занять меня такой чепухой! Если ему нужны рубашки, пусть покупает. И пусть не думает, что подобрал меня там,

¹²⁰ Местность в Апулии, где размещали на зимовку перегоняемые по горам стада коз и отары овец.

где стирают прачки, но помнит, что это я принесла ему в дом семь миллионов золота и что я жена ему, а не прислуга. Хороший же он осел, если так со мною обращается!»

Но вот, однако, настало утро субботы, и Ренцолла, увидев, что служанка напряла свою долю льна, почувствовала сильный страх, что быть ей побитой. Побежала она во дворец феи и рассказала ей все. И фея, обняв ее с еще большей любовью, чем раньше, дала ей полный мешок льняной пряжи, чтобы она могла отдать его королю и тем самым показать себя хорошей хозяйкой. И Ренцолла, схватив мешок и не сказав «большое спасибо» за помощь, поспешила обратно, в то время как фея готова была землю грызть, негодуя на дрянные манеры этой грубиянки.

Забрав пряжу, король принес теперь двух щенков – одного служанке, а другого Ренцолле, приказав, чтобы они их выкормили и выучили. Служанка кормила своего щенка самыми лучшими кусочками и ласкала будто сына родного. А Ренцолла сказала: «Или мне такую долю в наследство дедушка оставил? Или пришли турки и забрали меня в плен, что теперь я должна расчесывать этого щенка да выгуливать, ожидая, покуда он просрется?» И с этими словами вышвырнула щенка в окошко, вместо того чтобы учить его скакать через обруч.

Но прошло несколько месяцев, и король спросил у Ренцоллы о щенке, и она, видя, что дело плохо, побежала снова к фее. И здесь старик, охранявший двери, спросил ее, кто она и чего ей надо. Ренцолла, услышав столь странный вопрос, сказала ему: «Ты что, не узнаешь меня, борода твоя козлиная?» «А ты что, на меня – с кинжалом? – отвечал старик. – Ты что, сыщик, за воров гонишься? „Отойди от меня и не пачкай“, сказал трубочист. А ну-ка приляг, а то упадешь. Я, говоришь, борода козлиная? Это ты борода козья, да еще в полуторном раз-мере, потому что за твое превозношение заслуживаешь еще худшего; погоди же немного, бесстыжая гордычка, дай-ка я тебе посвечу, и сама увидишь, во что обратили тебя твои спесь и надменность!»

С этими словами он поспешил в одну из комнат, принес зеркало и поставил его перед Ренцоллой; и она при виде гадкой личины, поросшей шерстью, чуть не лопнула от мучения. Сам Ринальдо¹²¹, видя себя в волшебном щите столь изменившимся против прежнего, не испытывал той муки, какую испытала она, когда увидела, что обезображена до такой степени, что и узнать нельзя.

А старик сказал ей: «Тебе подобает помнить, Ренцолла, что ты – крестьянская дочь и что это фея возвысила тебя до королевы; но ты, глупая, ты, неучтивая и неблагодарная, не воздала ей признательностью за столь великие благодеяния, но отнеслась к ней точно к отхожему месту, не выказав ни единого знака любви. А за это – получай и будь довольна; держи, что дают сегодня, а что завтра, еще увидишь. Что сама заслужила, то и получила. Любуйся теперь на себя, гляди, до чего тебя довела твоя неблагодарность. По закланию феи ты не только лицо, но и звание свое потеряла. Но если угодно тебе сделать, что советует эта седая борода, пойди сейчас же к фее, пади ей в ноги, рви на себе волосы, царапай лицо ногтями, бей себя в грудь кулаками, проси прощения за скверные твои повадки, чтобы она, с ее добрым сердцем, пожалела тебя в твоих злоключениях».

Ренцолла, умилившись душой и заливаясь слезами, сделала все, как сказал старик. И фея, обнимая ее и целуя, вернула ей прежний облик и, нарядив в златотканое платье и усадив в ослепительную карету, в сопровождении толпы слуг отослала к королю. И тот, видя свою жену столь прекрасной и роскошно одетой, полюбил ее как самую жизнь свою, бия себя в грудь за то, что дал ей претерпеть такие терзания, и прося прощения, что из-за этой проклятой козьей

¹²¹ Рыцарь, персонаж поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Волшебница Армида, очаровав его, магической силой перенесла его из войска крестоносцев под Иерусалимом на остров, где он, позабыв воинский долг, стал предаваться с нею наслаждениям любви. Два воина-соратника разыскали его в саду Армиды. Когда они поднесли к его лицу блестящий щит, он увидел себя в постыдной расслабленности и, горько устыдившись, вместе с друзьями вернулся к бранным подвигам.

морды так плохо с нею обращался. И с тех пор жила Ренцолла в радости и довольстве, любя мужа, почитая фею, и всегда благодарила старика, который помог ей убедиться, что

вежливость во всяком деле пригодится.

Волшебная лань *забава девятая первого дня*

Фонцо и Каннелоро рождаются силою волшебства; королева, мать Фонцо, преследуя своей завистью Каннелоро, разбивает ему голову. Каннелоро спасается бегством, а впоследствии, став королем, оказывается в опасности. Фонцо с помощью ручья и миртового куста узнает о его злключениях и освобождает его

Выслушав с открытым ртом прекрасный рассказ Паолы, все заключили, что бедняк – будто мяч: чем больше его ударят о землю, тем выше он подскочит; или как козел – чем дальше разгонится, тем сильнее боднет рогами. Теперь Тадео дал знак Чометелле, чтобы она продолжила череду; тогда начала и она трудиться языком:

Сила дружбы, несомненно, велика; она побуждает выдерживать тяжкие труды и преодолевать опасности ради помощи другу: тяжелое дело кажется соломинкой, самолюбие – ветошью, жизнь – пустяком, когда может быть принесена в жертву во имя друга, примерами чего изобилуют сказания и переполнены истории. Вот и я сегодня приведу один пример, о котором, бывало, рассказывала моя бабушка Семмонелла (упокой, Господи, ее душу), если вы, чтобы чуть-чуть меня послушать, закроете рты и наострите уши.

Был некогда один король по имени Янноне, который очень хотел иметь сына и непрестанно молил богов надуть живот его супруге. Чтобы подвигнуть их ниспослать такую радость, он до того заботился о странниках, что готов был самого себя по кусочку раздать; но наконец, видя, что дело с места не двигается и нет у него никаких средств произвести потомство, закатил ворота молотком и готов уже был стрелять из арбалета по каждому, кто приближался к его дворцу.

Случилось так, что проходил по той стране некий седобородый мудрец. И, не зная, как переменилось поведение короля, но зная о его печали и желая дать ему средство, он пришел к Янноне и попросил дать ему приют. А тот, с потемневшим лицом, угрожающе насупившись, сказал: «Если нет у тебя другого светильника, кроме этого, можешь спать в темноте! Прошли

времена, когда Берта пряла!¹²² Слепые котята прозрели! Нету вам здесь больше мамы!» Когда старец спросил, отчего случилась с ним такая перемена, король ответил: «Я, ради желания иметь ребенка, тратился и рассыпался перед каждым, кто приходил и уходил, забросив ради этого свои дела; а теперь, видя, что только даром перевожу щелок и мыло, умыл руки и поднял якоря». «Если только в этом причина, – отозвался старец, – то я быстро сделаю, что жена у тебя забеременеет, а коль не сделаю, вот мои уши на отсечение». «Если вправду сделаешь, – сказал король, – слово чести, полкоролевства тебе отдам». А тот отвечает: «Теперь слушай внимательно, если хочешь достичь цели. Вырежь сердце у морского змея и дай приготовить его невинной девушке, которая от одного запаха жаркого станет беременной, будто на девятом месяце. А потом дай поесть этого жаркого королеве, и она тут же забеременеет и родит». «Да как же это возможно? – спросил король. – Честно говоря, твои слова мне кажутся слишком твердой пищей, чтобы их проглотить». «Не удивляйся, – отвечал старец. – Потому что, если прочтешь мифы, там найдешь, что Юнона, проходя по Оленским полям и только наступив на цветок, зачала и родила»¹²³. «Если так, – сказал король, – то сей же миг пусть разыщут это сердце дракона! В конце концов, мне нечего терять!»

И вот сто рыбаков, посланных на море, приготовив множество гарпунов, ловушек, неводов, крючков, наживок, лесок, принялись плавать и искать повсюду, пока наконец поймали дракона и, вырезав у него сердце, принесли к королю, который дал его приготовить одной красивой придворной девушке. Она закрылась в комнате, поставила сковороду на огонь, и, лишь только от кипения пошел пар, стала беременной не только прекрасная повариха, но и все предметы в комнате забеременели и в несколько дней разродились. Ложе родило маленькую кроватку, сундук – шкатулку, стулья родили маленькие стульчики, стол – маленький столик, и даже ночная ваза родила столь изящно эмалированный горшочек, что прямо взял бы его в рот и съел.

И когда сердце было поджарено, и чуть только королева его попробовала, как тут же почувствовала себя непраздной. И через четыре дня обе они с той девушкой родили по прекрасному малышу. И до того мальчики были похожи, что нельзя было отличить одного от другого.

Они росли вместе, в такой взаимной любви, что не могли находиться вдали друг от друга; и столь глубокой была их привязанность, что королева стала ревновать, ибо сын ее выказывал больше чувств к сыну служанки, чем к ней самой, и не знала уже, как вытащить эту соринку из глаза.

Однажды принц собрался вместе с другом на охоту и, зажегши огонь в камине в своей комнате, стал плавить свинец, чтобы отлить пули для мушкета. И не знаю, какая там вещь ему понадобилась, он сам, не послав никого из слуг, пошел ее искать. Тем временем зашла королева посмотреть, что делает сын, и застала в комнате одного Каннелоро, сына служанки. Думая убить его, она метнула горячую пулю ему в лицо, но он успел чуть пригнуться, и пуля попала в надбровье, нанеся ему глубокую рану. Королева уже собиралась метнуть второй раз, как вернулся Фонцо, ее сын; тогда она, притворившись, что просто заглянула его проведать, после пары пресных ласковых слов ушла.

А Каннелоро, надвинув шляпу до бровей, не дал Фонцо ничего заметить, оставаясь на ногах несмотря на то, что весь горел огнем от боли. И как только закончил катать, точно скара-

¹²² Предание говорит, что, когда император Генрих IV (1050–1106) овладел частью Италии, его жена королева Берта Савойская, будучи на рынке в Падуе, увидела необычайно тонкую льняную пряжу, которую продавала бедная крестьянка. Королева спросила цену, готовясь отдать большие деньги, но крестьянка, которую тоже звали Берта, отвечала, что ей куда приятнее просто подарить королеве и тезке всю эту пряжу. Королева была так тронута благородным ответом крестьянки, что убедила мужа пожаловать мужу и всему роду Берты рыцарское звание и столько земли, сколько можно будет отмерить по длине подаренной пряжи. Этот случай вошел в поговорку. Выражение: «Прошло время, когда Берта пряла» приобрело смысл: «Теперь времена совершенно другие».

¹²³ Ср.: Овидий. «Фасты», V, 231–258.

бей, свинцовые шарики, сразу попросил у принца разрешения уехать. Когда Фонцо, удивленный этим внезапным желанием, спросил о причине, он ответил: «Не спрашивай меня больше ни о чем, мой Фонцо; тебе достаточно знать, что я вынужден уехать, и Небо свидетель, что, расставаясь с тобою, который есть сама моя жизнь, душа вырывается из груди, дух во все весла гребет вон из тела, а кровь в венах делает Марко-беги-наутёк¹²⁴. И поскольку ты сейчас не можешь мне ничем помочь, оставайся с миром и помни обо мне».

Они обнялись, а затем Каннелоро в отчаянной скорби пошел в свою комнату, где взял доспехи и меч, что тоже был рожден от другого оружия, когда жарилось сердце дракона; весь вооружившись, он вывел коня из конюшни и уже готовился вдеть ногу в стремя, как с плачем прибежал Фонцо и сказал, что если Каннелоро и решил его покинуть, то пусть оставит ему знак своей дружбы, чтобы хоть немного облегчить скорбь разлуки. В ответ на эти слова Каннелоро, взявшись за рукоятку кинжала, воткнул его в землю, и потек прекрасный ручей; и он сказал принцу: «Вот лучший памятный знак, который могу я тебе оставить, ибо по бегу этого ручья ты сможешь узнать о моей жизни: если увидишь, что он прозрачен, значит, и мои дела мирны и прозрачны; если же увидишь его мутным, знай, что я в невзгодах; а если обнаружишь, что он высох (да не попустит Небо!), то можешь считать, что кончилось масло моего светильника и что я прибыл для уплаты пошлины на таможенную Природы»¹²⁵.

Затем, вынув меч, он ударил им по земле, и мгновенно вырос миртовый куст. И сказал Каннелоро: «Пока этот куст будет зелен, знай, что и я зелен и здоров, как чеснок. Если он начнет вянуть, из этого да будет тебе ясно, что колесо моей фортуны крутится не слишком проворно. Ну а когда высохнет совсем, можешь сказать твоему Каннелоро: „Вечный покой, отдыхайте, башмаки и копыта!“».

После этих слов друзья еще раз обнялись, и Каннелоро уехал. Пройдя через множество приключений, увидев множество бед – ссоры с извозчиками, обманы корчмарей, убийства сборщиков податей, опасности на дурных дорогах, недержания от страха перед разбойниками, – наконец прибыл он в страну Лонга Пергола¹²⁶ в тот самый час, когда здесь происходил пышный турнир и победителю была обещана рука королевской дочери. Каннелоро тоже вызвался – и показал такую доблесть, что посрамил всех рыцарей, сошедшихся от разных стран заслужить славное имя; и посему досталась ему Фениция, дочь короля, по какому случаю было устроено великое празднество.

Проведя несколько месяцев в совершенном покое, Каннелоро соскучился по охоте и сказал об этом королю, на что услышал в ответ: «Береги коленки, зятек; берегись, как бы не ослепил тебя бесенок: знай, сударь мой, что в здешних лесах живет орк, страшный как дьявол: он каждый день меняет обличье – то представится волком, то львом, то оленем, то ослом, то одним, то другим – и тысячью уловок завлекает бедняг, кто встретится ему, в пещеру, где их съедает. Так что не рискуй здоровьем, сынок, не то можешь оставить там только обрывки от штанов».

Каннелоро, который оставил страх в животе матушки, когда наружу выходил, не послушался тестя и, как только Солнце метелкой лучей обмахнуло паутину Ночи, умчался на охоту. И вот приехал он в лес, где под шпалерами ветвей тени собрались, чтобы заключить договор о союзе и выступить вместе против Солнца. Здесь орк, увидев его, превратился в красивую лань, которую Каннелоро принялся преследовать. И лань долго не давала ему себя догнать, так что пришлось ему скакать из одного края леса в другой, и наконец завлекла его в самую гущу, а тут вдруг пошел такой дождь и такой снег, что казалось, будто падает небо. И Каннелоро,

¹²⁴ Буквально: Марко-смывайся. Вошедшее в поговорку прозвище известного разбойника Марко Скьяра, который избежал поимки, бросив в опасности товарищей (около 1600 г.).

¹²⁵ Исполнил, что неизбежно для всех по закону природы, то есть умер.

¹²⁶ Длинная (виноградная) Шпалера.

оказавшись у самой пещеры орка, поспешил внутрь, чтобы укрыться от непогоды. Окоченевший от холода, он собрал поленья, которые нашел в пещере, и, вынув из сумы огниво, запалил хороший костер.

И когда он грелся и сушил одежду, у входа в пещеру появилась лань и сказала ему: «Господин рыцарь, позволь и мне погреться немного, я очень замерзла». Каннелоро, как благородный человек, сказал на это: «Заходи, будешь гостьей». «Я зашла бы, – сказала лань, – да боюсь, ты меня убьешь». «Заходи, не бойся, – отвечает Каннелоро. – Слово тебе даю». «Если хочешь, чтобы я зашла, – говорит опять лань, – привяжи собак, чтобы не сделали мне ничего плохого, и коня, чтоб не ударил меня копытом». Каннелоро привязал собак и стреножил коня. А лань говорит ему: «Да, теперь я почти спокойна; но пока ты не убереешь меч, не войду, клянусь душой моего дедушки!»

Каннелоро, которому понравилось такое приятельское обхождение с ланью, обернул меч плащом, как делает крестьянин, когда проходит по городу, опасаясь полиции. И орк, лишь только увидел Каннелоро беззащитным, тут же принял свой истинный вид и, схватив его, бросил в яму, что была в дальнем конце пещеры, а сверху привалил огромной глыбой, чтобы потом съесть.

Тем временем Фонцо, который каждое утро и вечер проводывал ручей и миртовый куст, чтобы получать вести о Каннелоро, увидел, что один замутился, а другой завял, и понял, что его друг в беде. И, вознамерившись ехать к нему на помощь, не спросил позволения ни у отца, ни у матери, но, хорошо вооруженный, с двумя волшебными конями, пустился в путь по всему свету. И много кружил и скитался то по одним странам, то по другим, пока наконец не прибыл в страну Лонга Пергола.

Он нашел город облаченным в траур по случаю предполагаемой гибели Каннелоро; и только прибыл ко двору, как все, думая, что это Каннелоро, по причине их сходства, бегом побежали к Фениции, чтобы она позолотила им ручку за радостную новость; а она, слетевши птицей вниз по лестнице, обняла Фонцо со словами: «Муж мой, сердце мое, где же ты пропал столько дней?»

Фонцо сразу понял, что Каннелоро прибыл прежде него в эту страну и потом исчез, и решил действовать осторожно, чтобы вывести из слов принцессы, где бы мог оказаться его друг. Услышав, что тот подверг себя слишком большой опасности, поехав на проклятую охоту, а особенно потому, что мог встретить в лесу орка, столь безжалостного к людям, Фонцо раз узнал, куда именно направился Каннелоро. Так и не открывшись ей, он, когда настала ночь, пошел в спальню.

И, придумав, что дал обет Диане в эту ночь не касаться жены, когда легли, он положил обнаженный меч как преграду между собой и Феницией; а спозаранку – еще не настал час, когда Солнце приходит дать Небу слабительные пилюли, чтобы облегчить желудок от тьмы, – ушел, и ни мольбы Фениции, ни запрещения короля не могли победить его намерения.

Вскочив на коня, вместе с волшебными собаками он пустился в лес; и повторилось с ним все то же самое, что и с Каннелоро, пока, войдя в пещеру, он не увидел оружие Каннелоро и привязанных собак и коня, из чего понял, что определенно друг его находится именно здесь. И когда лань стала просить его привязать коня и собак, он, напротив, спустил собак на нее, и они разорвали ее на мелкие кусочки.

В поиске других знаков, которые сказали бы ему о судьбе друга, Фонцо вдруг услышал жалобные стоны снизу, из ямы; отвалив камень, он выпустил оттуда Каннелоро вместе с другими, которых держал там орк погребенными заживо. Обнявшись с великой радостью, они вернулись домой, где Фениция, видя двух одинаковых мужчин, не могла понять, который из двух ее муж. Но как только Каннелоро снял шляпу, она увидела след от раны и, узнав мужа, заключила его в объятия.

И когда Фонцо, после месяца, весело проведенного в той стране, захотел отправиться на родину, в семейное гнездо, Каннелоро через него написал матушке, чтобы она переезжала к нему и поделила с сыном почести и величие. Так она и сделала. А он с тех пор больше не хотел слышать ни о собаках, ни об охоте, помня пословицу:

*горе, кто за собственный счет
сам на себя пению кладет.*

Ободранная старуха *забава десятая первого дня*

Король Рокка Форте¹²⁷ влюбляется по голосу в старуху и, обманутый ее облизанным пальцем, уговаривает ее с собой переспать. Обнаружив обман, он выбрасывает ее из окна, но она, зацепившись в ветвях дерева, получает волшебную помощь от семи фей и становится прекраснейшей девушкой, и король берет ее в жены. Но ее подруга, завидуя ее удаче, чтобы тоже стать красавицей, дает снять с себя всю кожу и умирает

Всем чрезвычайно понравился рассказ Чометеллы: с особенным удовольствием все слушали, как Каннелоро был спасен, а орк наказан за все убийства несчастных охотников. И вот, когда князь повелел Якове запечатать своим перстнем список забав первого дня, она начала так:

Проклятый порок, гнездящийся в нас, женищинах, — любой ценой казаться красивыми, — доводит нас до того, что мы золотим раму лба и при этом портим картину лица; выбеливаем кожу, разрушая белизну зубов; выставляем на свет части тела, помрачая зрение; и еще прежде, чем настает час платить подать Времени, по собственной вине добавляем глазам слизи, лицу морицин, а зубам дырок. Но если даже юную порицают за излишнюю заботу о внешности, что сказать о старухе, которая, желая соревноваться с девушками, подвергает себя людским насмешкам, а своему телу причиняет горе! Так и случилось с одной старухой, о чем я вам сейчас расскажу, если вы ненадолго притихнете и послушаете.

¹²⁷ Крепкая Скала.

Некогда в саду, в который выходили окна дворца короля Рокка Форте, облюбовали себе местечко две старухи. И были обе списком несчастий, протоколом уродств и подшивкой всего что ни есть на свете безобразного: косы спутаны и всклокочены, лбы – в морщинах и с шишками, брови – торчащие и щетинистые, ресницы – густые и нависающие, глаза угасшие и поблеклые, лица желтые и изрытые, рты – зловонные и растянутые; а сокращая список, скажем, что были у них бороды, как у козла, груди волосатые, спины горбатые, руки кривые, колени хромые, а ступни как крючья.

Поэтому, чтобы не видело их Солнце с такой безобразной наружностью, укрылись они под портиком королевского дома. И король не осмеливался даже пукнуть, чтобы случайно не попало в нос этим двум страшилам, которые, постоянно ворча, мололи невообразимую чепуху: одна говорила, что цветок жасмина, слетев сверху, набил ей шишку на голове, другая, что соломинка вывихнула ей плечо, а первая подхватывала, что песчинка разбила ей коленку.

Слыша эту прорву охов и ахов, король вообразил, будто рядом с ним обитает некая квинт-эссенция утонченности, отборный кусочек нежнейшей ветчинки, цвет из цветов деликатности, и до самого мозга костей пробрало его желание посмотреть на это диво и выяснить, что оно из себя представляет. И стал он ронять сверху вздохи и покашливать, не будучи простуженным, и наконец решился вкрадчиво заговорить: «Где, где ты скрываешься, драгоценность, сокровище, прекраснейшая игрушечка этого мира? „Выйди, солнышко, поскорей, императора обогрей!“¹²⁸ Яви твою грацию, зажги твои светильники из лавки Амура, покажи твою изящную головку! О банк, в который вложено столько капитала красоты, не будь столь скупа перед тем, кто жаждет тебя увидеть! Открой дверцу бедному соколу, одари кусочком, каким тебе угодно!»¹²⁹ Позволь увидеть инструмент, издающий столь сладостный звук! Дай узреть колокольчик, разливающий столь приятный звон! Дай хоть глазком взглянуть на эту певчую птичку! Не оставь меня, подобно понтийским овцам, питаться отсутствием пищи¹³⁰, запрещая мне созерцать эту красоту красот!»

Эти и другие слова говорил король, но лучше было бы ему в трубы трубить, ибо старухи были туги на ухо, что, впрочем, только подбрасывало ему дров в огонь, так что он чувствовал себя железом, раскаляемым в горне вождения, чувствовал, как сжимают его щипцы помыслов и колотит молоток любовной страсти, выковывая ключ, способный открыть шкатулку драгоценностей, томясь по которым он сгорает в пепел. Но при этом он так и не высунулся из окна, а все продолжал посылать издалека свои мольбы и одновременно усиливал обстрел, не давая передышки ни себе, ни предмету, занимавшему его воображение.

И вот старухи, которые наконец расслышали голос и осмелели, внимая излияниям короля, решили не упустить случай и поймать птицу, что сама летела в силки. Однажды, когда король, стоя перед окном, твердил свои любовные заклинания (ставшие теперь ему вместо утренних молитв), они ответили ему приглушенным голосом через замочную скважину, что самое большее, что они могли бы для него сделать, это восемь дней спустя показать палец.

Король, который, как опытный солдат, знал, что крепости берутся пядь за пядью, не отказался от такого предложения, надеясь палец за пальцем завоевать весь осаждаемый плацдарм, помня, впрочем, и старую пословицу: «Бери, а потом проси». Итак, он согласился на требуемый восьмидневный срок, чтобы узреть восьмое чудо света. Все это время старухи были заняты одним-единственным делом: как аптекарь, наполнивший пузырек сиропом, каждая из них день и ночь облизывала себе пальцы, договорившись, что, когда придет назначенный день, у которой палец будет более гладок, та и покажет его королю.

¹²⁸ Из детской песенки; см. примеч. 399.

¹²⁹ Из детской песенки.

¹³⁰ Аллюзия на описание Понта у Плиния Старшего («Естественная история», XXVII, 28).

Король же томился, как натянутая струна, в ожидании назначенного срока: считал дни, исчислял ночи, взвешивал часы, измерял минуты, записывал секунды и аккуратно проверял те члены тела, которые у него жгло и сводило в предвкушении удовольствия. Он то умолял Солнце пройти кратчайшим путем по полям неба, чтобы оно, выиграв время, еще до обычного часа могло распрячь огненную телегу и напоить усталых лошадей; то заклинал Ночь обрушить тьму и показать ему свет, не видя которого он извивался на жаровне Амура; то бранился со Временем, которое, в досаду ему, обулось в свинцовые башмаки и стало на ходули, из-за чего все никак не наступит час погасить долг перед возлюбленной, выполняя заключенный с нею контракт.

Наконец, по воле Солнца, настал долгожданный момент, когда король вышел собственной персоной в сад и постучал в калитку, говоря: «Ну, иди же, иди ко мне». И одна из старух, более нагруженная годами, определив с помощью пробирного камня¹³¹, что ее палец отшлифован лучше, чем палец подруги, просунула его в замочную скважину и показала королю. О, теперь то был не палец, но заостренный пруттик, насквозь пронзивший ему сердце. Однако нет – не пруттик, но палка, что одним ударом сокрушила ему голову. Но зачем говорю: пруттик и палка? То был зажженный фитиль для пушки его желания, намоленный шнур для мины его страсти! Но зачем говорю: пруттик, палка, фитиль и шнур? То был шип, вонзившийся в подхвостье его мысли, то была слабительная настойка из фиг, что позволила ему, пукнув во всю силу воображения, пробить запор любовной истомы!

И вот, лаская рукой и целуя палец, который из напильника слесаря стал лощиком позолотчика, он говорил: «О архив наслаждений, о амбарная книга радости, о реестр привилегий Амура, ради которых я стал хранилищем воздыханий, магазином тоски и таможенным складом сердечных мук! Может быть, ты хочешь показать себя упорной и суровой гордячкой, которую не трогают стоны? Ах, сердце мое, если уж ты протянула в дырочку хвостик, то покажи теперь и пяточок, и мы вдвоем приготовим студень высшего удовольствия! Ты показала мне створку раковины – покажи теперь и мякоть! Дай мне увидеть твои соколиные очи, и пусть они терзают, пусть клюют это сердце! Кто конфисковал сокровище этого прекрасного лица, чтобы скрыть его в отхожем месте? Кто заставляет держать этот товар Красоты на карантине в собачьей конуре? Кто посадил под арест царственное могущество Амура в свинарнике? Выбейся из этой канавы, убегай из этого хлева, вылезай из этой дыры, „прыгай, улитка, счастье любит прятки!“¹³²; пользуйся мною, знай, чего я стою! Знай, что я король в этом городе, а не огурец в огороде¹³³, могу сделать, а могу и на кусочки разделить! Но это он, этот притворный слепец, сын хромого и блудницы¹³⁴, имеющий безграничную власть над царскими скипетрами, пожелал, чтобы я сделался твоим подданным и просил как о милости о том, что мог бы забрать силой! Ибо и я знаю, что не силой, но ласками услаждается Венера!»

Старуха, знавшая, где дьяволенок хвост прячет, эта знатная лиса, эта лукавая проныра, понимая, что господин повелевает даже тогда, когда просит, и что упрямство вассала порождает в теле патрона метеоризм гнева, готовый разразиться поносом гибели, раскусила дело и затынула голосом драной кошки: «Господин мой, раз уж вы удостоили поставить себя ниже того, кто стоит под вами, снизойти от скипетра до веретена, от тронной залы до стойла, от величия до убожества, спуститься с чердака в погреб, пересесть с коня на ослицу – я не могу, не вправе и не хочу противиться воле столь великого монарха; если вам желанна эта связь между

¹³¹ Черная яшма (она же лидийский камень), которую использовали в древности для определения пробы драгоценных металлов.

¹³² Из детской песенки.

¹³³ «Как огурчик» – говорят у нас о физически крепком пожилom мужчине. На Юге Италии «огурцом» называют мужчину глупого, неумелого, такого, от которого ни в чем нет толку.

¹³⁴ Речь идет об Эроте – сыне хромого Гефеста и Афродиты; «Притворным слепцом» называется потому, что, как известно, любовь слепа (пословицы на сей счет существуют и в Италии) и тем не менее стреляет метко.

владыкой и рабой, между статуей из слоновой кости и сырым поленом, между ожерельем из бриллиантов и грубой стекляшкой, то вот, я готова служить вашим желаниям, умоляя лишь об одной милости. Как первого знака чести, которую вы мне оказываете, я прошу быть допущенной на ваше ложе только в ночной час и без светильника, ибо мое сердце не выдержит, если меня увидят нагой».

Король, весь ликуя от радости, поклялся, положив одну руку на другую, что охотно выполнит просьбу; и так, послав, посредством пальца, сахарный поцелуй этому кусту белены, ушел, с нетерпением ожидая часа, когда Солнце кончит пахоту и засеет звездами поле Неба, – чтобы и самому засеять то поле, где он думал собирать охапки радостей и корзины удовольствий.

И вот, когда наступила Ночь, – которая, видя, сколь много бродит по городу взломщиков и карманников, от огорчения плюнула черной слюной, точно каракатица, – старуха, разгладив морщины на теле, собрала их в узел на затылке, хорошо стянув его бечевкой, и в темноте вошла, сопровождаемая слугой, в спальню короля, где, скинув с себя тряпье, плюхнулась в постель. Король, что стоял с фитилем у пушки, как только заслышал, что она вошла и улеглась, весь намастил себя мускусом, обрызгался духами и бросился на ложе, как корсиканский пес. И на старухино счастье, за всеми этими благоуханиями он не почувствовал ни зловония ее рта, ни запаха подмышек, ни всей остальной вони, что исходила от этого пугала. Но как только он залез в постель и начал ее ощупывать, то обнаружил эту странную штуку сзади, старческий впалый живот и опавшие ягодички несчастной старухи и, удивленный, не захотел в тот момент ничего говорить, а чтобы лучше разобраться на деле, нырнул на самое дно Мантраккьо, воображая, что стоит на берегу Позиллипо¹³⁵, и поплыл на угольной барже, представляя, что направляет роскошный парус флорентийской ладьи.

Когда же старуха, притомившись, задремала, король достал в ящике своего бюро из эбенового дерева и серебра сафьяновую сумку с огнивом, зажег светильник и произвел досмотр под одеялом и, обнаружив Гарпию вместо Нимфы, Фурию вместо Грации, Горгону вместо Киприды, пришел в такую ярость, что готов был перерезать сам себе канат, которым привязал такой корабль. Задыхаясь от гнева, он созвал слуг, которые, слыша среди ночи его крик, толпой с зажженными факелами взбежали по лестнице в опочивальню. Трясаясь как полип, король сказал им: «Смотрите, какую прекрасную свинью подложила мне эта бабушка дьявола! Я, веря, что наслаждаюсь молочной телочкой, нашел себе матку буйволицы, думая, что встретил ясную горlinkу, поймал эту грязную курицу; воображая, что вкушаю подлинно королевский кусочек, я держал в руках гадость, что попробовать да выплюнуть. Поистине, и хуже тому бывает, кто kota в мешке покупает! Но и эта, что так меня надула, не избежит расплаты! Хватайте же ее прямо как есть и кидайте вон из окна!»

Услышав это, старуха начала защищаться, отбрыкиваясь и кусаясь, говоря, что не признает приговор справедливым, что король сам притянул ее на веревке уговоров, убеждая прийти к нему на ложе, что она готова привести хоть сотню мудрецов в свою защиту, и наипаче такие изречения, как «из старой курицы бульон лучше» и «старую дорогу не меняй на новую». Несмотря на это, ее мгновенно схватили и, раскачав, сбросили в сад. Но на ее счастье, она не сломала шею, зацепившись волосами за ветви фигового дерева и повиснув в воздухе.

Тем же утром – еще прежде, чем Солнце взяло власть над территориями, которые согласилась уступить Ночь, – некие феи, проходя по саду, по причине какой-то досады не разговаривали между собою и не смеялись. Но когда перед их глазами явилось это повисшее в ветвях привидение, которое еще до положенного часа разогнало ночные тени своим видом, они

¹³⁵ Район Мантраккьо (от *греч.* μάνδρα – хлев, стойло), прилегавший к причалам неаполитанского порта, имел дурную славу из-за преступности и антисанитарии. Общую мрачную картину довершала скотобойня, отходы которой сбрасывались тут же в море; Позиллипо – пригород, любимое место отдыха еще с античных времен. Название происходит от *греч.* παυσιλύτος, то есть «прогоняющий печаль».

принялись хохотать так, что чуть было не заработали грыжу. Раскрыв рты от столь редкого зрелища, они долго не могли их закрыть. И в благодарность за такую потеху каждая из них подарила старухе то, на что имела волшебную силу: все, одна за другой, сказали волшебное слово, чтобы ей стать молодой, красивой, богатой, благородной, добродетельной, желанной и удачливой. После этого феи исчезли, старуха очутилась в саду сидящей на бархатном сиденье с золотой бахромой, а дерево, в ветвях которого она только что висела, превратилось в балдахин зеленого бархата с золотым подбоем; лицо у нее стало как у девушки пятнадцати лет, столь прекрасной, что рядом с ней любая красавица была как стоптанный башмак рядом с изящной, идеально подобранной к ножке туфелькой. В сравнении с этой грацией все другие грации были достойны Ферривеккьи и Лавинаро¹³⁶; где она делала победный пас веселым взглядом и ласковым словом, там другим оставалось играть в «прогоревший банк». А притом была она одета столь изысканно, с такою элегантностью и роскошью, что казалась носительницей королевского величия: золото ослепляло, драгоценности сверкали, от цветов рябило в глазах, а вокруг стояло столько пажей и девушек, сколько бывает народу в процессии в день отпущения грехов.

Тем временем король, набросив на плечи одеяло и надев башмаки, выглянул в окно – посмотреть, что там случилось со старухой, и увидел такое, что ему и во сне присниться не могло. С открытым ртом, как заколдованный, оглядывал он эту чудесную девушку и – то любовался волосами, которые, частью сбегая по плечам, а частью заплетенные в золотую косу, вызывали зависть у Солнца, то не мог отвести взора от бровей, выгнутых точно луки, без промаха поражающие сердца, то смотрел на глаза – эти фонари караула Любви, то созерцал ее ротик – эту любовную давящую, где Грации давили ногами гроздь удовольствия и выжимали чудесное «греко» и изысканное «манджагуэрра»¹³⁷.

У него все мелькало и кружилось в глазах, как у сошедшего с ума канцеляриста, когда он смотрел на все эти колые и ожерелья, струившиеся у нее по груди, на эти облекавшие ее драгоценные ткани и, разговаривая сам с собой, бормотал: «Я еще сплю или проснулся? Я в своем уме или теряю рассудок? Это я или не я? Из какого мушкета вылетела эта прекрасная пуля, чтобы сразить этого короля, повалив его наземь? Я пропал, я погиб, если срочно не оказать мне помощь! Как, откуда вошло это солнце? В каком саду вырос этот дивный цветок? Откуда вылупилась эта птичка, чтобы вытянуть из меня клювом, как червяка из земли, всю силу вожделья? Какой корабль привез ее в эту страну? Какая туча пролила ее дождем на эту землю? Какие потоки красоты увлекают меня в море воздыханий?»

После этих слов король сбежал вниз по лестнице, встал перед помолодевшей старухой и, готовый, подобно червяку, ползти к ней по земле, сказал: «О клювик моего голубка! О куколка Граций! О ясная горlinkа из Венериной колесницы! О триумфальная цепь Амура! Если ты не погрузила свое сердце в воды Сарно, если в твои уши не насыпали тростникового семени¹³⁸, если тебе в глаза не накакала ласточка – я уверен, что ты поймешь и увидишь боль и муку, которой и в упор, и рикошетом поразила мне грудь картечь твоих прелестей! Если даже ты не сознаешь, что от золы твоего лица творится щелок, разъедающий мне грудь, что от пламени вздохов разгорается печь, в которой кипит моя кровь, – ты можешь судить хотя бы по тому, какая веревка вяжет меня от золота твоих волос, какие угли поджаривают меня от черноты твоих глаз, какая стрела пронзает меня от яркого лука твоих губ! Поэтому не загораживай железной решеткой ворот милости, не разводи мостов милосердия, не перекрывай проезжую дорогу сочувствия; и если не считаешь меня достойным получить амнистию от твоего милого лица, возьми меня хотя бы под караул благосклонных слов, выпиши мне охранную грамоту

¹³⁶ Улица Ферривеккьи («старых железок») называется так потому, что в прошлом здесь скупали железный лом; Лавинаро – место, где домохозяйки и служанки стирали белье в воде специально проведенного канала.

¹³⁷ Названия популярных вин, производимых в Кампании.

¹³⁸ Относительно реки Сарно существовало поверье, что каждый, кто в ней искупается, станет нечувствителен, как камень; тростниковое семя считалось вредоносным и омертвляющим.

обещания и гарантийное письмо доброй надежды, иначе мои ноги вынесут вон отсюда вместе с башмаками и ты навеки потеряешь их колодку!»

Эти и тысячи иных слов лились у него из груди, трогая за живое помолодевшую старуху, так что в конце концов она уступила и согласилась выйти за него замуж. Поднявшись с бархатного сиденья, она взялась за его протянутую руку, и они вместе отправились во дворец, где моментально был приготовлен величайший пир, на который были созваны все благородные дамы страны. Но невеста пожелала, чтобы вместе с другими пришла и ее товарка.

Однако понадобилось немало труда, чтоб разыскать ее и затащить на пиршество, потому что от великого страха она пряталась так, что и следа было не сыскать. Однако, Бог знает как, ее привели и посадили рядом с подругой, которую невозможно было узнать; и все вместе принялись за сказанное в «Gaudeamus»¹³⁹. Но старуха, которой не повезло, не смотрела на королевские яства, ибо ее разьедал изнутри иной голод: она лопалась от зависти, глядя на юную кожу своей подруги, и то и дело дергала ее за рукав: «Так что же ты сделала, сестрица? Ну, скажи, что ты сделала? Ох и везучая ты!» Подруга отвечала шепотом: «Ешь спокойно, помолчи, после поговорим!» – а король, насторожившись, спросил молодую жену, чего хочет от нее эта синьора. Жена, не выдавая подругу, сказала, что синьора хотела бы немного зеленой подливы. И король тут же распорядился принести чесночной, перечной, горчишной подливы и тысячу других приправ, чтобы гостя ела с большим аппетитом.

Но старуха, которой теперь и начинка торта казалась желчью, снова и снова хватала подругу за локоть, заклиная: «Ну так что же ты сделала над собой, сестрица? Как у тебя это получилось? Я вот думаю, то ли заговор какой надо списать, чтобы носить под платьем?» И та снова отвечала: «Помолчи, будет еще время рассказать, а пока ешь, кто тебя поджигает? Наедине поговорим». И снова король, любопытствуя, спрашивал, что угодно госте, а молодая супруга, чувствуя себя запутавшейся, словно цыпленок в пакле, так что ей уже и кусок в горло не лез, отвечала, что синьора просит сладкого. И, будто снег, сыпались печенья с корицей, бушевали, словно волны, вафли и анисовые колечки; там бурлил поток бланманже, здесь лились дождем пирожные с медовыми и фруктовыми начинками...

Но старуха, у которой внутри крутилась колесная прялка, прицепившись, как полип, к локтю подруги, продолжала прежнюю музыку. И та, не в силах более сопротивляться и желая только одного – стряхнуть ее с плеч долой, открыла секрет удачи: «Сестрица, – как можно тише прошептала она, – я велела цирюльнику снять с меня старую кожу». Услышав это, старуха надменно произнесла: «Что ж, не глухой сказала. Попытаю и я удачи. Не одной же тебе на золоте кушать. Не одной тебе счастьем наслаждаться, пускай и мне немного достанется».

Меж тем начали собирать со столов, и она, притворившись, что хочет отойти по естественной надобности, что было духу побежала в цирюльню, где отозвала мастера в сторонку и говорит ему: «Даю тебе пятьдесят дукатов, а ты сними с меня старую кожу с головы до пят».

Брадобрей, решив, что она сошла с ума, сказал ей: «Иди, сестрица, своей дорогой, ибо говоришь ты не дело; подлечить бы тебя». Но старуха, потемнев лицом, точно камень на мостовой, отвечала: «Сам ты с ума сошел, раз своей выгоды не видишь. Я тебе не только пятьдесят дукатов даю, но, если хорошо дело сделаешь, до конца дней у Фортуны цирюльником станешь. Берись за дело, не теряя времени, и будет тебе счастье».

Брадобрей долго спорил с ней, ругался, противился, но наконец, притянутый за нос, поступил согласно пословице: «Привязывай осла, где хозяин велит»; усадив на табурет, он стал ее строгать, по ее желанию, как гнилую кочерыжку. А она, истекая кровью, терпела так, будто сама себя брила, и только приговаривала: «Уф-ф-ф, коль красивой хочешь быть, надо

¹³⁹ «Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus» («Будем веселиться, пока молоды») – начальные слова студенческой песни, создание которой относят к XIII или XIV вв. Впоследствии распространилась по всей Европе; до сих пор считается международным гимном студенчества.

золотом платить». Он продолжал ее изничтожать, а она все твердила эти слова. Так, на пару, он – рукой, а она – голосом, играли они на лютне ее тела, постепенно спускаясь по грифу до самой розетки; и наконец бабахнула она с нижней палубы выстрел к отплытию, взявшись на свой риск оправдать слова Саннадзаро¹⁴⁰, что

зависть, милый сын, саму себя терзает.

Окончание этой сказки подоспело ко времени, когда у Солнца оставался еще час, чтобы, подобно загулявшемуся студенту, убраться из кварталов Воздуха. И князь велел позвать гардеробищика Фабьелло и кладовщика Яковуччо, чтобы они закончили этот день подобающим десертом. И вот они явились проворно, как мальчишки, прислуживающие за столом: один – в черных чулках на подвязках, в распахнутой куртке, с большими пуговицами в виде шариков из замши, в плоском берете набекрень; другой – в точно таком же берете, в куртке с нагрудником, в штанах из белого тарантского полотна. Выйдя из-за шпалеры миртового кустарника, словно из-за занавеса на сцену, они начали:

¹⁴⁰ Якопо Саннадзаро (1458–1530) – неаполитанский поэт и прозаик, автор «Аркадии», одной из самых популярных книг эпохи Ренессанса, оказавшей влияние как на литературу, так и на изобразительное искусство. Искусствоведы считают, что она дала, в частности, толчок к развитию пейзажного жанра в живописи. В течение XVI в. «Аркадия» была переиздана в Италии более восьмидесяти раз и, кроме того, переведена на главные европейские языки.

Капéль Эклога

Фабьелло, Яковуччо

ФАБЬЕЛЛО Куда бежишь вприпрыжку, Яковуччо?

ЯКОВУЧЧО Несу домой вот эту штучку.

ФАБЬЕЛЛО Какой-нибудь премиленький гостинец?

ЯКОВУЧЧО О да! Вот видишь, даже бантиком перевязал.

ФАБЬЕЛЛО Что ж это?

ЯКОВУЧЧО Чашечка пробирная, капель.

ФАБЬЕЛЛО На что она тебе?

ЯКОВУЧЧО Ты хочешь знать?..

ФАБЬЕЛЛО Ах нет. Будь добр, иди куда подальше.

ЯКОВУЧЧО Да почему?

ФАБЬЕЛЛО Да кто ж тебя поймет...

А если вдруг увлек тебя бесенок... на это дело...

Ну, меня ты понял.

ЯКОВУЧЧО Понял. Только ты

в ста милях от того, что правда.

ФАБЬЕЛЛО Кто же знает...

ЯКОВУЧЧО А если кто не знает,

пусть лучше рот не разевает.

ФАБЬЕЛЛО Я знаю лишь одно, что ты не ювелир

и не плавильщик. А что ты есть такое,

тебе виднее самому.

ЯКОВУЧЧО Фабьелло,

Вот отойдем в сторонку, и сейчас

тебя я изумлю.

ФАБЬЕЛЛО Пойдем, куда захочешь.

ЯКОВУЧЧО Зайдем под этот вот навес. И я тебе

наговорю такого,

что выпрыгнешь, пожалуй, из штанов.

ФАБЬЕЛЛО Изволь, наговори. Но только, братец,

по-быстрому, не утомляй.

ЯКОВУЧЧО Нет, не спешу.

Какой, однако, скорый!

Иль матушка тебя рожала на бегу?

Как думаешь, чему должно служить

мое приспособление?

ФАБЬЕЛЛО Это чашка,

в которой очищают серебро.

ЯКОВУЧЧО Ну, первым выстрелом – и сразу в цель!

ФАБЬЕЛЛО Да ты ее прикрой получше,

ведь если мимо будет проходить

какой-то сыщик, то, гляди, пожалуй,

отправит нас с тобой в свиной сарай...

ЯКОВУЧЧО Уже наклал в штаны? Да успокойся,

моя ведь чашка не из той посуды,
где месят тесто хитростей, покуда
за три фальшивые золотника
не выручат петлю и три бруска!
ФАБЬЕЛЛО На что ж она тебе?
ЯКОВУЧЧО Определять,
сколь чисто золото в приманках мира,
чтобы чеснок не смешивать с инжиром.
ФАБЬЕЛЛО Ох, доброе купил ты бремя льну,
да трудно вычесать: мудрена эта штука!
Короткий век сулит твоя наука
и раннюю в макушке седину!
ЯКОВУЧЧО Вот-вот! Нет человека на земле,
кто отдал бы хоть глаз, хоть даже зуб,
чтоб занять орудие, как это,
способное тотчас определить
пятно на теле иль в душе у человека,
познать, что стоят хитрость иль удача.
Ведь в этой чашечке легко увидеть,
чья тыковка пуста, а в чьей – маленько соли,
подделка пред тобой иль подлинная вещь.
ФАБЬЕЛЛО Ну так и что?
ЯКОВУЧЧО Дослушай до конца
и не спеши, коль хочешь разобраться.
Все, что старательно наведено с лица,
чтоб пред толпою чем-то стоящим казаться,
все это только зрения обман,
лишь пелена, лишь пыль в глаза. Но ты
не дергай за верхушки, и плоды
не выбирай по коже, но вскрой
любую вещь и загляни вовнутрь.
А кто в глубины не забрасывает сети, —
лишь олух, коих тьма на белом свете.
Но с чашечкой ты установишь верно,
вот это дело – чисто или скверно,
чем пахнет: миндалем иль горьким луком.
ФАБЬЕЛЛО Клянусь Ланфузой¹⁴¹, удивительная штука!
ЯКОВУЧЧО Сначала выслушай, потом дивиться будешь.
Еще пройдемся, и дыши поглубже,
ведь вещи вправду дивные услышишь.
Так будь внимателен, прошу, к моим словам.
К примеру, ты от зависти едва
не лопаешься, надуваешься от злости,
и будто терпишь грыжу оттого,
что смотришь на маркиза или графа,

¹⁴¹ Ланфуза – мать мавританского богатыря Феррагуса, персонажа поэм М. Боярдо «Влюбленный Роланд» и Л. Ариосто «Неистовый Роланд». Из поэтических текстов клятвы «жизнью Ланфузы» перешла в разговорный язык в качестве шуточного присловья.

в какой карете он роскошной выезжает,
как толпы челяди его сопровождают,
и отовсюду – лизоблюдов сброд:
один с улыбочкой встречать спешит, а тот
издалека послать поклончик рад,
тот шляпу перед ним приподнимает,
тот лебезит: «Я ваш покорный раб!»
Он сопли в шитый золотом платок сморкает;
за ним слуга с павлиньим веером стоит,
пока он на серебряном горшке сидит.
Но этим зрелищем ты не беременей,
от тайной зависти вздыхая, не потей;
вложи его в сосуд пробирный, подогрей – и вот
увидишь, сколько мерзости живет
под креслом бархатным, уведаешь, каков
шипящих змей клубок среди цветов!
Смотри – вот этим кружевом богатым
прикрыта куча совершенного... говна;
но неразумным кажется она
благоухающей цветочным ароматом!
Он умывается над золотой лоханью
и сгустками выплевывает кровь,
берет с подноса лучшие кусочки,
что в горле застревают у него:
и, коль вблизи рассмотришь да рассудишь,
завидовать ему не будешь:
здесь не Фортуны дар, но наказание Неба!
Он злому воронью кидает горсти хлеба —
тем подлецам, что выключают ему глаза,
откармливает свору псов,
что на него же, дай лишь срок, возьмутся гавкать,
содержит собственных врагов,
что, облепив его со всех сторон, как пьявки,
пьют кровь его, что лезут прямо в рот.
Этот – заглядывает вкрадчиво в лицо,
гримасничая, извиваясь,
тот – что кузнечными мехами, дует в уши;
один радушие в лице изображает —
волк, шкурою овечьей облачен,
со сладким обликом и с желчью в селезенке,
готовый нанести удар исподтишка,
другой в молчании сплетает сети;
один на ухо шепчет: «Все тебе открою» —
и сплетнями заводит ум за разум
в его несчастной головенке,
другой, предательство замыслив,
советы, к гибели ведущие, дает, —
что ни во сне он не найдет покоя,
ни удовольствия в еде, и даже

не в силах просто рассмеяться от души!
От музыки в пиру – одни мигрени,
на ложе сна – одни кошмары;
ему тревога выгрызает печень,
как коршун – Титию; как Танта́л,
перед собою видя воду и плоды,
он мучится, от жажды умирая.
Его ума лишенный разум —
крутится, словно Иксиона¹⁴² колесо,
с которым связанный не обретет покоя;
все замыслы, мечтания его —
суть глыбы, что затаскивает, пыжась,
Сизиф на гору, а они – бабах!
– с ужасным грохотом катятся вниз.
Он восседает в кресле золотом,
обделанном слоновой костью,
обитом в бархат золочеными гвоздями,
среди ковров турецких, под ногами —
подушечки из камки и тафты, но сверху,
над головой, подвешен острый меч
на тонком волоске, и, сидя, он
от страха заливается поносом,
в кишках его заводятся глисты,
в душе всегда тревоги, подозренья...
А завершение этой жизни славной —
лишь тьма и грязь, лишь черная земля,
которой в тесной яме хватит равно
покрыть хоть нищего, хоть короля.
ФАБЬЕЛЛО Ты прав, клянусь душою государя!
Но только все, пожалуй, даже хуже,
ибо чем выше кто по знатности стоят,
тем больше им опасности грозят.
А о роскошествах тех необыкновенных
сказал, я помню, старикашка из Треккьены¹⁴³,
что нам орехи продавал когда-то:
«Не все то злато, что блестит, ребята».
ЯКОВУЧЧО Послушай кое-что еще, не пожалеешь.
Ты знаешь, есть на свете люди, чей
девиз: «Война превыше всех вещей»¹⁴⁴.
И вот такой, когда приходит время

¹⁴² Титий – в греческой мифологии титан, которого за дерзкую попытку обесчестить богиню Лето Зевс приговорил к мучке в Аиде: два коршуна непрестанно терзают его печень; Тантал – царь Сипила во Фригии, наказанный за разглашение тайн богов: стоя в Аиде по горло в воде, он не может достать воды и, видя близ себя роскошные плоды, не может овладеть ими; Иксион – царь племени лапифов. Коварно убив тестя, он мучится в Аиде, привязанный к вечно вертящемуся колесу.

¹⁴³ Треккьена (Треккина) – селение и феодальное владение в области Базиликата; в глазах неаполитанца порядочная глушь.

¹⁴⁴ Возможно, аллюзия на известный афоризм Гераклита Эфесского: «Война – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.